

**Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.**

Л.С. Чейс

"Метель, соединившая нас"

Серия: вне серии

Автор: Л.С. Чейс

Название на русском: Метель, соединившая нас

Серия: вне серии

Перевод: Лана Флата

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Мария Гридина

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Бывают обстоятельства и похуже, чем оказаться в затруднительном положении в метель.

Художник Тревор Моррисон всегда ценил мелочи в жизни, воспринимая каждый день как подарок. И не без причины — он слишком долго был в списке получателей на трансплантацию. Когда он узнает, насколько считаны его дни, то решает не принимать их как само собой разумеющееся. Но в тоже время он не может не оставаться реалистом — что означает, что романтические обязательства будут сняты с повестки дня.

У Маркуса Робертса, кажется, есть все. Он красив, финансово стабилен и на финише к партнерству в престижной юридической фирме. Однако, на самом деле, его стремление к успеху не оставляло времени для друзей или отношений. Добавьте тот факт, что его семья давно отказалась от него, и ему грозят еще одни праздничные каникулы в одиночестве.

Когда сильнейшая за последние десятилетия метель нанесла удар по Колорадо, Марк и Тревор оказываются в бедственном положении и застревают в одном отеле. Случайная встреча и единственная ночь страсти приведёт к большему, чем любой из них предполагал. Найти утешение друг в друге — долгожданный сюрприз, но время не на их стороне. Либо они найдут способ преодолеть трудности, либо потеряют друг друга навсегда.

Глава 1

— Я знаю, насколько это тяжело, Тревор, — сказала доктор Уэйван. Она улыбнулась ему, а затем повернулась, доставая что-то из ящика шкафа за своим столом.

Тревор глубоко вздохнул и посмотрел на плакат анатомии человека на стене. Сколько раз он сидел на этом самом месте, изучая плакат, в ожидании, пока Доктор Уэйван войдет в кабинет? Каждый раз надеясь, что у нее для него хорошие новости. Каждый раз, оставляя стойкое ощущение, что его время истекает, также как и угасают остатки его оптимизма.

— Мы не должны терять надежду, — сказала она с грустной улыбкой, вращаясь в кресле. Она протянула буклет. — Но реальность такова, что ты ко всему должен быть готов.

Он взял его и вздохнул. Золотыми буквами на синем фоне гласило: «*Решение вопроса о прекращении диализа (прим. лечебная процедура, которая применяется для пациентов с острой или хронической почечной недостаточностью). О том, что следует ожидать*». Горло сдавило, и буквы начали размываться. Он вдохнул сухой, стерильный воздух, который казался настолько привычным для кабинетов врачей, и задержал дыхание, отгоняя слезы, которые больше не имели права течь по его щекам.

Рано или поздно это всегда должно прийти к одному концу, не так ли? Он и так протянул больше времени, чем положено ему удачей.

Семь лет он был на диализе в ожидании пересадки почки. Семь лет он пытался не терять маячившую надежду на жизнь. Семь лет он боролся, но получалось только притормозить исход.

Он кивнул.

— Вы говорили мне с самого начала, что мало шансов из-за моей группы крови.

— Мало шансов — это все еще шанс, — сказала она.

Но его шансы были ограничены, и готов он или нет, он понимал, что его жизнь подходит к концу.

— Если я решу прекратить диализ... — он с трудом сглотнул. — Сколько времени у меня останется?

— Это зависит от нескольких факторов: возраста, образа жизни, осложнений ТПН (прим. терминальной почечной недостаточности), которые возникают, и так далее. Ты всегда очень хорошо заботился о себе, поэтому у тебя может быть больше времени, чем у других, — доктор Уэйван секунду изучала его, и он догадывался, что ему не понравится то, что она собирается сказать. — В большинстве случаев, от четырех дней до двух недель максимум.

От четырех до четырнадцати дней? У него перехватило дыхание, зрение сузилось на буклете в его руке, но он ничего не видел.

Он не смотрел вверх.

— А если я останусь на нем?

— Если трансплантация не пройдет в течение следующих шести месяцев... Может год.

Удар под дых перекрыл дыхание, кожа покрылась холодным потом. Если Доктор Уэйван до сих пор что-то и говорила, он не мог этого слышать из-за тиканья секундомера смерти, перерастающего в грохот в ушах.

— Тревор... — ее теплая, успокаивающая рука на плече оттянула его от края паники. Он заставил себя посмотреть вверх, сосредоточиться на сочувствующих глазах, которые говорили ему, что он не один.

Доктор Уэйван была с ним с самого первого дня. Проходя через все тесты, все методы лечения, все надежды и разочарования отчаянно пытаясь найти подходящего донора, который спасет его жизнь. Она с ним будет и в конце.

— Сейчас не нужно принимать решение, — сказала она, успокаивающим голосом.

— Ты еще так молод, и ты здоров, насколько позволяет твое состояние, а медицина продолжает развиваться.

— Тридцать девять не так уж и молод. Это практически середина жизни.

— С каких это пор ты стал себя считать наполовину-пустым-стаканом? — ее улыбка не тронула глаз, но он оценил этот жест. Тем не менее, он мог только покачать головой в ответ.

Доктор Уэйван нахмурилась.

— У тебя есть время, Тревор.

— Не много, — сказал он, и эта правда слов угрожала задушить его.

Ее улыбка потускнела, и глаза заблестели. Она отвернулась. Если бы она начала плакать, он бы тоже не смог сдержать слез. Это не было новым или неожиданным, только лишь реальность, от которой он надеялся уйти, достаточно долго игнорируя ее. Что если он будет усердно молиться, появится его донор в сияющих доспехах, спасет ему жизнь, и он будет жить долго и счастливо.

Он фыркнул. Все остальные были заняты поисками его или ее принца, а вот он искал почку принца.

— Никто из нас не знает, сколько у нас осталось времени — неделя, год, десять лет. Все, что мы можем сделать, это максимально использовать то, что у нас есть прямо сейчас, — тихо сказала она. — И прямо сейчас, я хочу, чтобы ты поехал домой и наслаждался праздниками с семьей и друзьями.

Кивнув, Тревор встал и коротко обнял ее.

— Счастливого Рождества, — он выдохнул, а затем развернувшись на пятках и не оглядываясь назад, вышел из кабинета.

Пять минут спустя, в застегнутой на замок куртке, он все еще стоял у офиса врача, подняв лицо к бледно-серому небу. Легкие снежинки падали на его лицо, кружка в ленивом танце словно перья, пока не приходили к тихому и нежному покою у его ног. Неужели это его последняя зима? Его последнее Рождество?

Все было не так, как предполагалось. Он не должен был думать о том, что пока ему не исполнилось сорок, было необходимым «привести свои дела в порядок». Он должен был думать о том, чтобы устроить свою жизнь и разделить ее с красивым, очаровательным мужчиной, особенно теперь, когда однополые браки наконец-то приняты в стране законом, а не о том, как он предпочтет умереть.

Знакомая мелодия выдернула его мысли из психологического колодца желаний, и он вытащил свой мобильный телефон из кармана. Закрыв глаза, Тревор выдержал секунду, чтобы собраться, прежде чем провести пальцем по экрану и принять вызов.

— Привет, мама, — беззаботно сказал он, благодаря себя, что ему это удалось. Засунув свободную руку в карман, он повернулся и пошел к стоянке, выдыхая пушистые облачка пара, образованные его дыханием.

— *Mi caríño* (прим. в переводе с испанского «Мой дорогой»). Как сегодня прошел визит к доктору? — растущая надежда в ее голосе кольнула его сердце. Пару лет назад она перестала спрашивать, нашли ли они донора, но она не могла полностью подавить свою непоколебимую надежду. Он потерял счет тому, сколько раз они поддерживали друг друга, пока она плакала, сердитая и беспомощная, что не может спасти своего сына. Но крайне мало таких людей, которые были к этому готовы, и еще меньше, которые бы смогли.

— Хорошо, — сказал он скованным голосом, обвиняя в этом холодный воздух, колющий его кожу и замораживающий ресницы. — Ничего нового. Ничего такого, о чем бы мне не терпелось рассказать тебе лично.

Ничего, что он хотел бы прямо сейчас рассказать по телефону — или *смог* бы рассказать. Новость билась в его голове таким хаотичным образом, что он даже не мог начать ее озвучивать.

Короткая пауза намекала ему, что мама борется с желанием потребовать, чтобы он рассказал ей обо всем прямо сейчас. Она обычно давила, когда знала, что он — или кто-либо в его семье, действительно что-то скрывали, но она также знала, когда нужно отступить.

— Я слышала в новостях предупреждение о сильной метели, — сказала она вместо этого, и он отправил молчаливое спасибо вселенной. — Они уже начали отменять некоторые рейсы в Денвер. Я хочу, чтобы ты успел на более ранний рейс, прежде чем они закроют аэропорт.

— Хорошо, но мне прямо сейчас надо попасть на процедуру. Я позвоню и проверю рейсы сразу после нее, — добравшись до своей машины, он вытащил ключи из кармана,

отпер дверь и залез внутрь, сразу же запуская двигатель и включая обогрев. — Но ты же знаешь, что у нас здесь все построено с учетом возможных сильных снегопадов. Все будет хорошо.

Она пыхтела.

— Ни одна постройка не может противостоять разбушевавшейся матери-природе. Позвони мне, когда тебе будет известно новое время прибытия, и мы увидимся в аэропорту.

Тревору пришлось улыбнуться. Его мама отказывалась принять ответ «нет», независимо от того, кто или что осмелился встать у нее на пути.

— Хорошо, я решу этот вопрос.

— Сделай это сейчас, сразу после того, как повесишь трубку.

— Да, мам.

Она засмеялась, и он присоединился к ней, немного скованно, как ему показалось. До тех пор, пока он не ответил на звонок, он еще мог пережить остаток долгого дня. Он собирался поговорить с ней и остальной частью его семьи о том, какие варианты у него были, насколько ограниченными они были, но этот разговор мог подождать до конца праздников. Может быть, если он будет достаточно долго откладывать, это просто исчезнет? Он мог засунуть голову в песок и притвориться, что совершенно здоров, притвориться, что его почки чудесным образом станут лучше, а не хуже. Что у него впереди были годы и годы, что он увидит, как будут подрастать его племянницы и племянники, что он найдет свою вторую половинку... что он не столкнется с выбором умереть комфортно на своих собственных условиях сейчас, прожив нормальную жизнь, или умереть позже, после того, как его тело ухудшиться до такой степени, что оно будет просто существовать в болезненных страданиях до неизбежного конца.

— Я люблю тебя, сынок, — его мама прислушалась к его мыслям, как будто чувствуя, что он на пути к слезам.

— Все, что у нас есть сегодня, — говорила она ему снова и снова. — Жизнь.

Он вновь напомнил себе — это все, что есть *сейчас*. С завтрашнего дня он будет думать о том, сколько таких «сейчас» у него осталось.

— Я тоже тебя люблю. Увидимся вечером.

Он убрал свой телефон, взял скребок для чистки снега и вышел, чтобы очистить лобовое стекло. Только тогда он заметил, сколько снега навалило за час, пока он был на приеме. С неба, похожего на сплошной серо-белый сланец, равномерно падали крупные хлопья, и хорошие четыре сантиметра свежего снега уже покрыли крышу его автомобиля. Если так будет продолжаться, он может вообще не добраться до аэропорта, не говоря уже о том, чтобы беспокоиться об отмененных рейсах. К счастью, он уже собрал вещи, так что ему не придется бежать в гору домой после процедуры. По крайней мере, в этот день хоть что-то было хорошее.

— Ну же, прекрасный принц, — сказал он вслух, и его дыхание вырвалось изо рта белыми облачками. — Все, что мне нужно, это одна из твоих почек. Всего лишь одна.

Глава 2

— Маркус Робертс!

От испуга, документ, который он читал, выпал из его рук. Он поднял глаза, увидев Кейт Беллами, стоящую с хмурым лицом в дверях его кабинета. Ее обычно убранные назад длинные темные волосы теперь свободно спадали вокруг ее плеч.

— Третий раз — просто чудо, — сказала она, уперев руки в бедра, проходя и останавливаясь перед его столом. Ее внимание сосредоточилось на бумагах, разбросанных по его столу.

Он нахмурился, поднимая бумагу, которую уронил.

— Что ты имеешь в виду?

— Я три раза произнесла твоё имя, чтобы привлечь внимание, — она вырвала документ из его рук и начала собирать разложенные на столе бумаги, безошибочно помещая их в соответствующие файлы. Едва взглянув, она, казалось, знала, что в какой папке должно быть. Яркий пример из многих, которые сделали ее одной из лучших помощников юриста в «Ролингз, Фрэнк и Эрнхаат», самой престижной юридической фирмы Колорадо.

— О, извини, — он потянулся к папке с файлами, но она отбила его руку. — Что ты делаешь?

— Ты, — указала она на него листом бумаги, — отправляешься домой.

Он откинулся на спинку стула, наблюдая, как она аккуратно складывала папки. Кейт всегда говорила ему, что он был последним человеком в офисе, когда она уходила в конце рабочего дня, тонко намекая на то, что ему пора тоже, на что он отвечал шуткой, и она, улыбаясь и покачивая головой, удалялась. Но никогда она не приказывала ему уйти раньше. Он не знал, возмутиться приказу или смириться с ее беспокойством.

— У меня еще есть время, пока моя машина не превратится в тыкву, — сказал он с улыбкой.

Она коротко стрельнула в него пристальным взглядом, а затем подошла к окнам позади него.

— Посмотри на улицу и скажи мне, что ты видишь.

Он обреченно вздохнул. Кейт присоединилась к фирме чуть более трех лет назад, и он очень быстро стал полагаться на ее опыт и умение делать невозможное. За десять лет в фирме у него был довольно солидный служебный список, но он стал еще совершеннее, когда она к ним пришла. Он не собирался злить ее, что, по сути, означало, потерять правую руку.

Снаружи короткий зимний световой день уступил место грифельно-серой темноте и дрейфующим белым хлопьям, равномерно падающим вниз.

— Идет снег. Сюрприз, сюрприз.

— Умник, — с ноткой смеха в голосе сказала она. — Посмотри еще раз.

На этот раз он посмотрел вниз на заснеженный город. Его офис был на седьмом этаже, с видом на запад. Обычно ему была видна вся фронтальная полоса города, простирающаяся с севера на юг, но теперь он едва мог разглядеть здания, которые, как он знал, были всего в нескольких кварталах. Снег уже начал падать, когда он утром ехал на работу — это была зима, в конце концов, — но он весь день не поднимал головы,

сосредоточившись на новом деле, которое взял у другого адвоката, и даже не заметил, сколько снега навалило.

— Так много снега, — сказал он, повернувшись к ней лицом.

Она подняла бровь.

— Это практически «Снежный армагедон», и уже распространено экстренное предупреждение о метели. Большинство из наших уже уехали на праздники, и тебе нужно вернуться домой, прежде чем все занесет снегом.

Он пожал плечами и хитро улыбнулся.

— Тогда я смогу пойти в спортзал внизу, а затем поужинать в закусочной.

— Если они все еще открыты. А потом что? Спать на полу в офисе? — она покачала головой и наклонилась вниз стола, чтобы забрать его портфель.

— Почему нет? Это сэкономит мне время на дорогу, и я смогу сделать больше работы, — с новым делом, добавленным к его и без того большой нагрузке, он не шутил о необходимом дополнительном времени, чтобы добиться некоторого прогресса. Все равно дома его никто не ждал.

Кейт положила его портфель на стол и начала запихивать в него документы.

— Ты помнишь, что завтра Сочельник, не так ли?

— Конечно! — на самом деле, он не хотел об этом думать, но ни за что не признался бы ей в этом. Приближение праздников танцевало по краям его сознания, но он игнорировал это. Так же, как и почти двадцать лет назад. Каждое Рождество было напоминанием ему, что он не был достаточно хорошим сыном в глазах матери. То, что он не был звездой университета или спортсменом, которыми были его братья, было самым малым — его мать узнала, что он гей. С того момента он стал живым призраком в своем собственном доме. Так что да, он намеренно старался не думать об этих праздниках, максимально цепляясь и сосредоточиваясь на работе, пока не пройдут праздничные каникулы, и жизнь не вернется к обычным делам.

Судя по обеспокоенному взгляду, которым Кейт смотрела на него, она ему не поверила. Она сунула последнюю папку в портфель и захлопнула его с большей силой, чем было нужно.

Она выдохнула, как будто собиралась перед выступлением, ее голос был мягким, когда она сказала.

— Пожалуйста, Марк, скажи мне, что ты не проведешь праздники в одиночестве.

— Я не собираюсь проводить праздники один, — еще одна ложь. Он улыбнулся, надеясь, что это не выглядело фальшиво.

— Я знаю, что мы не говорим о нашей личной жизни, и я действительно не хотела выходить за рамки, но... — она села в кресло перед его столом. — Я беспокоюсь за тебя.

Его брови взлетели вверх. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Он был взрослым человеком, способным позаботиться о себе. С тех пор, как ему исполнилось восемнадцать лет, его мать бесцеремонно вытолкнула его за дверь, и он остался в огромном мире совершенно один. Даже дольше того. Он перестал существовать в ее глазах много лет назад, а в тот день она навсегда поставила точку в их отношениях.

— С какой стати ты беспокоишься обо мне? — ужасная мысль возникла в его разуме, и холод сковал его грудь. — Коллеги что-то сказали?

— Нет! Нет. Ничего подобного, — она подняла руку в успокаивающем жесте. — Просто... Трудоголизм — не здоровая штука.

— Я не трудоголик, — он хмурился, даже когда облегчение, что коллеги не были недовольны его работой, накрыло его. Он был трудоголиком? Он упорно трудился, добиваясь цели, конечно, чтобы доказать себе, но это называется сосредоточенность и дисциплинированность.

— Марк, — сказала она, своим суровым тоном, — ты каждый день первый и последний в офисе. Ты не делаешь перерывов, ты работаешь без обеда, и ты всегда берешь на себя дополнительные дела. За все годы, что я с тобой работаю, ты ни разу не брал больничный или выходной. Ты никогда после работы не присоединяешься ко мне или к парням за выпивкой или ужином... Ты даже не останавливаешься поболтать возле кулера с водой.

Да, но у него были веские причины ограничить общение.

— Я стремлюсь к тому, чтобы к весне стать партнером, что означает работать уйму времени. Ты знаешь, как много для этого нужно. У меня сейчас нет времени ни на что другое, — это был не самый короткий путь, но он стремился стать самым молодым партнером в истории фирмы, и он не хотел ничего портить.

— В жизни есть нечто большее, чем партнерство в фирме.

— Но не для меня, — проговорил он. Марк быстро отвернулся. Он не хотел говорить об этом вслух и надеялся, что она не будет настаивать на том, чтобы он ей все объяснил.

— Быть таким целеустремленным — это достойно восхищения, не пойми меня неправильно, — сказала она, и он молча поблагодарил, что она пропустила его комментарий. — Но не ценой всего остального в твоей жизни.

— Это еще ничего мне не стоило.

— На самом деле? Что случилось с Тони?

Марк вздохнул и почесал рукой затылок. Она чертовски хорошо знала, что случилось с Тони. Он приходил в офис повидаться с Марком, но Марк был на связи с клиентом. Не дождавшись, пока его беседа закончится, чтобы они могли говорить, Тони оставил Кейт сообщение для него. Их пятимесячные отношения закончились, потому что он устал от постоянной работы Марка, которая всегда была на первом месте. Конечно, Марк много работал и отменил больше, чем несколько их встреч, потому дела продолжались дольше, чем планировались. Это не всегда было так, но для Тони это не имело значения. «Не звони», — это были его последние слова Марку, написанные на розовом листе блокнота «пока тебя не было».

— Все изменится после того, как я стану партнером, — тихо сказал он, в глубине души понимая, что это тоже неправда. Как партнер, он должен еще больше работать. Он не мог винить Тони в уходе.

— Изменится ли?

— Хорошо! Хорошо! — он вынуждено засмеялся, поднимая руки в капитуляции. — Я сдаюсь. Я клянусь, что займусь своей жизнью.

— Рада это слышать, — испытывая удовлетворение, что достучалась до него, она встала и подошла к вешалке возле двери его кабинета.

— После того, как я стану партнером, — добавил он.

Кейт застонала, закатила глаза и покачала головой.

— Иди домой. Сними костюм и надень нормальную одежду. Скажи, что у тебя есть джинсы.

— У меня больше чем одна пара, — дразнил он.

— Я шокирована! Теперь иди, — она протянула ему куртку и портфель и легонько подтолкнула его к двери. — Будь радостным, веселым и слепи снеговика.

Марк не мог не засмеяться. Он, слепить снеговика? Этого никогда не случится.

— Да ладно, — сказал он после того, как надел куртку. — Я провожу тебя. Ты не можешь пропустить Рождество, потому что задержалась, пытаясь вытащить отсюда мою жалкую задницу.

Глава 3

— Я должен был остаться в офисе, — ворчал Марк, и его голос гулким эхом откликался внутри пустой машины.

Прошло три часа с тех пор, как Кейт вытолкнула его из офиса, и единственное, что передвигалось по автостраде Боулдера, — это его стрелка топлива, двигающаяся к минимуму. Марк вздохнул и открыл свой мобильный телефон из центральной консоли. Никаких пропущенных звонков или сообщений. Никто, кто бы волновался или искал его, попавшего в бедственное положение в страшную метель, обрушившуюся на скалистый горный хребет Восточного Колорадо, которая была признана как наиболее сильная за последние десять лет.

Он не волновался, когда рано утром пошел снег. В Денвере знали, как бороться со снегом, и никогда так надолго не останавливали движение. Было около двух футов снежного покрова (*прим. ок. 60 см*), но за несколько часов количество снега удвоилось, и сугробы уже достигали высоты восьми футов (*прим. ок. 2,5 м*). По данным радио, CDOT (*прим. департамент транспорта штата Колорадо*) закрыл шоссе между Боулдером и Голденом, потому что сугробы были почти вдвое больше. Дорожные бригады просто не справлялись.

Если бы Кейт не пришла проверить его, он все еще был бы на работе — застрял бы там и ужинал из торгового автомата. Теперь он здесь, зажат в пробке на повороте где-то между Денвером и Боулдером, с сотнями таких же застрявших и рассерженных пассажиров. Скоро в машине кончится бензин, и он будет вынужден пережить ночь на морозе.

Его желудок урчал, и он добавил «голод» к его растущему списку «радости бытия застрявшего в метель». Пытаясь отвлечься от просьб своего тела о пропитании, он прокручивал свои телефонные контакты. Там была Кейт и несколько номеров каждого из старших партнеров фирмы. Но он никогда не звонил им вне работы по какой-либо причине. Также были номера трех его любимых ресторанов — так как у него никогда не было ни времени, ни желания готовить еду для себя одного — номер спортзала, где он каждое утро фанатично занимался, и... номер его матери. Он смотрел на него безучастно, его большой палец завис над кнопкой вызова. Сколько раз он пытался нажать на нее, чтобы попытаться разорвать этот замкнутый круг, но в итоге получалось только запихнуть телефон обратно в карман. Разве она недостаточно ясно дала понять много лет назад, что она покончила с ним потому, что он не соответствовал ее стандартам?

Одним движением закрыв вкладку с контактами, он положил телефон обратно в консоль и еще раз посмотрел в окно. Густое, размеренное господство падающего снега завораживало. Несмотря на то, что был не восторг от своей ловушки на автостраде, он

должен признать, что наблюдать за снегом прекрасно — мирный в своей тишине, спокойный в своем настаивании на том, чтобы мир остановился и вздохнул, освободился от своих печалей, очистил свою душу и начал все заново.

Кейт была права. Его стремление стать партнером, добиться чего-то и стать тем, кем его мать могла бы гордиться, стоили ему многоного. Друзья, отношения и в большей степени — его истинные мечты — были похоронены в стремлении к профессиональному успеху. Но он был почти у цели. Еще немного, и тогда у него будет время серьезно подойти к тому, чтобы найти кого-то, с кем он разделит свою жизнь.

О да, продолжай себя в этом убеждатель, Робертс.

Дрожь пробирала до позвоночника, рассеивая его мысли.

— Проклятый снег, — пробормотал он, потому что было легче обвинить погоду в его позорном настроении, нежели чем искать какой-либо более глубокий источник.

Он обратил внимание на колонну транспортных средств впереди в надежде увидеть какой-либо знак, что движение в ближайшее время начнется снова. Это выглядело как что-то из постапокалиптического фильма. «Снежный армагедон», — сказала Кейт. Просто длинная колонна заснеженных автомобилей, насколько позволяла ему видеть ограниченная видимость не дальше нескольких сотен футов. Тихий и спокойный мир, как будто все его жители, кроме него, давно исчезли. Странное чувство одиночества проникло в его разум, но он быстро отогнал его.

В окно постучали, от испуга сердце быстро заколотило по ребрам. Снаружи стоял патрульный, и Марк не мог разобрать, мужчина это или женщина. Когда его пульс успокоился, он немного опустил окно, чтобы поговорить. Холодный воздух ворвался внутрь машины, хлестнул по лицу и вызвал в нем дрожь.

— Шлагбаумы закрыты в обоих направлениях, — сказал мужской голос, приглушенный шарфом, закрывающим рот и нос. Клубы пара от его дыхания призрачным туманом закрыли остальную часть его лица.

— Нет надежды выбраться отсюда сегодня вечером? — спросил Марк, снова жалея, что не проигнорировал Кейт и не остался в офисе.

— Где находится ваш дом?

— В Боулдере.

Патрульный покачал головой.

— Боюсь, что нет, — он указал в сторону от автострады. — Но мы недалеко от Супериора, и там есть отель недалеко от дороги.

Марк следовал за линией пальца в перчатке и увидел на расстоянии тусклый желтый ореол огней. В том направлении шли люди — сгорбленные, темные пятна медленно двигались навстречу плотному танцующему белому покрывалу.

Проклятие. Возможно это десять миль до зданий, но может быть и вся тысяча.

— Выглядит не очень далеко, — сказал Марк. У него в багажнике в спортивной сумке была смена одежды и туалетные принадлежности. Он сможет провести ночь в комфорте и тепле вместо того, чтобы заморозить свою задницу в машине.

— Может быть, минут тридцать ходьбы в таких условиях, — патрульный, возможно, пожал плечами, но он был так укутан, что Марк не был в этом уверен. — Я бы посоветовал отправиться туда на ночь, если хотите. Будет безопаснее и теплее, пока не пройдет снежная буря, и мы не откопаем дорожную трассу.

Офисная одежда Марка не располагала, что в ней будут тащиться по снегу в два фута, но, по крайней мере, когда он доберется до отеля, то сможет погрузиться в свою работу.

Марк взглянул на приборную панель. Стрелка топлива опустилась на восьмую часть бака, принимая решение за него. Ему еще понадобится достаточно топлива, чтобы съехать с автострады, когда дорожные бригады, наконец, смогут расчистить путь. Когда бы это ни произошло.

Марк кивнул.

— Думаю, что именно так и поступлю, спасибо.

— Правильное решение, — патрульный пару раз постучал по крыше машины Марка.

— Подождите, пока я проверю машины впереди вас. Я стараюсь отправлять людей группами для безопасности.

— Хорошо, — сказал Марк и закрыл окно. Он схватил с заднего сиденья свою зимнюю куртку, шарф и перчатки и надел их, прежде чем открыть дверь. Холодный воздух впился в его кожу, как миллион острых как бритва ногтей. Ему потребовались считанные секунды, чтобы обойти внедорожник, открыть дверцу багажника и схватить сумку и портфель, его ресницы, брови и волоски в ноздрях тут же покрылись инеем. Снова сев на водительское сидение, оставляя дверь открытой, он поменял свои легкие туфли на кроссовки, закинул сумки через плечо, а затем присоединился к своим неожиданным попутчикам для похода по замороженной тундре.

* * *

Чуть более часа спустя, после оформления одного из последних оставшихся номеров в отеле и столь необходимого, очень длительного и горячего душа, чтобы согреть его замерзшее тело, Марк сидел за поздним ужином в переполненном баре отеля. Его столик был в глубине зала, но тонированные стеклянные стены позволяли ему наблюдать, как очень раздраженные, покрытые снегом люди вваливались в отель в поисках тепла и укрытия на ночь. Подошвы мокрой обуви скрипели по полированному мраморному полу, когда люди пересекали вестибюль к стойке бронирования, а белые хлопья падали с тяжелых курток и вязаных шапок, оставляя после себя небольшие лужи. В этом месте была полная неразбериха.

Марк потянулся за своим горячим бренди, но остановился с бокалом на полу пути к губам, когда его внимание привлек высокий человек, пересекающий вестибюль. Он не сильно отличался от остальных людей — на первый взгляд такой же эскимо — но что-то в том, как он стоял, его широкие плечи и эти плотные мускулистые ноги, упакованные в потертую джинсовую ткань, заставили Марка сесть немного прямее. Одиночество, которое он чувствовал раньше, тоже усилилось.

— Если Бог существует, — прошептал он молитву, останавливаясь, когда человек осмотрел вестибюль и ярко-голубые глаза проскользнули мимо него.

Мужчина подошел к стойке и полез в карман. Его губы приподнялись в улыбке, которую Марк хотел видеть прямо, а не в профиль. Рука человека остановилась, плечи обреченно упали, и его поза перешла от уверенности к поражению. Если бы Марк был в зале суда, это изменение языка тела противника было бы ему сигналом, чтобы пойти на

уничтожение и выиграть дело. Но прямо сейчас он говорил Марку то, что тот уже знал. «*В гостинице не осталось номеров, сынок*».

Глава 4

Плечи Тревора опустились, когда молодой администратор сказал ему, что все номера были забронированы.

— Этот день становится все лучше.

— Мне очень жаль, сэр, — темные глаза администратора выражали неподдельную искренность. — Люди приходят весь вечер, а с закрытием аэропорта отель очень быстро заполнился. Вы можете провести ночь в нашем лобби или вестибюле отеля. Мы подготовим много дополнительных раскладных мест, одеял и подушек, сколько сможем найти, и кухня сегодня не закроется.

Он заставил себя улыбнуться.

— Думаю, у меня нет другого выхода, — не то, чтобы у него был выбор в этом вопросе, и не тогда, когда маршрутка из аэропорта, которую он, наконец, поймал, заехала на парковку отеля, и водитель объявил, что они не могут ехать дальше. — Спасибо.

Тревор вернулся в вестибюль и вытащил свой мобильный телефон из кармана. Его мама убьёт за то, что он не воспринял ее предупреждение о снеге всерьез.

— *Cariño*. Ты успел на более ранний рейс? Пожалуйста, скажи мне, что ты успел на более ранний рейс и только что приземлился, — слова были торопливыми, ее акцент стал сильнее, чем обычно, и его сердце заболело от нескрываемой надежды в ее голосе. Он будет проводить Рождество в одиночестве в первый раз в своей жизни.

— Нет, я этого не сделал. Мне очень жаль, мам, — Тревор вздохнул и сел в освободившееся кресло. — Аэропорт полностью закрыт. Движение заблокировано снегом, и повсюду застрявшие люди.

— Ох, милый. Где ты сейчас?

— Маршрутка довезла нас до отеля на повороте, но он полностью заполнен, — холодный порыв воздуха охватил его, когда двери открылись, чтобы впустить людей.

— Ты не можешь вернуться домой?

— Нет. Никто никуда не может выйти, так что я застрял здесь на ночь, как минимум. Я разговаривал по телефону с авиакомпаниями, и, похоже, нет никаких шансов, что я вернусь домой на Рождество. Мне повезет, если удастся забронировать билет на другой рейс на следующий день.

Его мама замолчала на мгновение, а потом тихо сказала:

— Без тебя все будет по-другому, *cariño*.

— Я знаю, — он провел рукой по волосам, отбрасывая челку с глаз. Боже, он так устал. Он не чувствовал себя слишком плохо после лечения, но этот день сильно утомил его и казалось, что он будет длиться бесконечно. Если бы только были комнаты и он мог бы прилечь немножко и немножко отдохнуть.

— Ну что ж, — ее голос был теперь спокойнее, приближаясь к решимости. — Мы подождем, пока ты сюда доберешься.

— Нет! Ты не можешь так поступать с детьми и со всеми остальными. Особенно с Исааком. У него будет припадок, — его мама рассмеялась, но она не могла спорить с этим. Исаак был того же возраста, что и Тревор, но, когда дело касалось Рождства, его брат вел себя в большей степени на три, чем на тридцать девять. Тревор тоже любил это заразительное возбуждение и никогда не позволил бы его отменить. Но у него не было других вариантов. — Счастливого Рождества. Мы просто с большим размахом отпразднуем Новый Год.

В трубке слышалось тихое шмыганье носом, заставляя его глаза жечь, а горло

сжиматься.

— Мама, все будет хорошо, — сказал он, стараясь не выдать эмоции в голосе. Если он этого не сделает, то они оба сломаются и его отцу придется вмешаться.

— Но что ты будешь делать? Я чувствую себя ужасно, думая, что ты там совсем один. Без семьи. Это неправильно.

— Ваш маленький мальчик уже не такой маленький, — пошутил он, надеясь внести немного легкости в ситуацию. — Думаю, со мной все будет в порядке.

— Ты всегда будешь моим мальчиком, даже когда будешь старым женатым мужчиной, — немного раздраженно сказала она.

— Да, — Тревор закрыл глаза и откинулся в кресле. Он никак не мог себя представить старым или женатым, как бы ему не хотелось этого. Но он не собирался лопать мыльный пузырь ее надежды прямо сейчас. — Ты будешь самой великолепной матерью жениха, которую когда-либо видел мир.

— Ты уже знаком с моим будущим зятем?

— Еще нет, мам, — он и не собирался это делать. Как он мог строить с кем-то будущее, когда у него не было своего собственного?

— Ну, тебе лучше поторопиться, пока твоя мама не стала слишком старой, мне хочется выглядеть сексуальной на высоких каблуках, когда пойду с тобой к алтарю.

— Если это случится, — пробормотал он.

— Конечно, это случится, — ее непреклонный тон вызвал неожиданное чувство потери того, чего у него никогда не будет, в чем он теперь был более уверен, чем когда-либо.

На линии между ними повисла тишина, а в шумном вестибюле отеля на заднем плане Тревор услышал смех. Прилив тоски по дому сильно ударили по нему. Должен ли он вернуться домой в свои последние дни? Как бы он не отказывался возлагать это на свою семью, после всего, что они дали и сделали для него, он знал, что мать убьет его, если он только позволит такой мысли, что они подумают о нем как о бремени, бродить по его разуму.

— Окей, — он встряхнулся, надеясь смахнуть расплзающуюся по телу усталость.

— Я собираюсь пойти за горячей едой и найти себе место на ночь. Я позвоню тебе, когда забронирую билеты. Обними всех за меня.

— Хорошо. Я люблю тебя, — ее голос дрожал. — Мы будем скучать по тебе.

— Я тоже буду скучать по вам. Я люблю тебя. До скорого.

Тревор закончил звонок, опуская подбородок к груди, уронил руку и держал ее на колене. С ним будет все в порядке, он знал это, но перспектива провести праздники в одиночестве темной завесой повисла над его разумом. Все его друзья либо уже уехали, либо имели свои семьи в районе. Даже если метель закончится, он не хотел вторгаться в чужие праздники. Отсутствие его собственной семьи, в сочетании с реальностью его будущего, каким оно было, углубило пустоту, пытающуюся поглотить его. Последнее, чего он хотел, чтобы его настроение кому-то помешало.

Тяжелый вздох слетел с его губ, он засунул телефон обратно в карман, схватил сумку и прошел в лобби.

В зале были свободны только стоячие места, и Тревору надо было вернуться к бару, чтобы забрать свой заказанный ранее чай с лимоном — потому что ирландский кофе, который он действительно хотел, не стоил того ущерба, который он мог нанести его почкам — и простой бургер-буффало с салатной смесью. Бармен скользнул дымящейся чашкой в его сторону, и от первого маленького глотка глаза Тревора заслезились, посыпая каскадом прилив тепла по всему телу. Он закрыл глаза и, возможно, застонал, в чем не был уверен в том гуле голосов, который окружал его.

— Превосходно, — выдыхая, сказал он.

Бармен улыбнулся и покачал головой.

— Минут через пятнадцать будет готов ваш бургер.

— Спасибо.

Тревор достал из своей сумки упаковку с таблетками, вынул два комплекта, которые ему необходимо пить перед каждым приемом пищи, а затем повернулся, сканируя уставшими глазами зал, в поисках свободного места. Через толпу он увидел в дальнем углу свободное место за столом. Он наклонился в сторону, чтобы лучше рассмотреть, и замер, когда его взгляд зацепился с одним из самых привлекательных мужчин, которых он встречал за последнее время. Он имел классическую внешность: сильный подбородок, темные, аккуратно подстриженные волосы, глаза, которые каким-то образом казались ярче, чем они должны быть в таком тусклом освещении, независимо от их цвета.

Шею и лицу Тревора стало тепло от того, как мужчина держал его взглядом. Было ли это от чая или глубины этих глаз, впившихся в него, он не мог сказать. Но он не мог отвернуться. Красивый незнакомец сумел держать его в плену без слов и прикосновений. Такое мгновенное влечение было для него редкостью, и, конечно же, это должно было произойти именно *сейчас*, когда ему нечего было предложить.

Хотя... немного временного комфорта все еще можно было себе позволить, не так ли?

Кто-то, двигаясь через переполненный зал, толкнул Тревора, проливая его чай и нарушая его жаркую связь с мужчиной в другом конце помещения. Он отвернулся, кожа покрылась мурашками с головы до ног, и руку жгло от горячего чая.

— Заказ готов, дружище, — бармен поставил ужин Тревора на барную стойку.

Тревор дернул головой вверх.

— Уже?

Бармен улыбнулся, качая головой, взял полотенце, обернулся его вокруг горсти кубиков льда и положил импровизированный пакет со льдом рядом с ним.

Тревор тоже покачал головой, во всяком случае, мысленно. Он и мистер Красавчик действительно были участниками конкурса гляделок в течение пятнадцати минут?

— Спасибо.

Бармен кивнул и вернулся к смешиванию напитков. Тревор держал успокаивающий пакет со льдом на обожженной коже, пока жар не ослаб, а затем повернулся, и его взгляд через зал мгновенно встретился с мистером Красавчиком.

Не нарушая зрительного контакта, незнакомец потянулся и двинул пустой стул подальше от стола в молчаливом приглашении.

«*Было бы глупо игнорировать это, Трев*».

Он взвалил на плечи сумку, взял тарелку и остатки чая и направился через зал.

— Не возражаешь, если я присоединюсь?

Чувственная улыбка растянула губы мистера Красавчика, глаза цвета лесной зелени искрились.

— Пожалуйста.

Его глубокий голос послал дрожь возбуждения по спине Тревора, и он откашлялся.

— Спасибо, — он засунул свою сумку под стол и отодвинул стул. — Это намного удобнее, чем пытаться есть в баре.

— Больше места для локтей, — сказал мужчина. Он показал на сумку Тревора. — Ты направлялся в аэропорт?

Тревор кивнул и потянулся за чаем, чтобы запить кусочки пищи, которую он только что проглотил.

— Я ехал в Коннектикут, чтобы провести каникулы с семьей.

— Не могу поверить, что они действительно закрыли аэропорт, — парень остановился, чтобы сделать глоток. — Когда такое происходило в последний раз?

Взгляд Тревора опустился на ротексуального незнакомца, сидящего напротив него, следя за тем, как его полные губы изогнулись по краю стекла, как двигалось его адамово яблоко, когда он глотал. Внезапное изображение этих губ вокруг чего-то еще поднялось в его сознании, сосать, глотать и...

«Черт, держи себя в руках».

Тревор переместился на своем месте и сосредоточенно уставился на свою еду.

— Я не уверен, что когда-либо было, — сказал он, хриплым голосом. — Да еще и не самое подходящее время, праздники и все такое.

— Ты сможешь попасть на следующий рейс? — спросил мужчина, по-видимому, не подозревая о небольшом путешествии Тревора в мысленный порно павильон.

Он отрицательно покачал головой.

— Похоже, теперь я проведу праздники один в Недерленде.

— Мне очень жаль это слышать, — было что-то в голосе мужчины, что заставило Тревора подумать, что он имел к этому какое-то отношение. Затем темные брови поднялись, и кокетливая улыбка, намеренная или нет, послала немного острых ощущений, танцующих в глубине ума Тревора. Черт, но этот парень был привлекательным.

— Ты живешь в Неде? — тон мистера Красавчика был игривым. — Тебе повезет, если ты вернешься туда до марта.

Тревор засмеялся. Да, жизнь на высоте восьмидесяти двухсот футов имела свои недостатки, но он не мог представить, что будет жить где-то еще. В горах была неосозаемая энергия, которая успокаивала его душу и питала его творческую музу. Он не достиг критического успеха как художник, пока он не переехал сюда, хотя его мама всегда говорила, что он настолько талантлив, что он достиг бы этого уровня в любом случае, независимо от географии. Тем более, Недерленд не был такой глушью, всего в тридцати минутах езды от Боулдера... когда дороги не были покрыты снегом. Велика вероятность, что дорога в каньон тоже будет закрыта из-за метели, если это уже не произошло.

— Меня все устраивает, — Тревор пожал плечами. — Как насчет тебя?

— Я возвращался домой с работы в Денвере. Застрял на магистрали. Дом — это Боулдер.

— Обалдеть. Мы практически соседи, — Тревор откусил кусок своего бургера, и пристальный взгляд его соседа по столу сосредоточился на его губах, глядя достаточно долго, пока тепло наполняло щеки Тревора, прежде чем он поднял глаза, чтобы встретиться с Тревором. Воздух между ними кипел и жужжал по поверхности его кожи.

Чёрт возьми. И он решил, что устал? Вдруг он почувствовал себя свежим, как новый день.

Он положил свой бургер и изо всех сил попытался проглотить. Боже, когда в последний раз он был так соблазнен кем-то, кого только что встретил? И когда в последний раз его тело проявляло хоть какой-то интерес с тех пор, как ему поставили диагноз? Конечно, он испытывал мгновенное влечение и раньше, с одной стороны, но он мог подсчитать, сколько раз его дыхание перехватывало, а сердце запиналось. Если быть точным — один раз. Сейчас.

Он протянул руку через стол.

— Тревор.

Рука, которая обхватила его, была теплой, гладкой и уверенной.

— Марк.

Они обменялись рукопожатием, но вместо того, чтобы сразу отпустить, Марк держал руку Тревора — или, может быть, это было наоборот. Несмотря на это, ему было все равно. От прикосновения к коже Марка звенело каждое нервное окончание дразнящими разрядами удовольствия, подталкивающими к желаниям, которые долго игнорировались, и он боролся с порывом облизать его губы.

— Приятно познакомиться, Марк, — сказал он хриплым от возбуждения, бегущим по его венам, голосом.

— А мне-то как приятно, — зеленые глаза Марка поблескивали, и намек на усмешку приподнял уголки его рта.

Затянувшимся ударом сердца или двумя позже, Марк достаточно медленно отпустил руку, и его пальцы скользнули по ладони Тревора. Воображаемый ли с его стороны или

передающийся со стороны Марка, но эффект был тот же. Ранее спящее либидо Тревора просыпалось, здесь и сейчас, и он хотел Марка.

Глава 5

— Могу я предложить вам еще выпить? — уставшая на вид официантка прервала их горячий взгляд. Тревор откинулся на спину, не понимая, как он до этого наклонился вперед, притянутый какой-то невидимой силой напряженных глаз Марка.

— Нет, мне не надо, спасибо, — сказал он.

— Еще горячего бренди, пожалуйста, — проговорил Марк. Кивнув головой, женщина повернулась на каблуках, и они снова остались одни. Настолько, насколько они могли быть в этом зале.

Марк сдвинулсь на своем месте.

— Так чем ты занимаешься, Тревор?

— Я художник. А ты?

— Адвокат.

— О нет! — Тревор вздрогнул, и Марк засмеялся. — Где-то должна быть шутка об этом. Художник и адвокат заходят в бар...

Марк усмехнулся.

— С количеством шуток «вошли они в бар», я не удивлюсь, если и такая есть.

— Теперь мне придется это погуглить, — дразнил Тревор.

Напряженная затянувшаяся пауза повисла между ними, и их глаза снова встретились. Тревор был уверен, что он не придумал это себе, видя, как его собственное желание отражается в пленительных оттенках зеленого. У него не было намерения начинать что-либо с кем-то, но нельзя было отрицать, как этот парень действовал на него. Однако они были двумя взрослыми мужчинами, застрявшими в метели. Что плохого в том, чтобы насладиться компанией друг друга на одну ночь? Предполагая, конечно, что Марк смог снять комнату.

— Так... — начал Марк. Он коротко посмотрел на свой напиток, как будто тщательно подбирал слова или собирался открыть какую-то глубокую, темную тайну. Тревор видел, как опустились уголки рта Марка, когда он поджал губы, образуя ямочки на щеке. Неопределенность мерцала в этих глазах, как мимолетная тень, и создавала у Тревора впечатление, что за внешней уверенностью Марка стоит история. История, которую он вдруг захотел услышать. Или еще лучше, нарисовать.

— Расскажи мне, что такое жизнь художника, — Марк рассеянно провел длинным ухоженным указательным пальцем по краю стакана.

Тревор как под гипнозом следил за этим движением. Румянец распространялся по его коже, просочился под её поверхность и влился в быстро движущийся поток крови в его венах, чтобы слиться в его паузе, как оазис у подножия водопада. Господи, все, о чем он мог думать, только, как получить Марка.

Он откашлялся и поднял глаза. Слабая усмешка тронула уголок губ Марка с одной стороны рта, и Тревор боролся с желанием наклониться через стол и захватить эти губы своими. Марк приподнял бровь, выжидая. Он ждал...?

О, правильно, надо ответить. И вопрос был... не совсем тот, которого он ожидал. Он действительно думал, что услышит какое-то признание, и теперь простой вопрос о его работе сбил его с толку.

Совсем запутавшись, он прочистил горло и выпалил:

— Я рисую.

Усмешка Марка растянулась в полную улыбку и превратила его из просто привлекательного в потрясающе красивого.

— Я слышал, что многие художники так делают, — он подмигнул.

Тревор засмеялся, застенчиво и тихо, пропуская руку через свои волосы, лишаясь дара речи. *Когда такое вообще происходило?*

— Ну, каждый день я вижу что-то новое, что меня вдохновляет, — помимо процедур диагностики, которые были как часы. — Я провожу много времени, наблюдая за окружающим миром, делая эскизы и рисуя его таким, каким я его вижу, что он заставляет меня чувствовать, и, надеюсь, моя интерпретация позволяет это видеть другим. Ничто не делает меня счастливее, чем возможность создать что-то, что движет или вдохновляет кого-то в позитивном ключе.

— Это похоже на красивую жизнь, — сказал Марк с ноткой тоски в голосе.

Фактически. Тревор знал, что ему есть за что быть благодарным, знал, что ему повезло зарабатывать на жизнь тем, что он любил больше всего на свете. Были только эти маленькие тикающие часы, которые притупляли все вокруг. Тревор пожал плечами.

— Я не могу жаловаться, — он улыбнулся и получил от Марка ответную улыбку. Медленное распространение, мягкость и обещание в ней обволакивало Тревора, как покрывало безопасности.

Среди шума и суеты бара между ними установилась легкая тишина. Голоса, смех и музыка дразнили слух Тревора, а люди, танцующие и по максимуму использующие большую часть своего заснеженного вечера, были размыты в его периферийном зрении. Казалось, вокруг маленького столика в заднем углу зала, где они сидели, образовался купол, защищая их от мира, существующего в нескольких шагах от них.

— Что насчет тебя, господин адвокат? — низкий, хриплый тон не удивил его, как бы непреднамеренно это ни было, но огонь, который вспыхнул в глазах Марка в ответ, заставил Тревора немножко приподняться. — Ты какая-то мощная акула, защищающая преступников, как те, которых я видел по телевизору?

— Боже, нет, — Марк отрицательно покачал головой. — Я предпочитаю думать, что я один из хороших парней. Я адвокат по гражданским правам.

Тревор поднял брови, его мысли сразу же обратились к сексуальному Мэттью Макконахи, который когда-то играл адвоката, защищающего темнокожего мужчину на глубоком Юге (*прим. речь идет о фильме «Время убивать», Глубокий или Дальний Юг (англ. Deep South) — обозначение географических и культурных регионов на юге США*). Но теперь в воспоминаниях о фильме Марк заменил Мэттью.

— Расскажи мне больше.

— Это не так захватывающе, как кажется по телевизору, — Марк усмехнулся, и глаза его сверкнули. — В основном это просто много бумажной работы и исследований, подготовка аргументов и что-то в этом роде.

— А как насчет зала суда?

Марк пожал плечами.

— Если только может быть какая-то драма, но громкие случаи на самом деле не так часто происходят.

— Итак, с какими делами ты тогда работаешь? — Тревор наклонился вперед, привлеченный успокаивающим, соблазнительным голосом Марка. Казалось, не имело значения, что он говорил, пока он просто говорил.

— Скажем, например, — Марк сделал паузу, и Тревор почувствовал, что это было сделано для эффекта, — что ты гей.

Эффект сработал, и Тревор усмехнулся.

— Продолжай.

Марк слегка наклонил голову и продолжил.

— В штате Колорадо, а также на уровне Штатов и местных органов власти действуют законы, защищающие работников частного сектора от дискриминации по признаку сексуальной ориентации, гендерной идентичности и самовыражения. Скажем, например, это видео, где твой парень делает тебе предложение...

Улыбка Тревора расширилась, и он покачал головой. Дважды. Медленно.

— Холостой.

Марк кивнул, свет в его глазах стал ярче.

— Видео распространяется по сети, твой босс видит его, и после пятнадцати лет работы образцовым сотрудником увольняет тебя без причины, кроме того, что ты гей. Я — тот парень, которого ты хочешь видеть за своей спиной, чтобы уладить эту ситуацию.

— Мне придется это запомнить, — сказал Тревор, намеренно понизив голос на октаву. — И… думаю, мне бы хотелось, чтобы ты был за моей спиной.

Мужчина флиртовал, и образы, которые бросились в сознание Марка, о нем за спиной Тревора, заставили его остро осознать, что его член смешается в штанах. Сильная обнаженная спина, Тревор стонет и извивается в его руках, когда он глубоко погружается…

Возможно, ему придется поблагодарить Кейт за то, что выгнала его из офиса.

Марк, конечно, не искал никаких отношений, но наслаждение чужой компанией на одну ночь не помешало бы его восхождению к партнерству. И если он считывал Тревора правильно — а он был уверен, что именно так и было — возможно, они могли бы извлечь максимальную пользу от снегопада. Тревор не смог снять комнату, в конце концов,… и Марк был готов и ждал.

Данный момент, сидя здесь, разговаривая с Тревором, был похож на отдых, как будто ему никуда не надо идти и ничего не надо делать, кроме как просто сидеть и наслаждаться вечером и компанией. Ему нравилось, как двигались длинные, изящные пальцы Тревора, когда он говорил, как его улыбка сияла в глазах, и Марк обнаружил, что хочет узнать о нем больше.

— Расскажи мне о своем творчестве, — проговорил он. — Какой твой любимый жанр и стиль? Что вдохновляет тебя?

Тревор усмехнулся, его глаза цвета неба пылали, как будто солнце светило в их глубинах.

— Ты уверен, что действительно хочешь, чтобы я продолжил?

— Да, — потому что в другой жизни я бы никогда не стал адвокатом. — Я всегда восхищался художниками.

— Так… у тебя есть дело до нас, творческих личностей? — Тревор дразнил. Розовый румянец окрасил его скулы, но он не уклонялся от взгляда Марка.

— Что-то вроде того, — Марк улыбнулся. Он не мог отрицать, что чувствовал что-то к этому конкретному парню прямо сейчас, но он интересовался по нескольким причинам. Общение с такими людьми, как Тревор, давало ему шанс противостоять тому, от чего он отказался много лет назад — жить опосредованно, хотя бы на мгновение. — Ты всегда знал, что хочешь заниматься искусством?

— Я рисую и пишу картины столько, сколько себя помню, — сказал Тревор, и глаза его как бы отдалились, словно погружаясь в воспоминания об этом. — Мои родители поощряли меня изучать и развивать мои интересы и таланты. Одно из моих самых ранних воспоминаний — как мама разрисовывала меня.

Укол зависти и потери поразил Марка с удивительной силой. Разве не этого он хотел когда-то давно? Как изменилась бы его жизнь, если… *Нет*. Он мысленно выгнал эти мысли из своего разума. Он не был бы таким успешным адвокатом, каким был, если бы его жизнь изменилась.

— Тебе повезло, что у тебя была такая поддержка, — сказал Марк, борясь за то, чтобы его голос был спокойным.

Тревор кивнул, ненадолго подняв руку, указывая пальцем — или, скорее, щелкая — в направлении Марка.

— Поверь мне, я знаю, как сильно мне повезло, когда мои родители выбрали меня.

Комментарий показался Марку немного странным — может, его усыновили? — но он не давил. Он отпил немного бренди и позволил голосу Тревора плыть над ним.

Их разговор плавно переходил от темы к теме, хотя время, казалось, остановилось. Из-за чего зевок, грозивший сломать Марку челюсть, стал шоком. Застигнутый врасплох, как он был, он не смог прикрыть его достаточно быстро.

Но Тревор не выглядел оскорбленным, судя по веселому блеску в его глазах и игривой улыбке.

— Согласен. Это был очень длинный день.

— В самом деле, — Марк взглянул на часы, с удивлением увидев, что они сидели здесь в течение трех часов, делясь своими историями жизни. Он также не заметил, как поредела толпа. Зал все еще был полон, но, в основном, свободными были только стоячие места. Те, кто не нашел номера, полуночничали или свернулись калачиком в углах с дополнительными одеялами и подушками отеля. — Ну, тогда, пожалуй, пора закругляться.

Лицо Тревора, казалось, слегка поникло. Уголки его губ опустились, как будто он хотел что-то сказать, но так и не сделал этого.

— Удалось ли тебе снять комнату на ночь? Думаю, они очень быстро заполнились, — Марк уже знал ответ, но все равно спросил. Не хотел, чтобы Тревор знал, что он наблюдал за ним с тех пор, как он вошел в центральную дверь.

Тревор покачал головой.

— Сегодня вечером я буду где-нибудь в вестибюле без удобств, — слабый намек на последнее слово едва не сделал комментарий Тревора вопросом, и волна надежды пересекла его черты, выплеснулась через стол и начала заполнять Марка.

Марк держал взгляд Тревора.

— У меня есть комната.

Зазвенели стаканы, и кто-то громко засмеялся, но какофония была приглушенной, достаточно тихой, чтобы услышать, но недостаточно громкой, чтобы фактически расшифровать. Марк мог сосредоточиться только на голоде — не на разновидности пустого желудка — а на голоде, исходящем от мужчины напротив него. Марк был уверен, что если присмотреться, то он увидит крошечные всплески сине-белой энергии, щелкающие и взрывающиеся между ними.

— В нем есть кровать королевского размера. Могу поделиться ею с тобой. Э... в смысле, комнатой. Я почти уверен, что у них есть раскладушка, — *откуда, черт возьми, взялась эта нервозность? Иисус.*

Марк сопротивлялся желанию поправить галстук, только потом вспомнил, что снял его раньше, после того, как зарегистрировался. Они весь вечер спаринговались намеками, поэтому он был уверен, что Тревор знает, к чему это все ведет, но все же он не хотел быть слишком самонадеянным. Он покрутил ремешок от часов.

— По крайней мере, ты можешь принять горячий душ и выспаться.

— Я... — неуверенность пересекла черты лица Тревора, и он на секунду отвернулся.

Может, он неправильно понял Тревора?

Но затем уголки рта Тревора приподнялись вверх, и его глаза потемнели, когда они снова встретились с Марком.

— Мне бы этого очень хотелось. Очень, — его голос, глубокий и хриплый, отправил желание Марка прямо в пах. — Спасибо.

Марк кивнул, откашлялся и допил последний глоток.

— В таком случае, пошли?

Улыбка Тревора расширилась, и воздух между ними начал потрескивать все громче.

— Веди вперед.

Марк встал и засунул руки в карманы, чтобы они не задрожали. Не то, чтобы у него никогда не было мимолетной связи, но такое чувство... все как-то иначе. Почему — он не мог понять. Возможно, это было потому, что несколько связей, которые у него были,

включали ночной клуб, неограниченное количество алкоголя и минимум разговоров, прежде чем прийти к взаимовыгодному освобождению. На этот раз он несколько часов общался с Тревором и наслаждался каждой секундой. Поразительно, но он так сильно наслаждался этим, что, если Тревор действительно решит спать на раскладушке, он все равно будет счастлив иметь компанию Тревора на ночь. Ну, по большей части.

Тревор взял свою сумку и куртку и встал лицом к Марку, ожидая, когда он укажет дорогу. Опять этот невидимый поток щелкнул между ними, притягивая Марка и зарываясь намного глубже под кожу, пробирая до костей. Тревор отошел в сторону и положил руку Марку на спину, направляя его вперед. Это мимолетное, нежное прикосновение перекрыло его дыхание и пробудило его желания еще больше.

От ощущения, что Тревор позади него, его близости, его жара, Марк зацепился ногой за стул и споткнулся. Твердая хватка на бицепсе не позволила ему упасть. *Господи, Робертс. Будь внимательным!*

Он бросил быстрый взгляд через плечо, надеясь, что Тревор не заметит, насколько красным должно быть его лицо. Это было *не* похоже на него. Он не волновался из-за мужчин, он не был неуклюzym, но по какой-то причине сейчас он был таким, барабатался, как старшеклассник на первом свидании.

Это не свидание, — быстро напомнил он себе. — *Это просто перепих. Точка, полная остановка.*

— Спасибо, — сказал он.

Тревор кивнул с улыбкой на лице, но не отпустил руку Марка, пока они не вышли в вестибюль. Освобождение его конечности было медленным, как ласка, и на его волне покалывание сохранялось.

Они в тишине шли бок о бок, плечи соприкасались, предвкушение и волнение искалились в окружающей их атмосфере. Они остановились у дверей лифта, и Марк глубоко вздохнул. На этот раз он знал, откуда берутся его нервы: он ненавидел лифты.

Наклонившись, он протянул руку и медленно, дрожащим пальцем нажал кнопку «вверх».

— Я так понимаю, ты не поклонник вертикального подъема? — спросил Тревор, указывая на подрагивающую руку Марка.

Он отрицательно покачал головой.

— Я никогда не пользуюсь лифтами.

— Никогда? — Тревор приподнял брови, как будто никогда о таком не слышал.

— Нет, ничего не могу с этим поделать, — прозвучал сигнал, предупредив их о прибытии лифта. — И мой офис в центре города на седьмом этаже.

— У тебя, должно быть, фантастические ягодицы.

— Может быть, ты узнаешь, — сказал Марк, затаив дыхание, когда Тревор впереди него вошел в пустую кабину.

Тревор прислонился к задней стенке и опустил сумку на пол, его глаза приглашали, его улыбка соблазняла, и Марк не стал ждать, пока двери лифта закроются. Два быстрых шага привели его в пространство Тревора, достаточно близко, чтобы почувствовать легкие порывы дыхания, обжигающие его щеки.

— Придержите! — крикнул кто-то, и затем чья-то рука проскользнула между закрывающимися дверями, заставив их снова открыться, и в кабину вошла запыхавшаяся женщина. Марк успел подавить стон и отступил, чтобы нажать на панели кнопку с номером пять. Он встретился глазами с Тревором и ухмыльнулся, увидев закатанные глаза и легкое покачивание головой в ответ.

Женщина нажала девятый этаж, а затем стряхнула снег с пальто.

— Уф! Какая чудесная ночь, правда?

Марк не мог не согласиться. Это будет долгая поездка в лифте.

Глава 6

Марк сидел на краю кровати и вслепую листал каналы по телевизору, его тело дрожало от нервного ожидания. Все, что он мог слышать, был звук душа, ревущего в его ушах как волна прилива. Воображаемый фильм играл в его уме, показывая одного очень голого Тревора, воду, сбегающую по его высокому, стройному телу. Мыльная пена лениво скользит по мышцам, коже и волосам. О, как он надеялся, что у Тревора будут волосы на теле, и он нигде их не удаляет. Ничто не возбуждало его больше, чем перебирать мягкие волоски, покрывающую грудь человека, зарываться носом в волнистые лобковые волосы с ароматом мускуса...

И чего бы он только не отдал, чтобы быть тем куском мыла прямо сейчас, облизывая и пробуя своим языком каждую прекрасную впадину и выпуклость, каждый укромный уголок.

Стон выкатился из его горла, и он расстегнул брюки, широко расставив ноги. Облегчение давления от сжатости быстро привело к пульсирующей потребности в освобождении. Прошло много времени с тех пор, как он с кем-то встречался с намерением переспать, и прошло уже два года с тех пор, как он пытался построить отношения с Тони. Он не понимал, насколько ему нужна была такая ночь, ночь простого человеческого общения, самая простая и первобытная. Короткая передышка от его попыток стать самым успешным сыном, на которого могла надеяться любая мать.

Звук текущей воды прекратился, металл взвизгнул по металлу, вероятно, занавеска в душе, оттягиваемая назад. Минута полной тишины, прежде чем дверь в ванную распахнулась. Тревор стоял там, с танцовщиками клубами пара за спиной, одетый только в полотенце, свободно обернутое вокруг его талии. На левом бицепсе Тревора была повязка кремового цвета, но внимание Марка было привлечено к полотенцу как мотылек к пламени. Концы полотенца немного расходились, обнажая аппетитную верхнюю часть бедра и приближаясь опасно близко к открытию заманчивой выпуклости. Дымка темных волос покрывала грудь Тревора. Не слишком густые, просто приятное наслаждение над четко выраженным грудными мышцами и прессом, и четкий след, ведущий вниз к сокровищам под полотенцем. Пальцы Марка дернулись от необходимости прикосновения.

— Прошу прощения, — голос Тревора звучал хрипло и почти извиняюще. — Я забыл взять с собой в ванную сменную одежду, — он не сделал никакого движения, чтобы одеться, пар продолжал рассеиваться вокруг него, а капельки воды стекали по его плечам и груди, сверкая, как алмазы.

Марк кивнул. От вида красивого почти голого мужчины в его комнате и этого хриплого голоса, в его мозгу не осталось крови для оптимального функционирования.

Они уставились друг на друга. Марк почувствовал, что электричество снова потрескивает между ними, покалывая кожу и посыпая поток мурашек по рукам. Он сглотнул и сжал ладонью свою эрекцию, ища трения и привлекая взгляд Тревора. Когда их глаза снова встретились, Тревор облизнул губы.

Это все, что нужно было Марку для приглашения. Он встал с кровати и прошел небольшое расстояние между ними, медленно и осознанно. Тревор не пошевелил ни одним мускулом, кроме как приподнял уголок рта, пока не сформировалась самая сексуальная улыбка, которую Марк когда-либо видел.

Он остановился рядом с Тревором и протянул одну руку, а затем остановился, позволяя кончикам его пальцев парить прямо над поверхностью живота Тревора. Достаточно близко, чтобы почувствовать жар, исходящий от его влажной кожи, почувствовать возбуждающее покалывание желания, прыгнуть в тонкое пространство между ними, как живое существо, завлекая его и пленяя.

Он поднял глаза, окунувшись в глубокую синеву Тревора.

— Да?

— Да, — его хриплый шепот откликался на желание Марка. — Пожалуйста.

Ну, и с чего начать? Вся эта гладкая, горячая, влажная от душа кожа...

Марк дотронул указательным и средним пальцами до выступа брюшной мышцы чуть выше пупка Тревора. Резкий вдох Тревора послал толчок желания, пронесшегося по Марку. Он проследил форму, прежде чем прижать ладонь к твердой мышце, медленно двигаясь вверх, следя изгибам и контурам, пока его рука не легла на грудь Тревора. Он поднес другую руку и скользнул ими обеими по ключице, по мышцам его шеи, а затем обхватил ладонями лицо.

Тревор дрожал, его дыхание участилось, но в остальном он оставался неподвижным. Он позволил Марку исследовать его так, как он хотел, может быть, ожидая увидеть, что Марк будет делать или каковы будут их роли. Марку было все равно. Все, что он с уверенностью знал, что ему нужен Тревор. Как, не имело значения.

Он притянул к себе мужчину, и их губы встретились в первый раз. Искры, которые трещали между ними все это время, взорвались ярко и блестяще. Не было ничего подобного из тех неловких первых поцелуев, которые Марк испытывал раньше. С Тревором, который был всего лишь на дюйм или два выше него, не было никаких проблем с тем, что они одновременно и не совсем синхронно двигались и натыкались носами, сталкивались губами и зубами. Не слишком много губ, или языка, или слюны... Как будто их губы, их рты, были созданы исключительно друг для друга. Идеально подходящими.

Когда Тревор раскрыл перед ним и их языки переплелись, Марк понял, что до этого момента он бродил один в пустыне на грани обезвоживания, и этот человек был его оазисом.

Какого черта?

Он прервал поцелуй, делая глубокий вдох, его дыхание участилось. Сила поцелуя была чрезмерна, и ему сразу же захотелось вернуться. Это все что требовалось? Всего один поцелуй и ему конец? Он был адвокатом! Логичным, аналитичным и с очень быстрой реакцией. Он не верил в такие вещи, как любовь с первого взгляда. Похоть с первого взгляда, безусловно. Но, черт возьми, он не мог отрицать связь, которую чувствовал с того момента, как он вступил в зрительный контакт с Тревором. Не мог отрицать, что в настоящее время он чувствовал нечто большее, чем поглощающее желание заняться сексом. Похоть никогда раньше не оставляла ничего романтичного после поцелуя.

— Сверху или снизу? — спросил Марк, фокусируясь на мужчине перед ним и слегка наклонившись, чтобы всосать твердый сосок в рот, скользя языком вокруг него.

— Романтично, — прохрипел Тревор. — Но сегодня вечером, абсолютно точно снизу. *Пожалуйста.*

О, господи! Марк задрожал.

— Да, — его голос был едва слышен, но, судя по вспышке в синих глубинах этих напряженных глаз, Тревор слышал его громко и отчетливо.

Мужчина наклонился и вернул Марку поцелуй, более уверенный и требовательный, чем первый, и, хотя прошло всего несколько секунд, Марку уже не хватало вкуса Тревора. Он сдался, позволив Тревору вести его за собой.

Тяжелое дыхание наполнило воздух судорожными вдохами между поцелуями, которые Марк не хотел останавливать. И, похоже, Тревор тоже не хотел. Все это время Тревор быстро действовал, снимая рубашку Марка, но в то же время это получалось мучительно медленно. Тревор стянул ткань с плеч, затем наклонил голову, чтобы захватить сосок между зубами, дразняще потянув его, прежде чем всосать в рот, как будто от этого зависела его жизнь. Марк застонал и закрыл глаза. Да, это было то, чего он хотел, чего ему не хватало слишком долго, — потребность желать и хотеть.

Он провел рукой по волосам Тревора, мягким и достаточно длинным, чтобы захватить в горсть, что он и сделал. Другой рукой он сорвал полотенце с талии Тревора, обнажая его полностью вставший обрезанный член, покачивающийся между ними.

Уткнувшись лбом в плечо Тревора, Марк облизнул губы, наблюдая, как обхватывает рукой красивую длину. Его ладонь скользила по горячей, шелковистой коже твердой плоти.

Тревор вздрогнул и застонал над соском Марка, его руки двинулись вниз, и большие пальцы, подцепив пояс трусов Марка, потянули их, пока нижнее белье и брюки не упали на пол у его ног. Тревор откинулся, чтобы посмотреть вниз, и кожа Марка покрылась мурашками.

— Боже мой, ты великолепен, — прошептал Тревор.

Лицо Марка вновь обдало жаром. Он не понимал, почему по-прежнему нервничал, даже в тот момент, когда они оба стояли лицом к лицу совершенно голые. Они были всего лишь двумя мужчинами, которые воспользовались непредвиденной ситуацией. Больше ничего. И все же, где-то глубоко внутри, возрастала потребность удостовериться, что это будет хорошо для них обоих.

Он покачал головой и быстро опустился на колени. Надеясь, что Тревор не заметил румянец, который, несомненно, распространился по его щекам, он облизнул губы, а затем накрыл ими твердую плоть Тревора. Его глаза закрылись, когда он упивался горько-сладким вкусом, ощущением твердости, и снова, что странно, его поражало сильное желание дать этому человеку все, на что он был способен, чтобы сделать это лучшим, самым запоминающимся опытом в жизни Тревора. Почему это имело такое значение именно тогда, когда еще не было чем-то, что он мог проанализировать, но он обязательно это сделает. Позже. Возможно. Но пока его единственной целью, единственной задачей было удовольствие Тревора.

Тревор крепко, но безо всякой силы и контроля, просто успокаивая и ободряя Марка, придерживал его голову и медленно начал покачивать бедрами. Марк брал его так глубоко, как только мог, но у него был повышенный рвотный рефлекс, поэтому он использовал свою руку как продолжение рта.

— О, да, — низкий, урчащий голос Тревора привлек внимание Марка, и он поднял глаза. Их взгляды встретились и зацепились. Что бы там ни увидел Тревор, у него перехватило дыхание. — Чёёёёёёт, — слово потянуло за собой рычание.

Волна гордости наполнила грудь Марка от явного эффекта, который он производил на Тревора. Необъяснимая нервозность, которая преследовала его с первого момента встречи с Тревором, исчезла в тот момент. Он знал, как это делается, — на самом деле, он был чертовски хорош в этом — и он сделает это.

Подстегнутый сигналами тела и хриплыми звуками Тревора, Марк начал усерднее двигать головой, убедившись, что использует каждый трюк, который у него есть в его арсенале. То, что Тревору так нравилось, что делал Марк, заставило его сразу же захотеть, чтобы Тревор кончил. Но в то же время он хотел насладиться и продлить удовольствие. Его челюсть начала болеть, а глаза слезились, но он не отпускал изо рта эту прекрасную часть тела.

— Ос-остановись, — застонал Тревор с болью в голосе. — Остановись. Я не хочу кончить, пока ты не окажешься внутри меня.

Иисус. Марк отпустил его, сел на пятки и поднял глаза. Тревор улыбнулся и с нежностью провел пальцем по приоткрытым рту Марка.

— Твои губы припухли.

Марк улыбнулся, прежде чем высунуть язык и закружиться им вокруг головки, а затем сомкнул губы над ней и всосал член до основания, втягивая щеки.

— Черт возьми, — тело Тревора сотрясала дрожь. — Одного этого достаточно, чтобы я кончил.

Он поднял Марка на ноги, страстно поцеловав его, и направил к кровати.

— Пожалуйста, скажи, что у тебя есть презервативы, — Тревор резко отступил.

— Боже, я надеюсь на это, — потому что последнее, что он хотел, это одеться и покинуть эту комнату, какой бы ни была причина. Даже такая. Ну, ладно. Может быть, он

бы сделал это, но ему все равно не хотелось этого. Он хотел провести с Тревором все возможные минуты, пока не наступит утро и дороги не будут расчищены.

Он нахмурился. Что, чёрт возьми, с ним сегодня произошло? Не похоже, что у него никогда не было интрижки. Может быть, тот факт, что прошло так много времени с тех пор, как он чувствовал связь с другим мужчиной, в сочетании с беспокойством Кейт о том, что он пропускает свою жизнь, выбивало его из колеи. Отталкивая странности, он сосредоточился на поставленной задаче. Марк направился к своей спортивной сумке и, к счастью, нашёл в боковом кармане два пакетика фольги вместе со смазкой. Он поднял их вверх.

— Весь набор.

Тревор сел на кровать и стал отодвигаться, пока не очутился в центре. Марк не мог дождаться, когда скользнет языком по этой медовой коже...

Повязка на руке Тревора снова привлекла его внимание, но как только он собрался спросить, что случилось, Тревор раздвинул ноги и, удерживая взгляд Марка, медленно и чувственно провёл языком по губам. Марк застонал. Ему не нужно было ничего знать. Просто чувствовать.

Он забрался на кровать, оседлав Тревора, который пристально за ним наблюдал. Яйца Марка коснулись живота Тревора, тонкие волоски щекотали его мешочек, и прилив предвкушения задрожал в его животе. Он опустился, прижимаясь пахом к паху Тревора, и застонал от восхитительного давления. Марку на самом деле не нужно было ничего делать, кроме как просто лежать на нем, их тела сложились вместе, как две части пазлов. Такой простой человеческий контакт, но этого было бы достаточно, чтобы просто видеть его всю ночь, прежде чем новый день выплюнет его обратно в свой одинокий мир.

Тревор провел рукой по шее Марка, его пальцы прошли сквозь короткие волосы.

— Соболь.

Марк нахмурился.

— Что?

— Цвет твоих волос, — Тревор встретил взгляд Марка, и эта сексуальная ухмылка послала ему всевозможные заманчивые вибрации. — Насыщенный, почти... красное дерево. Золото и обожженная умбра, когда свет попадает на них (*прим. цвет умбра — коричневый, оттенки шоколадного цвета*). Будто солнышко.

Марк засмеялся, хотя слова посыпали волну тепла по его груди.

— Это просто коричневые волосы.

— Нет такого понятия, как «просто коричневый», — Тревор поднял другую руку и провел пальцами вверх по шее Марка, вдоль челюсти и линии скулы, его взгляд следовал за тактильным исследованием. — Я хочу нарисовать тебя.

Марк сглотнул ком, образовавшийся в горле.

— Я думал, ты хочешь трахнуть меня? — его голос был грубым, ограниченным по звучанию, но он знал, что Тревор ошибочно примет его за возбуждение, а не за то, что это было на самом деле: его собственное непреодолимое стремление творить, пробудить ту давно похороненную часть его самого. Кроме того, он не думал, что когда-нибудь сможет снова найти свой путь на поверхность, но он по-прежнему все еще оплакивал это.

— Нет, я хочу, чтобы *ты* трахнул меня, — Тревор улыбнулся и пальцем оттянул Марку нижнюю губу. Марк поймал его зубами, дразня кончиком языка. — А *потом* я собираюсь нарисовать тебя.

Марк не представлял, как это произойдет, потому что они не увидят друг друга после сегодняшнего вечера. Что-то вонзилось ему в грудь, но он проигнорировал это. Он отбросил в сторону все мысли о великолепных художниках, живописи и несбыточных мечтах и наклонился, чтобы потерять себя в мужчине под ним. Поцелуй был медленным, и всепоглощающим, и совсем не робким. В нем была определенная сила, ощущение, что они обходили границы контроля, и это было именно то, что нужно Марку.

Он просунул свой язык внутрь, чтобы танцевать языками танго с Тревором, упиваясь

насыщенностью и желанием, которые скатывались с их тел мощными волнами, накрывая его тело до такой степени, что он, вероятно, в одиночку мог испытать оргазм от этого. Он был так поглощен поцелуем, что не заметил, как Тревор просунул руку между их телами, заставляя Марка приподняться на бедра, пока крепкая теплая хватка не сомкнулась вокруг его члена. Дрожь прошла по его позвоночнику, и он застонал в рот Тревора.

Марк сначала неторопливо покачивался в руке, двигаясь в унисон с медленным танцем их ртов и языков. И тогда настойчивость заменила томное изучение этого человека, с которым он решил провести ночь и поделиться своим телом. Ему было необходимо касаться повсюду одновременно. Он не мог этого не делать. Его руки проходили сквозь мягкие, до плеч волосы Тревора, ласкали лицо и шею, затем спускались по длине его туловища, бок, бедро, и наконец, сжимая ладонями крепкие ягодицы. Он ни разу не прервал поцелуй, который превратился из танцевальной прелюдии в соблазнительный поединок.

Тревор, к его большому разочарованию, выпустил член Марка и толкнул его за плечи, заставляя прервать поцелуй, которым, Марк не думал, что когда-нибудь насытится. Дыхание Тревора порывисто захлестнуло подбородок Марка, и его собственные взъерошенные пряди волос нависли над глазами Тревора. Воздух захватил легкие Марка при взгляде на голубые океаны, которые смотрели на него.

Он потянулся за пакетиками, которые кинул на кровать рядом с ними, и Тревор усмехнулся, прежде чем перекатиться на живот. Он приподнял бедра и потерся задницей о пах Марка, посыпая искры, стреляющие во всех направлениях, и заставляя хриплый смех пузирьться в его груди.

— Дразнишь.

Он мог честно сказать, что никогда в жизни не издавал таких звуков, чтобы хоть как-то продвинуться вперед, но в тот момент оншел слишком далеко, чтобы смущаться. Особенно, когда Тревор перевернулся и раздвинул ноги шире.

— Только если я не доведу дело до конца, — возразил Тревор, оглядываясь через плечо с хитрым блеском в глазах.

Марк устроился между этими длинными, подтянутыми конечностями, его взгляд упал на идеально круглые, мускулистые ягодицы. Каждая половинка идеально вписывалась в его открытые ладони, когда он их сжимал и ласкал, раздвигал и разминал, его большие пальцы окунались в расселину и следовали по ней до единственного места, где он хотел немедленно оказаться. Тревор толкнулся, молча умоляя о большем. Эту просьбу Марк определенно не собирался оставлять без ответа.

* * *

Звук разрывающейся фольги усилил ожидание Тревора, и через секунду он вздрогнул, когда холодная жидкость капнула на его горячую кожу.

— У тебя красивая задница, — мягко сказал Марк, и похвала в его голосе вызвала приятный трепет в груди Тревора. Но в ответ он не мог выдавать ничего, кроме протяжного «Ммммм». Его внимание было полностью сосредоточено на Марке, когда он смазывал смазкой во всех нужных местах — согревая, массируя, дразня, открывая.

У него не было никаких отговорок о том, чтобы подняться в комнату Марка, прекрасно зная, куда это приведет, но он не собирался отказываться от этого. Не после стольких лет почти несуществующего сексуального интереса. Особенно с тем, кого он больше никогда не увидит. Но к тому времени, как они добрались до комнаты, все его нервы были на пределе. Он, безусловно, хотел Марка. Когда он вышел из ванной после душа и увидел в глазах Марка необузданное желание — то, как он попросил разрешения прикоснуться к нему, а затем сделал это с таким благоговением — все изменилось. И, если даже это была его последняя зима и этот человек был его последним шансом в полной мере ощутить человеческую связь в ее первобытном проявлении, будь он проклят, но он

сможет извлечь из этого максимальную пользу.

Поэтому он отдался в надежные руки Марка, позволив этому красивому незнакомцу, способному одним прикосновением довести его до безумного состояния эйфории, действовать. Он опустил голову на сгиб правого локтя, выгнув спину, открылся, чтобы Марк мог делать все, что ему было угодно. И до сих пор это было более чем приятно.

— Готов? — неприкрытое возбуждение придало грубую, дрожащую резкость голосу Марка.

— Да. Много раз да.

Еще один разрыв фольги — звук усиливает желание, проносящееся по его венам — давление на его отверстие. Возбуждение мурашками пробегало по его коже, когда Марк медленно входил в него. Весь его мир сузился в этом прекрасном соединении их тел. Тревор балансировал на пике удовольствия и боли от невероятного пылающего растяжения. Аккуратно толкаясь, Марк все глубже и глубже погружался, прося тело Тревора принять его. И он впустил.

Горячая и твердая плоть Марка наполнила его. Член прошелся по простате, заставляя Тревора громко застонать, а тело Марка дрожать. Он, не останавливаясь, двигался, пока не был полностью погружен внутри, каким-то образом достигая того, чего Тревор не испытывал прежде.

Тело Тревора сжалось вокруг члена, двигающегося внутри него, вызывая у Марка хриплый стон. Одна рука гладила его ягодицы, а другая сжимала его яйца, перекатывая и лаская их.

— Давай, — в коконе рук Марка голос Тревора звучал сдавленно. Он повернул голову, и их глаза встретились. — Давай, Марк. Трахни меня так, как будто я принадлежу тебе.

У Тревора перехватило дыхание от вспыхнувшей страсти, которая зажглась в темно-зеленых глазах Марка.

Святой... да.

— Иисус... — прошептал Марк, застыв, как будто все его тело затаило дыхание. В этой приостановленной паузе тела соединились, пульсы бились как один, Тревор не думал, что вообще возможно, что они когда-нибудь снова разойдутся. По крайней мере, до тех пор, пока горячее дыхание не коснулось его чувствительной спины, и Марк сделал так, как просил Тревор — полностью вышел, и только головка его члена дразнила растянутое колечко Тревора. Он задержался там на секунду, как будто они оба принимали последний глоток кислорода, прежде чем спрыгнуть со скалы в ожидающее внизу озеро, и снова ворвался. Глубоко. Умопомрачительно глубоко.

— Да! — закричал Тревор, опустив голову и вдавливая локти в матрас, чтобы подготовиться.

Марк начал наращивать жесткий темп, член двигался под прямым углом, чтобы при каждом ударе попадать в простату Тревора. Его чувства были остро настроены на бессловесный, но красноречивый язык их тел. С каждым совершенным толчком Марк освобождал Тревора от стрессов и тягот его жизни. Внутрь-наружу. Ушёл страх недееспособности его почек. Внутрь-наружу. Пропала мрачная перспектива никогда не найти транспланта. Внутрь-наружу. Исчезло крушение мечты и надежды. Внутрь-наружу. Только этот момент, только этот человек. Внутрь-наружу. Живое дыхание любви...

Это было то, в чем он так отчаянно нуждался, даже не осознавая этого. Чтобы его взяли, владели, желали, напомнили, что он еще жив — целиком и полностью. Но затем Марк вышел из него полностью, оставляя после себя чувство потери.

— Перевернись, — прохрипел Марк, мягко направляя руками его бедра. — Я хочу видеть твоё лицо, когда ты кончишь.

Тревор перевернулся, и Марк наклонился, чтобы поцеловать его. Губы Марка скользили по нему, языки сплетались с отчаянной потребностью. Марк опустил свое тело

и медленно покачивался, потираясь членами, зажатыми между животами.

— Черт, ты такой горячий, — задыхался Тревор между поцелуями. — Но мне нужно... — чтобы ты перевернул мой мир. Заставь меня все забыть. Покажи мне, что я нормальный, здоровый и полон жизни, как ты. — Трахни меня, — он впивался пальцами в плечи Марка, в его спину, его задницу. — Трахни меня.

— Черт, — Марк впился в его рот, засасывая язык, целовал глубоко и с полной самоотдачей. — Я никогда не встречал никого похожего на тебя.

— Марк.

— Да.

Еще один безумный поцелуй, а потом Марк выпрямил спину, подняв ноги Тревора и положив их себе на плечи. Веки Тревора трепетали, и хриплое рычание вырвалось из его горла, когда Марк сжал бедра и толкнулся внутрь, заставив беспокойство, депрессию и усталость сдаться. Каждый его нерв с облегчением пел.

— Посмотри на меня, — потребовал Марк.

Он повиновался. Взгляд Марка, с совершенно не скрываемым желанием, зацепился на нем, когда он смотрел на Тревора, как будто он был единственным человеком в мире, который имел сейчас значение. Крохотный укол сожаления осмелился угрожать этому мгновению, но он настойчиво оттолкнул его. Важным было только здесь и сейчас. Эмоции на лице Марка. Глубокий румянец, который с накалом их страсти распространялся по лицу, по шее, по груди. Темные волосы, влажные от пота, и блеск оливковой кожи.

— Черт, ты очень красивый, — сказал Марк с чем-то вроде благоговения в голосе. Или Тревор просто вообразил себе это.

Марк одной рукой прижимал к груди бедро Тревора, а другой ласкал грудь и живот, скользя все ниже и ниже, пока не обхватил его член.

— Да, — застонал Тревор и накрыл своей рукой руку Марка, вместе подталкивая себя все ближе и ближе к краю пропасти. Их перемешавшееся дыхание становилось быстрым, хриплым, тяжелым.

— Кончай, — голос Марка был хриплым и напряженным. — Кончи со мной.

— Ох... Черт... Марк... — Тревор запрокинул голову назад, закрыл глаза, и густая сперма брызнула на его живот горячими струями, оргазм был настолько мощным, что разнес по всему телу восхитительные импульсы. Он напряг свои внутренние мышцы, сжимаясь вокруг твердого члена внутри него, подталкивая Марка присоединиться к его освобождению.

Марк подался вперед, обхватив Тревора обеими руками, и врезался в него со всей силы. Пот капал с его носа, и тяжелое дыхание обожгло лицо Тревора, прежде чем тело Марка напряглось. Его ритм сбился, и он замер. Марк был настолько глубоко в нем, что Тревор чувствовал, как его член пульсирует внутри, и на секунду он задумался, что бы он чувствовал, если бы между ними не было защиты.

Марк рухнул на него, как желанное одеяло, а не неудобное давление. Тревор обхватил рукой затылок Марка и жарким поцелуем накрыл его рот. Не прерывая поцелуя, Марк облегчил давление на тело Тревора, приподнявшись, но всё еще накрывая его. И Тревор обнаружил, что думает, каким бы измученным и уставшим он ни был, он не хотел, чтобы эта ночь заканчивалась.

Марк замедлил поцелуй, он стал завлекающим, томным и каким-то образом более чувственным, чем все предыдущие. Каким-то образом это значило больше, как будто Марк говорил что-то, что Тревор должен был понять. Или, скорее всего, он просто потерялся в невероятной посторгазмической дымке, и его разум действительно был взорван.

Потому что так и произошло. Одна случайная ночь умопомрачительногоекса. Бегство от неизбежного конца.

Марк осторожно отстранился и уставился на Тревора таким взглядом, который

невозможно было прочитать.

— Я догадываюсь, о чем ты думаешь, господин адвокат, — дразнил Тревор, потому что этот взгляд заставил его чувствовать себя незащищенным и уязвимым, так, как он не мог себе позволить. Ни сейчас. Ни когда-либо.

Марк улыбнулся, и все, что Тревор увидел в его взгляде, исчезло. К счастью. Он перекатился на бок, натянул на них одеяло и сгреб Марка в свои объятия так, что их лица оказались в миллиметре друг от друга.

— Я думаю, что это была какая-то удачная метель, — сказал Марк.

Тревор улыбнулся, несмотря на нервную дрожь в груди.

— Это как-то по-философски для адвоката.

Марк толкнул его коленом, его губы изогнулись в улыбке.

— Твои художественные штучки должно быть заразны.

Глава 7

Тревор приоткрыл глаза и сосредоточился на неоново-зеленом свечении радиочасов на прикроватной тумбочке. Не было даже пяти утра, он спал всего четыре часа, прежде чем внутренняя тревога вытолкнула его из столь необходимого забытья. Или, может быть, это его мочевой пузырь настаивал на том, чтобы он встал прямо сейчас. Дополнительное давление руки, перекинутой через его талию, только усугубляло проблему.

Он осторожно выполз из-под Марка, стараясь не разбудить его, и слепо направился в ванную. После того, как он облегчился, он развернул марлевую повязку на бицепсе и проверил фистулу (прим. *фистула* — «сосудистый доступ» — артериовенозный шунт, *прямое соединение артерии с веной, место, откуда берется значительное количество крови для очистки в аппарате «искусственная почка» и куда оно возвращается уже в очищенном от токсинов виде*), присоединенную к вене в руке. Если бы были какие-то серьезные повреждения, он бы сразу заметил, но в порыве страсти незначительное воздействие все еще может повредить ее. Что вызовет проблемы с его лечением диализом и может даже означать новую операцию. Удовлетворенный, что все в порядке, он свободно перемотал руку. Ему не нужна была повязка, кроме его собственного самолюбия, он прятал фистулу, так что ему не пришлось объяснять Марку, что это было.

Он взглянул на себя в зеркало. Как он мог так выглядеть... нормально, но в тоже время быть настолько больным, что смерть буквально стучится в дверь? Нахмурившись, он хлопнул по выключателю света.

Вернувшись в комнату, он подкрался к окну и отдернул шторы на несколько дюймов. Снег по-прежнему падал крупными ленивыми хлопьями, накрывая мир белосиним покрывалом. Если это не прекратится, рейсы сегодня не будут запущены.

Он повернулся, и воздух, который Тревор начал медленно выдыхать, перехватил его горло. Луч света от фонарей парковки упал на голый торс Марка, придавая ему эфемерное сияние. Он перевернулся после того, как Тревор покинул кровать и теперь спал лицом к окну. Простыни были отброшены на бедра, одна рука была под его головой, другая — с раскрытой ладонью — на пустом месте, где лежал Тревор.

Тревор отодвинул занавески немного дальше, позволив большему количеству света пролиться на тело Марка, стараясь, чтобы не попало ему на лицо и не разбудило его. Пальцы Тревора дернулись, и знакомое желание запечатлеть образ перед ним, забурлило внутри. Он на цыпочках подошел к сумке и тихо достал альбом и набор графитовых карандашей. Затем он подтащил один из стульев к окну, сел на него и открыл альбом на новой странице.

Свет был не очень хорош для рисования, но этого было достаточно. Он изучал Марка, следя от линии плеча до выемки между его грудной клеткой и бедренной костью, вдоль темных теней, играющих на его расслабленных мышцах и складках простыни,

которая лежала на его теле, скрывая то, что Тревор прекрасно помнил — красивую плоть. Тупая боль в его теле напомнила ему, насколько хорошо это было. Что очень удивило его. Он не испытывал такого возбуждения годами — неудачный побочный эффект от лечения. Но человек, крепко спящий в метре от него, смог одним только взглядом возвратить его организму.

Улыбка потянула уголки его рта. Каждая секунда того стоила. Он не мог вспомнить последний раз, когда он чувствовал себя таким живым, таким свободным от борьбы и встречи с его неизбежной смертью. Это было, как будто Марк, так или иначе, знал и понимал, так как то, что они сделали ночью, это был не просто секс двух незнакомцев. Марк занимался с ним любовью.

Дрожь пробежала по его спине и плечам, и Тревор отогнал мысли. Фантазии ничего не изменят. Но Марк был великолепен и дал ему отсрочку от постоянной борьбы. Он хочет нарисовать этого мужчину. Ему это *необходимо*.

Устроившись поудобнее в кресле, он возобновил изучение Марка.

Мускулистые ноги, невероятная задница и великолепное мужское достоинство так и остались скрытыми под белоснежной простыней. Одно из колен Марка было согнуто и выдвинуто вперед, другая нога вытянута назад. Его нога подрагивала. Тревор поднялся и подошел к кровати, тщательно передвигая простынь на середину бедра, чтобы приоткрыть ногу Марка. Он отошел на секунду, наклонил голову в сторону, а затем шагнул вперед, чтобы еще раз разложить простыни по своему вкусу — поправляя складку здесь, разглаживая складку там, приоткрывая немного больше кожи. Еще немного больше света на конце кровати... Он открыл левую занавеску еще немного, потом другую, и так... *Идеально*.

Тревор сел и начал первые штрихи своего эскиза. Он всегда находил, что рисовать кого-то — это очень сокровенный опыт. Благодаря этому опыту он обнаружил сердца и души людей, которых он оживил на бумаге или холсте, — или на любой другой поверхности, которая казалась удобной, когда возникало желание, — не касаясь их и даже не разговаривая с ними. Это было его личное изучение людей через выражение физической формы, и это стало его визиткой в мире искусства. Его способность вытягивать нескрываемые эмоции из двухмерного изображения была тем, что вывело его на новый уровень и удерживало его там.

Но его нынешняя муз... В нем было больше, чем казалось на первый взгляд, что-то скрытое в его глубинах, что Тревор должен был *разглядеть*. Это было за тенью, которая дрейфовала над темно-зелеными глазами,nota тоски в его звонком голосе, когда он спросил о творчестве Тревора, подергивание и наклон его головы, сопровождаемые застенчивым намеком улыбки на мягких губах, которые опровергали его внешнюю уверенность, и румянцем розового цвета, который иногда окрашивал его острые скулы. Мужчина был великолепным, успешным, состоятельным

На первый взгляд казалось, что у него есть все. Но за сильным, самоуверенным фасадом скрывалось чувство утраты или одиночества. Тревору казалось, что даже во сне Марку есть что рассказать, чего он опасается. Какой бы ни была его история, она бурлила так близко к поверхности, и казалось, Марк охранял ее, как заветную мечту.

* * *

Восприятие действительности носилось на цыпочках по краю сознания Марка, и, вместе с тем, было странное чувство того, что за ним наблюдают. Не двигаясь и не открывая глаз, он попытался оценить окружающую обстановку. Простыни пахли кондиционером и сексом, и только ощущение пустоты в постели. На фоне мирного спокойствия в воздухе, был слышен тихий шорох и слабый скрип. Он был не дома. Он был в гостиничном номере... с красивым мужчиной. У них был фантастический секс.

И теперь он один лежал в этой кровати, хотя был не единственным в комнате.

Он приоткрыл веко ровно настолько, чтобы увидеть, как Тревор сидит перед окном, низкий свет с улицы бросает мягкое свечение на его плечи. Снаружи темно-серые небеса продолжали сеять снег. Голова Тревора была опущена, лодыжка одной ноги лежала поперек бедра другой, и его внимание было сосредоточено на альбоме, который опирался на мольберт, созданный его ногой. Его рука двигалась по странице размеренными штрихами, почти ласковыми, как будто танцевала над его поверхностью. Марк смотрел, не в силах пошевелиться или отвести взгляд, и та, скрытая часть его души, плакала.

Рука Тревора остановила гипнотический поток, нарушая транс Марка, и он посмотрел вверх. Марк замер на вдохе, боясь подать знак, что проснулся, и потревожить художника в его стихии. Пристального взгляда Тревора, направленного на подножие кровати, Марку не стоило опасаться. Кроме внезапного желания пошевелить открытыми пальцами ног.

Тревор снова сосредоточил внимание на альбоме для рисования — прядь густых волос упала ему на лоб. Как их пути никогда не пересекались раньше? Тревор жил в Ндерленде, между ними было меньше двадцати миль. Но потом, с такой работой и большим дефицитом свободного времени, Марк редко проводил время в Боулдере. Он всегда был либо в офисе, либо дома.

Кроме того, Тревор, несомненно, вращался в художественных кругах, которых, большую часть своей жизни, Марк избегал. Не потому, что он не ценил искусство, а потому, что его мать не гордилась бы им. Однако он никогда полностью не отпустит эту потерянную мечту. Дом, который он купил, говорил о похороненной части себя, которая отказывалась умирать, даже будучи глубоко спрятанной в течение десятилетий. Он зашел так далеко, что выделил комнату под художественную студию, где мог бы вернуться к своей первой страсти... но больше никогда не заходил внутрь.

— Я хотел стать художником, — проговорил Марк, застигнув себя врасплох. От сказанного щеки обдало теплом, не говоря уже о том, что он говорил о своей мечте, о которой старался забыть.

Тревор вздрогнул, его рука дернулась на листе, и струйка вины проскользнула в грудь Марка.

— Извини, я не хотел тебя прерывать.

Скажи уже что-нибудь. Что-то особенное.

Тревор покачал головой, и мягкая улыбка отразилась на его лице. Он встал, закрывая альбом, и положил его и набор карандашей обратно в свою дорожную сумку, а затем вернулся к кровати и вытянулся рядом с Марком.

— Да? — Тревор приподнялся, опираясь на локоть, а другой рукой ласкал, лениво прорисовывая восьмерку на груди и прессе Марка.

Марк посмотрел на него, и этот взгляд мягко побудил его продолжить, рассказав ему то, что Тревор каким-то образом понял. Марк понимал, что он в полной безопасности, раскрывая свои самые глубокие секреты незнакомцу, которого он никогда больше не увидит. Это облегчало или усложняло задачу? Разве раскрытие секретов в темноте считается? Он с усилием оторвал взгляд и посмотрел в окно, ничего не видя за его пределами.

Марк пожал плечами.

— Просто идеализированные мечты молодости.

— Я сомневаюсь в этом.

Марк снова встретился взглядом с Тревором, его ярко-синие глаза подбадривали его. Это был первый раз, когда он озвучил свою потерянную мечту, и теперь он не был так уверен, куда это его приведет. Чего он добился, например, обустроив комнату, в которую он так и не решался войти, на что требовалось больше, чем отключеннное периферийное мышление. Искусство всегда было в глубине его сознания, но никогда не было по-настоящему выведено на свет. Как тень, еле уловимая краем глаза, но не важно, как быстро ты поворачиваешь голову, чтобы поймать ее, ничего не увидишь.

— Раньше я любил рисовать, — он остановился, сглотнув ком в горле. — По словам моих учителей, у меня это хорошо получалось. Моя мама говорила: «Это мило, дорогой» и иногда вешала один из моих рисунков на холодильник. Но вскоре я заметил, что два моих брата получают более восторженные похвалы и поддержку за свои успехи в учебе и спортивные достижения. Она никогда не отговаривала меня, но все больше и больше я понимал, что она не так гордится мной.

Марк горько рассмеялся.

— Она даже не попала на мою первую художественную выставку, потому что у одного из моих братьев была футбольная тренировка в тот день. Даже не игра, а обычное ежедневное практическое занятие.

— Сколько тебе было лет? — голос Тревора был мягким, с ноткой сочувствия, но, к счастью, не с жалостью.

— Четырнадцать. Это была моя единственная выставка. Я любил искусство. Это было похоже... на глоток воздуха, — он посмотрел Тревору в глаза, которые казались серыми при тусклом свете, и в тот момент почувствовал, что нашел родственную душу. Была бы его жизнь другой, если бы он встретил кого-то вроде Тревора двадцать лет назад? Может быть да, а может и нет, но одно он знал точно: не было смысла тратить время на что, если.

— Но потребность в том, чтобы мама мной гордилась, была сильнее, поэтому я отдал свои краски и холсты и сосредоточился на учебе. Думаю, я увидел ее первую искреннюю улыбку, когда сказал ей, что решил стать адвокатом. Казалось, я наконец-то завоевал ее одобрение, — он сделал глубокий вдох. Память за все эти годы все еще не потеряла свой болезненный привкус. — И когда мне было шестнадцать, мой младший брат выдал меня.

Марк замолчал, память его вернула в тот день, и его желудок сделал тошнотворный кувырок. Они ужинали — Марк, его мать и его братья, Рик и Энди. Марк тогда еще не знал то, что Энди видел, как он целовался со своим первым парнем. Как только слова покинули губы Энди, в комнате понизилась температура, и мурашки побежали по спине. Его мать просто смотрела на него, выражение ее лица было совершенно пустым.

— Это правда? — спросила она спокойным голосом. Все, что мог сделать Марк, это кивнуть ей, едва коснувшись взглядом ее глаз, а затем он посмотрел на своего брата, который ухмылялся. Момент растянулся в неловкой тишине, пока, наконец, его мать не сказала: — Я все поняла, — и на этом все закончилось.

Тревор перестал водить пальцами по коже Марка, когда тот замолчал.

— Пожалуйста, не говори мне, что твои родители выгнали тебя.

Марк покачал головой.

— Нет. Хотя иногда мне кажется, что так было бы лучше. Моя мать просто закрылась от меня. Она не разговаривала со мной без надобности. Ничего из того, чтобы я сделал после того вечера, не было достаточно хорошо. Как будто я призрак — невидимка у всех на виду. И в день, когда мне исполнилось восемнадцать, она сказала, что я уже взрослый, и пора съезжать.

— А что насчет твоего отца?

— Его нет. Они развелись, когда мне было двенадцать, и он был слишком занят работой и путешествиями, чтобы быть полноценным отцом.

— Прости.

Марк пожал плечами.

— Что было, то было. Могло быть намного хуже.

Тишина опустилась между ними, и то же отчаянное, сокрушительное чувство затянуло его обратно в свои глубины, пытаясь проглотить его целиком, как это было много лет назад.

— А как обстоят дела сейчас? — прикосновение Тревора коснулось его руки, он нашел руку Марка и переплел их пальцы. Этот жест вернул его в настоящее. — Она

гордится тем, насколько успешным ты стал?

Марк медленно покачал головой, с благодарностью сжимая его руку.

— Я не разговаривал с ней почти десять лет. Даже поздравительной открытки на день рождения или Рождество не было.

Тревор на секунду затих, и выбирирующий гул обогревателя номера казался слишком громким для такой тихой ночи.

— А как насчет твоих братьев? Сколько у тебя их?

— Двое. Оба младше. Рик, средний сын, принял меня. Он был моим лучшим другом, пытался побудить меня снова рисовать. Но потом его призвали, и он пошел в армию, — комок разрастался в горле, мешая ему говорить. — Он... он так и не вернулся домой.

— Мне очень жаль, Марк, — сказал Тревор. Его мягкий голос отразил чувство утраты, которое с удвоенной силой поднялось в груди Марка. Прошли годы с тех пор, как Рик был убит, но боль так и не уменьшилась.

— И еще есть Энди... — Марк выскользнул из рук Тревора, касание внезапно стало слишком интимным, и посмотрел через плечо Тревора на все еще падающий снег за окном. — Последнее, чего он хотел, был брат-педик. Я понятия не имею, где он сейчас и что он делает со своей жизнью. Я уверен, что бы это ни было, наша мать гордится им, — Марк захлопнул рот, опешив от яда в своих словах, сказанных им же, и закрыл глаза. Он не хотел видеть что-либо в пристальном взгляде Тревора, который мог бы увеличить его желание соответствовать. И почему он рассказал все это человеку, которого только что встретил? Он никогда никому не рассказывал вслух о своем прошлом или мечтах, но потом, он действительно не задумывался о том, что он делал в течение долгого времени. Заставить его мать гордиться им, было его единственной движущей силой так долго, что в его жизни действительно не было места ни для чего другого.

— И ты никогда не возвращался к своему творчеству?

— Я... еще не готов.

— Искусство никогда не покидало твоей души, — сказал Тревор. — Что мешает тебе снова взять в руки кисти?

Марк вздохнул и повернулся на спину, проводя пальцами по животу и глядя на темный потолок. Он хотел закончить этот разговор. Он не понимал, зачем вообще об этом заговорил. Все, что он сделал, это испортил его настроение.

— Сейчас у меня нет времени ни на что, кроме работы.

Тревор долго молчал, и воздух вокруг них становился тяжелым, как будто давление в комнате падало. Вентилятор нагревателя снова включился, низкий и устойчивый гул подчеркивал тон атмосферы.

— Забери у меня, — сказал Тревор, его голос звучал отстраненно и ровно, что-то очень близко к сожалению. Он, подражая Марку, откатился на спину, сложив руки на животе. — Все, что мы можем сейчас, так это жить, — как говорит моя мама. Ты должен найти время для того, что важнее всего.

— Прямо сейчас это стать партнером в фирме, — сказал Марк.

Тревор повернул голову, но Марк не смог разобрать выражение его лица. Тревор вдохнул поглубже и открыл рот, как будто хотел что-то сказать, но вместо этого кивнул.

У Марка было отчетливое и неприятное чувство, что он каким-то образом разочаровал Тревора. Что было смешно. Он познакомился с ним несколько часов назад. Конечно, он не мог отрицать сумасшедшую сильную связь, но это может быть связано с тем, что он застрял в метели с великолепным и таким желанным мужчиной. Все равно это не имело значения. Он больше никогда не увидит Тревора после сегодняшнего вечера, так какого черта его должно волновать, что он подумает?

— Мне любопытно, — сказал он, надеясь вернуться к теме Тревора, когда на самом деле он должен просто перевернуться и спать. Завтра будет еще один длинный день выкапывания себя из снега. — Что ты там рисовал? Не возражаешь, если я поинтересуюсь?

Тревор повернулся на бок, спиной к Марку, и натянул одеяло до подбородка.
— Время.

Глава 8

Солнце светило через окно гостиничного номера, когда через несколько часов Марк проснулся, его мозги, тело и душа были полностью отдохнувшими. Он улыбнулся мужчине, обернувшемуся вокруг него, и удивился, как несколько часов могли стать такими значимыми. Тревор казался незнакомцем, но это не так.

Он взглянул на часы, и улыбка медленно сползла с его губ — без двадцати девять. К настоящему времени дороги, вероятно, достаточно расчищены, чтобы снова начать движение, и эта невероятная ночь скоро станет просто воспоминанием. Ему захотелось, чтобы они задержались еще недолго. Он одернул себя. Нет. Это было глупо, и совсем на него не похоже выдавать желаемое за действительное. Что ему нужно было сделать, так это встать и собраться, окунуться с головой в работу, где ей и место.

— Я слышу, как ты снова думаешь, — голос Тревора был хриплым от сна, и грубый тенор отправил всплеск возбуждения в пах Марка. Он посмотрел в пару голубых сонных, но таких завораживающих глаз и решил, что реальная жизнь может подождать еще немного.

— Что скажешь, если прежде чем отправиться в путь, мы воспользуемся этим прекрасным утром? — он просунул руку между ними, взяв в руку твердую, но нежную полувозбужденную плоть Тревора.

— Я хотел сказать, что ты меня измотал вчера вечером, но... — смех в вперемешку со стоном вырвались из горла Тревора, как будто он был застигнут врасплох своим возбуждением. — Кажется, у тебя волшебное прикосновение.

Марк улыбнулся и придинулся ближе, чтобы мог соединить их члены вместе. Скольжение горячей бархатной кожи в его ладони, стоны удовольствия, вырывающиеся из груди Тревора, отправляли острые импульсы через его нервную систему. Рука Тревора присоединилась к его руке, они оба держали друг друга как один, поглаживая, сжимая, покручивая. Бедра Марка сами по себе двигались под какой-то невидимой властью, когда он наклонился вперед и поцеловал Тревора. Бессмысленно задерживая утренний запах изо рта, он исследовал, пробовал и наслаждался вкусом этого мужчины, который мог легко стать для него наркотиком. Мысль должна была пугать, но вместо этого только увеличивала желание Марка.

Тревор использовал свое тело и свободную руку, опрокинул Марка на спину, затем прервал их поцелуй и, с хитрым блеском в глазах и соблазнительной улыбкой, вытягивая губы и прокладывая дорожку поцелуев, спустился вниз по телу Марка. Рука прошлась по твердой плоскости живота, скользнула в складку бедра и паха, нежно захватывая его мешочек. Марк раздвинул ноги шире и приподнял бедра, чтобы дать Тревору больше возможностей для ласк. Спустившись рукой ниже, Тревор пальцами дразнил, кружась и потирая дырочку, но не вторгаясь в тело, и стон, который вырвался из горла Марка прошелся по его голосовым связкам, как наждака. Тревор встретил его пристальный взгляд, улыбка расширилась, а затем он наклонился и заглотил член Марка одним быстрым, но сексуальным движением.

Вибрирующий стон Марка превратился в достаточно громкое рычание, эхом отдаваясь от стен. Все мысли ускользали, когда влажное тепло охватывало его чувствительную плоть, дразнящий сильный язык, легкий намек на зубы... Каждый предшествующий этому минет бледнел в сравнении, и для всех тех, которые будут в будущем будет установлена новая планка. Мысль мелькала в глубине его разума, но он никак не мог зацепить ее. Мысль казалась очень важной, но его яйца начали сжиматься, и мир резко сосредоточился на той невероятной точке соединения, где Тревор руками и

ртом держал его на краю. Как будто Тревор точно знал, что ему необходимо и как продвигаться дальше, он выпустил изо рта член Марка и всосал одно яичко, тем временем слегка сжимая второе в руке. Конец каждого нерва звенел и искрился.

— Ах, черт... Трев. Остановись.

Тревор послушно прервался, но блеск в глазах Марка подсказывал, что он только потакал ему. Марк оттолкнул его прежде, чем он успел нырнуть вниз, чтобы закончить начатое. Растворенность и разочарование, которые пересекли черты лица Тревора, быстро превратились обратно в игривое удовольствие, когда Марк перевернулся, и его ноги оказались у головы Тревора.

Его пристальный взгляд медленно поднимался по телу Тревора, пока их глаза не встретились, и он приподнял брови.

— Теперь мальчики могут оба участвовать в вечеринке.

— Блестящая идея, — дразнил Тревор, взяв свой член и нежно постукивая им по щеке Марка. — Неудивительно, что ты такой успешный адвокат.

Марк прикрыл руку Тревора, останавливая его движения.

— У меня отличный служебной список.

— В таком случае, — Тревор убрал руку и провел ею по волосам Марка, слегка надавливая на затылок. — Покажи мне, как...

Слова Тревора превратились в бессмысленную рябь, когда Марк, не теряя времени, обхватил губами головку члена Тревора, желая показать ему все, на что он был способен. Тревор отразил его действия, скользкий жар его рта снова поглотил Марка. Он не щадил Марка, быстро возвращая его к краю своим ртом и языком, и на этот раз, аккуратно вводя два длинных, проворных пальца. И на этом все.

Если бы Тревор практически не довел его до края пропасти, Марк был бы смущен тем, как быстро он кончил. Мощный, сотрясающий тело оргазм пронесся через него, казалось бы, без намерения, когда-нибудь закончиться. Его тело дернулось, и он услышал звук своего голоса, но все слова были приглушенны до неузнаваемости жесткой плотью, заполняющей его рот. Тревор держал его в горячем плена, пока он полностью не излился, затем мягко отпустил, лаская своим языком ставшую очень чувствительной кожу.

— И влиятельный адвокат побежден художни...

Ох нет, даже и не думай! Марк скользнул пальцем в рот, рядом с членом Тревора, облизывая его, а затем нажал им на сжатое колечко Тревора. И все это до того, как человек успел закончить свое предложение. Марк сосал сильнее, проталкивая палец глубже, выискивая заветную точку. Тревор задохнулся и толкнулся Марку в рот, когда он попал по простате, а затем сладко-горькая жидкость покатилась по его языку и задней части горла. Он проглотил все до последней капли, оставляя себе на память его вкус.

Марк откинулся на спину, и Тревор сделал то же самое. Марк потянулся к руке Тревора, переплетая их пальцы, и Тревор их крепко сжал.

Губы Марка дернулись в улыбке, и он хихикнул.

— Ты что-то говорил о поражении?

Тревор посмотрел на него одурманенным взглядом, говорившим «это по-настоящему был потрясающий секс», что заставило грудь Марка раздуться от удовольствия. *Я сделал это.*

— Нам может понадобиться повторное слушание, — голос Тревора был хриплым, но обещание послало Марку холодный всплеск посторгазмического блаженства. Это была случайная ночь, и он был взрослым, логичным во всем человеком, который не влюблялся с первого взгляда. Он, конечно, не чувствовал этого и сейчас, но он не мог отрицать, что между ними происходило что-то сильное и осязаемое. Что-то, чего он очень хотел.

Мягкая улыбка сползла с губ Тревора, и слабая складка появилась на его лбу, как будто неприятная мысль пришла ему в голову, и он вскочил с кровати.

— Ну же, — сказал он, беззаботный тон его голоса контрастировал с его выражением лица. Он протянул руку, маня Марка присоединиться к нему. — Давай

приведем себя в порядок.

— Я действительно не думаю, что смогу поднять его так быстро, — усмехнулся Марк, но Тревор все равно вытащил его из постели. Он определенно приложит все усилия.

Тревор поднял бровь.

— Я разве говорил о сексе?

— Ведешь меня в душ, где мы будем голые и мокрые, и не будем заниматься сексом? — дразнил Марк. — Это заблуждение.

— Хм... — Тревор, держа его за руку, повел через комнату в ванную. — Разве кто-то недавно не сказал о том, что не в состоянии поднять его так быстро?

— Детали, — Марк наблюдал за игрой мускулов на спине Тревора, когда он потянулся, чтобы включить душ — наклон, растяжение, перекатывание — и Марк не смог устоять и не протянуть руку, чтобы почувствовать под ладонью движение мышц.

— Да, детали, — сказал Тревор. Он повернулся к Марку и поцеловал его с игривым обещанием, пока они ждали, когда вода станет теплой. — Если я буду рисовать тебя, мне нужно изучить твои формы.

Жар взорвался в паху Марка.

— Иисус Христос. Это самая сексуальная вещь, которую мне когда-либо говорили.

— Значит, ты принимаешь душ не с теми людьми, — легкий румянец окрасил щеки Тревора, прежде чем он повернулся, чтобы войти в душевую кабинку и потянуть Марка за собой. Он повернул их так, что Марк оказался под брызгами, и потянулся за мылом, все время удерживая его взгляд. Только когда он начал медленно намыливать Марка, он, наконец, отпустил руку, используя обе, чтобы распространить по телу пену.

Марк стоял неподвижно, наблюдая за Тревором, как он почти с любовью гладил его, убеждаясь, что ни один дюйм Марка не остался без присмотра. Он опустился на колени, чтобы намылить ноги Марка, его пах, его яйца, его член, который от такого особого внимания начал наливаться. Тревор посмотрел вверх и улыбнулся. Нежность в этих глазах ударила Марку прямо под грудину, разбивая в осколки то, что он слишком долго отрицал. Но вкус радости был окрашен чем-то другим... тоской или сожалением. Он не был уверен, чем именно.

Он положил руку Тревору на щеку, а затем провел пальцем по его губам. Тревор приоткрыл рот и засосал палец внутрь. Но это было больше, чем действие, которое поразило Марка так, как он не ожидал — это была забота и почтение, которые Тревор оказывал ему. Как будто Марк был для него кем-то очень значимым.

Одиночество. Вот что это было. Это было чувство, портящее радость и удовлетворение, которые он чувствовал почти с того момента, как накануне вечером Тревор сел за его стол. Компания Тревора сделала пустоту еще более очевидной. Сколько лет он провел в одиночестве? Еще до того, как его мама сказала, что ему пора съехать, Рождество было чем-то страшным, а не с нетерпением ожидаемым. Это время года только усиливало его недостойность и оставляло его в праздничные дни в тоске до тех пор, пока он не мог вернуться к нормальному графику на работе.

— Эй, — голос Тревора вернул его в реальность. — Где ты?

— Я здесь.

Тревор поднялся на ноги и протянул мыло.

— Хорошо, потому что теперь твоя очередь.

— Повернись, Пикассо, — поддразнил Марк.

Тревор поднял брови и повернулся к Марку спиной.

— Ха-ха. Я намного лучше этого халтурщика.

— Хм... — Марк поцеловал Тревора в затылок, а потом ущипнул за ягодицу, вызывая легкий трепет и стон. — Я думаю, ты только что разозлил всю элиту искусства на планете.

— Что такое искусство без незначительных разногласий? — намек на одышку в голосе Тревора заставил Марка улыбнуться.

— Действительно.

Марк провел руками по твердой поверхности спины Тревора, на секунду останавливаясь на ямочках чуть выше его великолепных ягодиц, и скользнул тыльной стороной руки через расселину. Марк только дразнил, что хочет заняться сексом в душе. По большей части. Прямо сейчас, они просто расслабляли и ласкали друг друга, под неостанавливающимся потоком горячей воды... Он не мог представить лучшего способа закончить эту случайную встречу.

И он отказывался анализировать, почему эта мысль заставляла его хмуриться.

* * *

Тревор отключил звонок и вздохнул, роняя со стуком телефон на стол.

— Не повезло? — спросил Марк, когда он совершенно голый вышел из ванной, вытирая полотенцем мокрые после душа волосы, его оливковая кожа покраснела, и рот Тревора наполнился слюной.

Он облизнул губы и покачал головой, наблюдая, как Марк пересекает комнату и вытаскивает пару спортивных штанов из своей спортивной сумки.

— Аэропорт все еще закрыт, и, по всей видимости, в нем находится более четырех тысяч человек. Сегодня никто никуда не летит, и с тем, что многие уже пытаются перебронировать рейсы домой, даже если взлетно-посадочные полосы открываются завтра, шансы на то, что я попаду на один из них, невелики.

Марк остановился с наполовину надетыми штанами, и тепло в его глубоких глазах заставило сердце Тревора сжаться.

— А завтра Рождество. Мне очень жаль, что ты не сможешь провести его со своей семьей.

— Спасибо, но я не в силах что-либо изменить, — сказал Тревор, надеясь, что его голос не звучал слишком расстроено. Его последнее Рождество, и он не будет с родными.

— За исключением того, чтобы провести его с неким симпатичным незнакомцем? — Марк подвигал бровями, и Тревор не смог сдержать смех.

— За исключением того, — согласился он. Они определенно использовали свое знакомство по максимуму — и не один раз — и у него была тупая, но приятная боль в спине, чтобы свидетельствовать этому. Он мог бы пойти на большее. *Нет*. Большего быть не может. *Никогда*.

Выражение лица Марка стало серьезным, как будто он услышал мысли Тревора. Он глубоко вздохнул и открыл рот. Все, что он собирался сказать, остановилось при одновременном стуке в дверь, голосом за дверью: «Обслуживание номеров» и чириканьем мобильного телефона.

Тревор стоял, наблюдая за Марком, который захлопнул рот и только кивнул, прежде чем прервать их напряженный зацепившийся взгляд, чтобы ответить на звонок телефона.

Тревор забрал их тележку с завтраком, поблагодарив и отдав чаевые, а затем начал раскладывать еду на столе. Омлет с беконом, картофельные оладьи, тосты и кофе для Марка; яичные белки, свежие фрукты и вода для Тревора. Пока Марк заканчивал в душе он уже принял свои витамины и лекарства, запивая их несколькими глотками воды, не желая объяснять эту ежедневную смесь. Если бы Марк увидел, он бы, скорее всего, просто предположил, что это витамины.

— Я в гостинице, рядом с трассой. Я буду, как только смогу, — сказал Марк. Затем сделал паузу. — Спасибо.

Он, хмурясь, закончил разговор, натянул футболку и сел за стол напротив Тревора.

— Все в порядке? — спросил Тревор.

Марк кивнул, продолжая хмурить брови.

— Они расчистили дорогу. Я оставил свой номер на лобовом стекле машины, не хочу, чтобы меня отбуксировали, но они не могут ждать слишком долго, — он оторвал

взгляд от тарелки и посмотрел на Тревора. — Ты на диете?

— Что-то вроде того, — сказал Тревор, обнаружив, что теперь у него тоже появилось желание хмуриться. Но почему? Это был прекрасный способ скоротать время, не более того. В другой жизни, вероятно... Марк, возможно, был из тех, с кем он хотел бы большего.

— Я чувствую себя обжорой, — сказал Марк.

— Нет. Мне нравятся люди со здоровым аппетитом, — сказал Тревор, а затем покраснел, когда непреднамеренная инсинация зажгла искру в глазах Марка и дернула его губы в сексуальной усмешке.

— Я могу тебя куда-нибудь подвезти? Домой? — Марк с удовольствием сосредоточился на своем завтраке, тем самым вызывая у Тревора улыбку. Он всегда любил смотреть, когда люди с аппетитом едят. Он не мог сказать, почему, но, возможно, это было из прошлого, с его семейных ужинов, когда он рос. Видя наслаждение людей, о которых он заботился, создавая что-то для них, дарило ему замечательное чувство. Кулинария стала страстью, наряду с его творчеством. Хотя, некоторые называют кулинарию искусством. С чем он был абсолютно согласен.

— Спасибо, но нет, — сказал он, борясь с внезапным желанием приготовить для Марка. — Каньон в Боулдере засыпан снегом, и сегодня можно не ждать открытия дороги. Даже если я вернусь на стоянку, где оставил машину, я не смогу подняться на гору. Я застрял здесь до тех пор, пока не получится улететь самолетом.

Вилка, которую Марк поднимал ко рту, сделала паузу, и серьезное, вдумчивое выражение, которое Тревор видел ранее, опять появилось.

— Так ты проведешь Рождество здесь? В гостинице, в одиночестве?

Еще одна волна тоски по дому, в десять раз сильнее, чем прошлой ночью, хлынула по венам Тревора, но он улыбнулся, отказываясь показывать это.

— С парой сотен других путешественников, которые также пропустят Рождество со своими семьями, я не буду одинок.

Марк изучал его в течение долгого момента, прерывая пристальный взгляд непосредственно перед тем, как у Тревора не появилось желание скрочиться. Черт. Если этот взгляд был похож на те, которыми Марк выстреливал в противоположную скамью в суде, неудивительно, что он был столь успешным, как он утверждал.

— У тебя большая семья? Вы близки? — спросил Марк, направляя внимание обратно на завтрак. Он поднял взгляд, и слабый румянец окрасил его щеки. — Прости. Не хочу показаться любопытным, но... это справедливо, особенно после того как прошлой ночью на меня напала какая-то странная сила, и я выпотрошил свои кишki. Он усмехнулся. — Должно быть, у тебя есть эти магические штучки с заклинаниями.

Тревор засмеялся.

— Художественные заклинания?

Марк, не поднимая взгляда, немного смущаясь, пожал плечами.

Тревор засунул клубнику себе в рот, остановился на мгновение, чтобы прожевать, прежде чем заговорить. Одна вещь, которую он узнал прошлой ночью, это то, что внутри Марка была большая пустота. Ему нужен был кто-то в его жизни, кто поддерживал бы его на сто десять процентов, кто всегда был бы рядом с ним. Несмотря ни на что. Как бы Тревор ни хотел попытаться быть таким человеком, он просто не мог. Он оставит Марка и очень скоро, хочет он этого или нет.

— Меня усыновили в детстве, — наконец ответил он, — лучшая семья, о которой я только мог мечтать.

Марк поднял глаза и улыбнулся.

— Такие истории мне нравятся слушать.

— Не могу не согласиться, — сказал Тревор. — Моя мама не могла иметь собственных детей, и ей ненавистна мысль, что вокруг так много брошенных детей. У меня три брата и две сестры, и мы этнические отбросы. Мои родители: папа белый, а мама

испанка. Ксавье и Оливия — латиноамериканцы и старше меня; самые молодые из нас — Аделина и Алекс, китайцы и соответственно белые; и Исаак, который в том же возрасте, как и я, афро-американец. У нас с Исааком давний спор о том, кто из нас на самом деле старший брат. Иногда я думаю, что он самый старший из всех нас, с тем, как он заботится обо всех, включая маму и папу.

— Похоже, у вас дружная семья, — сказал Марк, и Тревор не пропустил нотку тоски в его красивом голосе.

— Но, к большому разочарованию мамы и папы, мы все сейчас стали взрослыми, и я, Ксавье и Оливия переехали из штата. Аделина все еще живет с ними, Исаак всего в пяти минутах, а Алекс живет немного дальше, но также в Коннектикуте.

— И что же тебя привело в Колорадо?

— Горы, — улыбнулся Тревор. — Они питают мою творческую душу. Я имею в виду, они для меня как художественное заклинание.

Марк усмехнулся и положил вилку на стол, тарелка была абсолютно чистой. Задумчивый свет мелькнул в его глазах цвета леса.

— Да, — сказал он. Их разделяло всего полметра, но его голос казался отдаленным.
— Да, я заметил это.

Глава 9

После завтрака, Марк собрал свои вещи и вызвал такси. Теперь, когда трасса снова открыта, было слишком опасно идти по ней, чтобы забрать машину. Тревор пошел с ним к стойке регистрации отеля, чтобы он мог снять комнату Марка еще на один день, и неотступное чувство тревоги пробрало Марка до костей. Ему нужно было уходить, чтобы он смог продолжить работу над своим новым делом, но какая-то часть его упиралась пятками, не желая заканчивать это... приключение. Он затолкнул это чувство поглубже и растоптал. Мысленно, ногами в байкерских ботинках.

— Мне жаль, — сказала администратор, возвращая Марку кредитную карту. — Есть очередь на номера, так как очень много людей застряли, и ваш номер уже забронирован.

— О, — растерянно сказал Марк, не зная, что еще сказать в таком случае, и повернулся к Тревору. — Прости...

— Все в порядке, — сказал Тревор, поднимая руку. Он улыбнулся сквозь явное разочарование в глазах. — Эти кресла у камина в холле выглядят достаточно удобными для сна.

Марк закусил губу. Почему это было так неправильно? Оставить Тревора одного, прямо перед Рождеством, спать в кресле? И почему он не может просто сказать: «*Спасибо за чудесную ночь и продолжим свою жизнь, какой она и должна быть?*». Обрывать связь не должно быть так сложно. Это должно быть просто. Только это не так.

Они сделали больше, чем провели несколько часов, находя друг в друге отдушину. Они говорили в течение половины ночи, и он обнаружил, что ему действительно нравится мужчина, который в настоящее время стоит перед ним в это солнечное, холодное колорадское утро. Тревор каким-то образом смог прикоснуться к Марку так, как никто не прикасался за всю его жизнь. Но... *ад*. Как сказать человеку, с которым он провел ночь, что не хочет так скоро расставаться?

Марк провел руками по своим волосам, в то время пока Тревор наблюдал за ним с напряжением, которое заставляло дрожать его тело.

Они одновременно нарушили затянувшееся молчание.

— Ну...

— Послушай, я...

Они рассмеялись. Марк понимал, что его голос был немного неуверенным, но голос Тревора звучал грустно. Он тоже хотел того, что и Марк? Тревор посмотрел на двери

отеля, где постоянный поток такси доставлял людей обратно к их автомобилям или домам.

Марк расправил плечи и открыл рот, чтобы заговорить, но слова замерли на его губах, когда Тревор снова обратил на него внимание, с нечитаемым выражением лица и протянул руку.

— Было приятно познакомиться, Марк. Спасибо за чудесный вечер.

Значит, он не хотел того, чего хотел Марк. Он хотел попрощаться и продолжить свою жизнь. Потому что это была случайная встреча на одну ночь и ничего больше.

Марк на секунду посмотрел на протянутую руку, обуздывая свои разгулявшиеся фантазии, и встретил взгляд Тревора, ища, но не находя той искры, которая обещала что-то большее. Он выдавил из себя улыбку, которая выглядела горько-сладкой, но на вкус была кислой, и кивнул, принимая жест Тревора.

— Я не забуду его, — сказал он. Он продержался еще мгновение, а затем медленно выпустил руку Тревора, лаская его ладонь кончиками пальцев, прерывая рукопожатие и оставляя покалывание кожи после последнего прикосновения. — Позабочься о себе, Тревор. Веселого Рождества.

Тревор слегка поджал губы, внезапно выглядя настороженно, как будто Марк сказал что-то не то. Но Тревор сказал:

— И тебе.

Момент затянулся, почти застывая во времени, пока кто-то не шагнул в край их частного укрытия и не разрушил их уединение.

— Ваше такси здесь, сэр, — сказал консьерж.

Марк повернулся к мужчине.

— Спасибо, — сказал он, потом оглянулся на Тревора, снова улыбнулся и с резким кивком направился к ожидающему такси. Каждый шаг казался тяжелее предыдущего, и ему приходилось бороться с самим собой, чтобы не развернуться, не вернуться назад и не сказать то, что он хотел сказать. Но нет, Тревор ясно дал это понять. Больше ничего не осталось. Он тоже это понимал, но...

Но это было.

Марк развернулся с намерением поддаться желанию и вернуться к Тревору, сказав, что «это безумие, какого черта, давай посмотрим, может ли это куда-то привести». Но место, где стоял Тревор по другую сторону стеклянных дверей, теперь было пустым.

— Куда направляешься, господин?

Марк повернулся к ожидающему его таксисту, который терпеливо держал заднюю дверь открытой.

— Моя машина на трассе, — сказал Марк, забираясь в машину. Он еще раз взглянул на двери отеля, пристегнул ремень безопасности и вздохнул. Безжизненная пустыня, ставшая его жизнью, теперь простиралась дальше, чем когда-либо прежде, за горизонт и в бесконечную бездну.

* * *

Тревор направился в холл, борясь с желанием развернуться и попросить Марка... О чем? Сказать ему, что он все-таки поедет? Но куда именно? Он не мог подняться на гору сегодня, и не было никакого смысла ехать в аэропорт. Попросить Марка остаться с ним в отеле, когда у него есть дом, куда он сможет поехать? А что насчет завтрашнего дня? Он был слишком поглощен разочарованием, что пропустит Рождество со своей семьей, и совсем не интересовался, каковы планы Марка, кроме того, что он проведет его в городе. Судя по всему, у Марка не было семьи, чтобы провести Рождество с ними, но, конечно, у него были друзья, чтобы разделить этот праздник.

Но если бы он это сделал... Не лучше ли провести день с кем-то, чьей компанией он наслаждался, чем в одиночестве в отеле, полном незнакомых людей?

В холле его взгляд сразу же потянулся к столу, где он познакомился с Марком, где было наложено заклинание, которое заставило его пожелать другой жизни. На длительное время.

В его груди осела тяжесть, когда он обернулся и направился к кожаным креслам, которые разместились перед большим каменным камином в главном вестибюле. Он упал в кресло, его тело, как обычно, было в два раза тяжелее, измученным, как будто он только что пробежал марафон. Он смотрел, как пламя прыгает и танцует. Периферически он улавливал движение вокруг себя, людей, приходящих и уходящих, время, вечно идущее вперед, но он сидел неподвижно, желая того, чего никогда не случится.

Хорошо, что Марк пошел своей дорогой. Тревор уже знал, что ему нужно больше этого человека, хотя он не сможет полностью его получить. Он уже некоторое время жил взятым взаймы временем. Его больные почки теряли все больше и больше функций, и вскоре без пересадки они полностью откажут, на диализе или нет. Вскоре он больше не будет иметь права на это время.

Это было бы верхом эгоизма, не так ли? Нет, он не мог так поступить ни с кем, особенно с таким человеком, как Марк.

Он глубоко вздохнул и вытащил свой альбом из сумки. Положив его на колени, он открыл страницу, на которой рисовал в тихие часы ночи. Это все еще был хаос грубых штрихов, просто создающих впечатление формы, но для Тревора это был однозначно Марк. Его пальцы дернулись, чтобы проследить линии и изгибы графита, как будто это был какой-то спасательный круг, соединяющий его с человеком, о котором в этот момент он мог только мечтать.

Вздохнув, Тревор закрыл альбом, положив на него обе руки, и закрыл глаза. Он должен остановить это. Были более важные вещи, о которых нужно подумать, например, как затронуть с мамой тему, что его почки были на вершине пика. Серьезные осложнения вырисовывались на горизонте, большие и смертельные, и он рассматривал возможность остановки диализа вместо того, чтобы подвергать их всех ненужной боли. Это не будет легким или приятным разговором, но его нельзя избежать.

— Не возражаешь, если я присоединюсь?

В резонирующем голосе звучала улыбка, и Тревор узнал бы его в любом месте. Он открыл глаза и увидел перед собой мистера красавчика Марка. Во плоти.

Внутренний голос в голове Тревора выразил благодарность за то, что он закрыл свой альбом для рисования. Он встал, роняя подушку на сиденье кресла.

— Что ты здесь делаешь? — его голос дрогнул, но ему было все равно. Чувство радости и надежды, которые он не мог скрывать и даже не пытался, поднималось в его груди.

Марк засунул руки в карманы и посмотрел вниз, выражение его лица и движения были нерешительными, обнажая трещины в его уверенности. Когда они снова встретились взглядами, Тревор увидел надежду, которая отразилась в оттенках теплого зеленого.

— Я, эмм... Я тут подумал... — Марк освободил руки и расправил плечи, его голос зазвучал более уверенно. — Я подумал, что это будет неправильно проводить Рождество в одиночестве в холле гостинице, спать в чертовом кресле, в то время как я провожу свое в предгорье, где мы можем провести его вместе. Никто не должен быть один на Рождество, верно?

— Я...

...не могу. Не должен. Но да, я действительно хочу.

— У меня большой дом, — добавил Марк. — У тебя будет выбор гостевых комнат, если захочешь. Хотя... — смешишки танцевали в его глазах. — У меня огромная спальня.

Он ждал ответа, игривый взгляд вернулся к предыдущему обнадеживающему выражению, но сомнения Тревора начали таять. Тревор ненавидел то, что он был причиной этого, но он не мог поехать домой к Марку. Дело не в том, что он не хотел

проводить там праздники или просто быть с ним, а в том, что чем больше времени он проведет с Марком, тем труднее будет прощаться. И прощание будет единственным местом, куда это приведет.

— Я не могу... — начал он, и его голос стих от меняющегося выражения лица Марка. Сердце Тревора перевернулось от увиденного, выискивая варианты, как заставить этот взгляд исчезнуть. В конце концов, Марк был прав. Никто не должен проводить Рождество в одиночестве, а ему некуда идти. Пока они на одной волне, все будет хорошо. Верно? Просто двое мужчин, попавших в одну ситуацию. Затем, когда аэропорт снова откроется, он отправится домой, как и планировалось, и это будет незабываемой интерлюдий.

Ты обманываешь себя, — шептал голос в глубине его души, но который он быстро проигнорировал. Тревор сглотнул.

— Я не ищу чего-то, — сказал он твердым голосом, глядя Марку в глаза. — Мы должны сразу все прояснить.

Противоречивые эмоции отражались в глазах Марка, меняясь слишком быстро, чтобы прочитать что-то конкретное, но его голос был торопливым, когда он сказал:

— Мы свободны. У меня сейчас определенно нет времени на что-то большее, — Марк улыбнулся, его улыбка была такой красивой и искренней, что смыла все причины, по которым Тревор должен был сказать «нет».

— Окей. Тогда вези меня домой.

Глава 10

— Нам нужно будет по дороге заехать в продуктовый магазин, — сказал Марк, возвращаясь на трассу, ведущую в Боулдер, направляя свою последнюю модель Audi Q7 к бульвару Интерлокен. — Я не так часто ем дома, чтобы держать холодильник полным. Тебе нужно где-нибудь остановиться по дороге? Может тебе что-нибудь нужно?

Тревор покачал головой. Единственное, что ему действительно было нужно, Марк не мог ему дать.

— Неужели ты не готовишь?

Марк фыркнул.

— В этом нет смысла.

— Конечно, есть. Каждый человек должен кушать.

— И именно поэтому у нас в городе полно ресторанов и много доставки еды, — сказал Марк. Он все еще улыбался, но выглядел немного подавленным, немного одиноким.

Тревор мгновение изучал профиль Марка. Солнцезащитные очки сидели на переносице совершенно прямого носа, массивную челюсть покрывала темная щетина, кончик языка высунулся, чтобы скользнуть по пухлой нижней губе, которую Тревор хорошо помнил на вкус и чувствовал — как атлас. Он был умным, целеустремленным, успешным... великолепным. Почему такой человек был один?

Конечно, Тревор тоже был один, не доводя дело до романтических отношений, но по чертовски веской причине. Если трансплантация не будет проведена в ближайшее время, через год он может умереть. Даже если он получит транспланта, не было никакой гарантии, что его тело примет его. Но у него была семья и хорошие друзья, чтобы наполнить его жизнь. А что у Марка было кроме работы?

Боль просочилась в его грудь, когда он вспомнил, что Марк сказал ему в темноте прошлой ночью о том, что был призраком в своем собственном доме. Тревор, всегда имеющий безграничную и безусловную любовь, поддержку и помочь своей собственной семьи, не мог представить, каково это.

— Тогда я буду готовить для тебя, — решил Тревор вслух. Это никуда не денется, но

это не значит, что он не мог помочь кому-то почувствовать себя менее одиноким. Даже если только на один день. — То есть, это меньшее, что я могу сделать, раз уж ты так любезно пригласил к себе домой на Рождество упрямого незнакомца.

Марк взглянул на него с мягкой улыбкой. Тревор не мог видеть его глаза за зеркальными стеклами очков, но его голос был чистым медом, когда он сказал:

— На самом деле уже больше чем незнакомец.

Тревор улыбнулся в ответ. Марк не чувствовался чужим для него, хотя прошло меньше двадцати четырех часов с тех пор, как они встретились. Как такое могло случиться? Судьба, как сказала бы его мама. Ее вера в любовь с первого взгляда и «простое осознание», когда ты встретишь того, с кем ты должен быть, была непоколебимой. Но это была его мать. Не он. Он уже знал, что чудес не бывает, и судьба может быть непостоянной стервой.

Марк потянулся, как будто собирался взять Тревора за руку, но остановился на полпути, возвращая руку на руль. Он сосредоточился на дороге впереди, его адамово яблоко дрогнуло, когда он сглотнул.

Мне нужно держать тебя за руку.

Тревор, чтобы оставаться под контролем, мысленно стукнул себя по голове. Он перевел взгляд в окно, где толстое одеяло чистого белого снега покрывало проходящую мимо землю. Свежий снег, сверкающий под ярким зимним солнцем — безмолвный, чистый, умиротворенный — никогда не перестанет восхищать его своей тихой красотой. Он записал на память этот образ, ноты настроения, чтобы после нарисовать его. Идея обрела форму в его воображении, когда они ехали, — большой холст, может быть, метр восемьдесят на метр двадцать, нижняя треть — суровый заснеженный пейзаж, усеянный бриллиантами, и огромное синее небо, которое достигало вечности, заполняет остальную часть холста.

Не успел он опомниться, как они подъехали к местной бакалеи Боулдера, открытой и минимально укомплектованной из-за метели, где Тревор собрал необходимые экологически чистые продукты, чтобы сделать для себя несколько диетических блюд. Дополнительным бонусом приготовления для Марка было то, что он сам мог контролировать меню и не должен был объяснять, почему было так много еды, которую он не мог есть. Он не хотел погружаться в свое состояние, не хотел говорить... не хотел даже думать об этом. Прямо сейчас он просто хотел сосредоточиться на наслаждении компанией привлекательного, доброго человека.

— У тебя есть аллергия на какие-нибудь продукты? Или может что-то конкретное не нравится? — спросил Тревор, когда выбирал упаковку куриных бедер без кожи. Он бросил пакет в их корзину и попытался проигнорировать то, что чувствовал себя «посемейному», покупая с Марком продукты.

Это было большой ошибкой. Он должен был остаться в отеле.

И спать в кресле? — съязвил дьявол на его плече.

— Я как мусорный бак, — сказал Марк, одаривая его улыбкой, которая могла бы конкурировать с солнцем. — Я ем все подряд.

Проклятие. Почему эти улыбки заставляли Тревора игнорировать то, что он не мог себе позволить забыть? По крайней мере, он уже устно установил границы, и Марк согласился — ни один из них не искал большего.

— Не уверен, я должен быть впечатлен или потрясен, — дразнил Тревор, надеясь, что немного юмора вытащит его из собственных мыслей.

— Впечатлен, — глаза Марка танцевали с заразительным весельем. — Определенно. Тревор покачал головой и усмехнулся.

— Да уж, — сказал он, стараясь, чтобы его тон был игривым.

Взгляд Марка упал на рот Тревора, и даже когда он сопротивлялся желанию облизать губы, он не мог отвернуться. Марк поднял глаза, цепляясь взглядом с Тревором, и в этот короткий миг единственный звук, который он мог слышать, было потрескивание

электрических разрядов, искрящихся между ними.

Тревор откашлялся.

— Надо взять... еще кое-что и... — он кивнул, как будто это могло сломать контрольно-пропускной блок, который его язык вдруг не мог преодолеть. Он отвернулся, прежде чем Марк успел что-то сказать, и быстро набрал необходимые продукты.

* * *

Двадцать минут спустя Марк остановился у развилки главной и длинной заснеженной дороги, ведущей к раскинувшемуся ранчу. Снегоочистители расчистили снег вдоль главной дороги, но въезд на ранчо был заблокирован огромными сугробами.

Марк вздохнул и заглушил двигатель, повернувшись к нему с извиняющимся выражением лица.

— Извини. Похоже, отсюда мы пойдем пешком.

— Нет проблем, — сказал Тревор, ему все равно нужно размять ноги. — Свежий воздух пойдет нам на пользу.

— У меня есть квадрацикл с плугом, чтобы расчистить въезд, — Марк открыл дверь, и холодный воздух ворвался внутрь. — После того, как мы окажемся дома, я переоденусь и позабочусь об этом. Лопатой открою эти ворота, чтобы убрать машину с дороги.

— Если у тебя есть две лопаты, я помогу, — сказал Тревор.

Марк улыбнулся.

— Спасибо, — он схватил два пакета с продуктами, а Тревор забросил свою сумку через плечо, и вместе они стали пробираться по дороге сквозь рыхлый снег.

У него перехватывало дыхание, пока он пробирался вперед, и снег забивался между штанинами и носками, окончательно замораживая лодыжки. Несмотря на то, что он регулярно тренировался, к тому времени, как они добрались до дома, он был измотан и не чувствовал своих замерзших ног. Постоянная усталость стала для него нормальным состоянием с момента начала диализа, но никогда, с момента начала лечения, он не чувствовал себя настолько разбитым. Последние двадцать четыре часа немного выбили его из обычной рутины, особенно поздняя ночь и удивительный секс, и не только один раз, а дважды. Он покачал головой, до сих пор не веря в то, что у Марка такое сильное либидо. Теперь же, усталость просочилась так глубоко и заставила его тело чувствовать себя очень тяжелым. Если бы он мог поспать, он был бы в полном порядке до конца дня.

Бок о бок они подошли к двум низким ступенькам, ведущим к крыльцу, и Тревор положил свою сумку у двери, а затем стряхнул снег со своих штанов. Марк сделал то же самое, прежде чем перехватить пакеты и открыть входную дверь. Тревога проникла в грудь Тревора, когда он последовал за Марком в большой холл, в котором открывалась вся планировка этажа и западная стена с окнами от пола до потолка. Передний хребет горной цепи выглядел высоким и величественным в обрамлении окон, и дыхание Тревора перехватило, трепет заменил внезапный приступ тревоги. Один только этот вид стоил незапланированной поездки.

Он присвистнул.

— Ошеломительно.

Марк оглянулся и улыбнулся.

— Это причина номер один, почему я купил этот дом. Это и тропки восточного Булдера, находящиеся тут поблизости, для походов и путешествия на велосипеде.

— Впечатляет, — сказал Тревор,роня сумку на пол. Он снял обувь, повесил куртку на крючок у двери и последовал за Марком на кухню шеф-повара. — Как можно иметь такую кухню и не готовить? — он покачал головой.

Марк оглядел кухню, как будто увидел ее в первый раз.

— Я планировал часто использовать ее, но... — он пожал плечами, а затем начал опустошать пакеты с продуктами.

Казалось, он не собирался продолжать, и у Тревора было четкое ощущение, что он не должен давить. Вместо этого он помогал распаковывать продукты, передавая их Марку, который, в дружеской тишине, раскладывал их по местам. Он снова пытался не думать о том, как это все по-домашнему. Он определенно старался не думать о том, насколько это правильно. Такая жизнь не была и никогда не будет его жизнью.

— Так, ладно, — сказал Марк, когда они закончили. — Позволь мне устроить для тебя грандиозную экскурсию, а потом мы переоденемся и отправимся обратно.

— Показывай дорогу, сквайр (*прим. (от лат. щитоносец) почетный титул в Великобритании*), — дразнил Тревор, благодарный за отвлечение его внимания от внутренних метаний.

Дом был великолепен. Его собственный дом в Недерленде не имел обширных видов, как этот, будучи окруженный деревьями, но он всегда считал, что у него был королевский выкуп в естественном свете, с окнами в крыше почти в каждой комнате. Свет, который просачивался в этот дом, пристыдил его. Мало того, что было несколько окон в крыше почти в каждой комнате, но еще каждое окно было от пола до потолка, и потолки? Сводчатый из натурального дерева и открытыми балками. Все в этом доме было светлым, открытым и воздушным. Он был красиво обставлен с приветливым, домашним настроением, но ощущение, что ему чего-то не хватало, сопровождало Тревора. Как будто, это был дом около того, чтобы называться домом. Через несколько минут Тревор понял почему — стены были лишены фотографий — ни одного семейного портрета, ни откровенных снимков друзей, празднующих или вместе проводящих отпуск. Не говоря уже...

— У тебя нет новогодней елки, — ляпнул он, и краска сразу прилила к его лицу.

Марк опустил глаза, засунув руки в карман. Тревор смущил его.

— Да. Мне не очень-то и нужна эта мишуря, чтобы насладиться праздником,... понимаешь, в этом весь я.

— Прости. Я не имел в виду...

— Нет, все в порядке, — Марк встретил его взгляд и улыбнулся, но выражение его лица было растерянным. — Может быть, мы вместе можем сделать что-то с этим домом?

— Я... — нахмурился Тревор. — Что?

Марк хотел, чтобы они вместе украсили его дом? Это было... *Я не собираюсь произносить это.*

— Или... — Марк отвернулся, но Тревор успел уловить потускневшую зелень его глаз. — Извини. Это было глупо.

— Нет, это ты *меня* прости, — быстро сказал Тревор. Меньше всего он хотел, чтобы Марк считал его неблагодарным засранцем. Он потянулся, положив руку на бицепс Марка и коротко сжимая твердые мышцы под ладонью. Не вмешиваться — не значит, что они не могут делать что-то вместе, верно? Это не должно быть чем-то иным, чем помочь украсить маленькую художественную галерею в Недерленде. — Я не хотел ставить тебя в неловкое положение из-за того, что ты не украсил свой дом или, возможно, не хотел. Это было просто... я не знаю. Но... это хорошая идея.

Марк оглянулся на него и секунду изучал, прежде чем положить руку на руку Тревора.

— Давай смотреть дальше, — тихо сказал Марк, его голос звучал глухо, и кивнул головой в сторону небольшой лестницы. Он опустил руку, повернулся, чтобы закончить экскурсию, и Тревор шагнул за ним, надеясь, что он больше не попадет впросак со своим языком.

Дом в стиле ранчо был построен на склоне холма, так что лестница вела не в подвал, а на уровень ниже в другую сторону. Марк остановился у подножия лестницы, а Тревор прошел мимо него в другое большое открытое пространство, находящееся прямо под главной гостиной на верхнем уровне. Французские двери в окружение окон, открывали тот же фронтальный вид. Голубое небо стало ярче от искрящегося снега, растянувшегося

на мили в высоту.

Противоположная стена была не совсем белой и совершенно пустой. Дальняя стена была увешана полками, и вдоль нее стояли ящики. Другая сторона комнаты выглядела как гостиная с комфортно выглядящим диваном, двумя креслами и деревянным столом в середине. Но то, что привлекло и потребовало его внимания, было то, что стояло посреди комнаты, лицом к открывающейся панораме — мольберт с большим чистым холстом на нем.

Тревор повернулся к Марку, открыв рот, чтобы спросить, почему он пустой, почему комната выглядит... покинутой и почему эта идеально освещенная стена студии была пуста, но слова замерли, прежде чем он закончил делать полный вдох, чтобы сказать их. Марк не смотрел на него, он даже не вошел в комнату. На самом деле, он отступил обратно на нижнюю ступень. Его взгляд был устремлен на вид за окном, как будто он намеренно не смотрел в комнату, и жесткая поза его тела говорила, что он хочет уйти оттуда как можно быстрее.

Для Тревора это было за гранью понимания. Иметь такое невероятное пространство, которое было специально создано как *художественная студия*, и притворяться, что ее там нет?

Затем он вспомнил, что ночью Марк рассказал, что он хотел быть художником, но неодобрение матери заставило его похоронить свои истинные мечты. Марк сказал, что у него нет времени возвращаться в творчество, но эта студия... Сердце Тревора сжалось в груди. Эта студия была тихим криком.

Марк бросил быстрый взгляд на Тревора.

— Ну что, готов к финалу? — спросил он, тихим голосом.

— Конечно, — и прежде чем Тревор ответил, Марк уже был в пути. Если бы только он мог сделать жизнь этого мужчины лучше... Если бы у него было достаточно времени, чтобы что-то изменить... У них есть сегодня и завтра. Этого должно быть достаточно.

Он последовал за Марком за угол, и они оказались там, что должно было предполагать большую спальню хозяина — нет, огромнейший *номер-люкс* — которую он когда-либо видел.

— Если бы я не знал тебя лучше, я бы поклялся, что ты планировал закончить эту экскурсию тут, — сказал Тревор, останавливаясь позади Марка в большой комнате.

Как и все остальные комнаты в этом доме, две стены были окнами. Солнечный свет сиял через три окна в крыше, и еще одни французские двери выходили в патио, которое занимало восточную часть дома.

— Ты предполагаешь, что у меня были скрытые мотивы? — голос Марка был низким, хриплым, он повернулся и провел пальцем по шлевке ремня Тревора, подтягивая его ближе. В его глазах зажглись проказливые искорки.

Тревор усмехнулся.

— Все зависит от того, каковы эти мотивы.

— У меня такое ощущение, что они могут тебе понравиться, — Марк наклонил голову и прихватил губы Тревора. Прикосновение заставило задрожать его тело.

— Но не больше, чем это на самом деле может быть, — напомнил Тревор, упорно игнорируя ту часть, которая действительно *хотела* большего.

Марк слегка наклонил голову, и Тревор увидел, как в его мозгах вращаются колесики. Он приготовился к вопросам, на которые не хотел отвечать.

— Мы на одной волне, — наконец сказал Марк, не отпуская петлю ремня Тревора.

— Хорошо, — и это было хорошо, так почему же его облегчение было окрашено разочарованием?

Марк притянул Тревора ближе, пока их тела не соприкоснулись.

— Но это не значит, что мы не можем воспользоваться этим моментом, — сказал он. Его твердое тело прижалось к телу Тревора, и на этот раз Тревор инициировал следующий шаг.

Поцелуй был медленным, чувственным, и он приоткрыл рот, чтобы встретить язык Марка. Тревор наклонил голову, чтобы углубить поцелуй, и Марк ответил с такой интенсивностью, что сбил бы ботинки Тревора, если бы он все еще был в них. Его пожирали, и он любил каждую секунду, хотел большего, всегда хотел. И сейчас ему было все равно, что это значит. Он просто хотел чувствовать.

Но Марк прервал поцелуй, гася огонь между ними, и отступил назад. Тревора обдало холодом из-за резкого прерывания горячего поцелоя, и он споткнулся, делая шаг вперед. Его грудь часто поднималась и опускалась, воздух небольшими порывами вырывался из легких, и его разум мчался, чтобы догнать то, что только что произошло.

Ухмылка растянула губы Марка.

— Сначала мы копаем, потом играем, — суховато сказал он. Марк подошел к комоду и вытащил футбольку и спортивные штаны, поворачивая голову в сторону Тревора, прежде чем бросить вещи.

Тревор замешкался, но каким-то образом сумел поймать одежду на груди.

— Грубо... Неудивительно, что у адвокатов такая плохая репутация.

* * *

После расчистки сугробов у въезда при помощи квадрацикла и лопат, Марк смог отогнать автомобиль с дороги. Обратно к дому Тревор поехал на квадрацикле, а Марк вел машину. Когда он заехал в гараж и заглушил двигатель, ему пришло в голову, что накануне сказала Кейт.

— Ты когда-нибудь лепил снеговика? — спросил Марк, когда выходил из машины.

Тревор посмотрел на него и улыбнулся.

— Каждый год.

— До сих пор? — он достал лопаты из задней части квадрацикла.

— До сих пор, — Тревор взял одну из лопат и последовал за ним, возвращая их на место в гараже. — Между моими братьями и сестрами, а теперь племянницами и племянниками соревнование, мы делимся на две команды, а потом пытаемся переплюнуть друг друга, у кого лучший снеговик. Мама с папой в роли судей, но почему-то это всегда заканчивается ничьей, — он подмигнул.

Непонятная боль проникла в грудь Марка. Это была ревность? Скорбь о потере чего-то, чего у него никогда не было?

— Звучит очень весело, — сказал он, стараясь сохранить ровный голос.

Однако он, должно быть, не очень преуспел в этом, потому что Тревор, прежде чем заговорить, секунду изучал его.

— Ты никогда не лепил снеговика?

Марк покачал головой.

— Я вырос в Аризоне, недалеко от Феникса. У нас там не так много снега.

— Жаль, что здесь снег слишком сухой, чтобы из него можно было лепить. Если мы добавим воду и лед...? — Тревор приподнял бровь.

— Нет-нет, — засмеялся Марк. — Мне не нужно делать что-то подобное.

Тревор ничего не сказал, просто стоял и смотрел на него, как будто пытался его разгадать. Синева его глаз была такой же глубокой и бесконечной, как зимнее небо над ними, но только от них исходило тепло, обволакивая тело Марка, просачиваясь внутрь, заполняя все пустые углы. Это была случайная встреча, которая должна была пережить лишь короткий момент времени, но то, что этот человек делал с ним...

— На самом деле, — сказал Марк, подойдя достаточно близко, чтобы вдохнуть возбуждающий аромат Тревора — свежий и бодрящий, как будто он каким-то образом разливал в бутылки солнце и горы — который направил тепло в пах Марка. — У меня есть идея получше, которая не связана со льдом и снегом и замораживанием наших задниц.

Они достаточно вспотели, пока расчищали снег у въезда на ранчо, чтобы оправдать желание раздеться и принять вместе душ, второй раз за этот день. Он потянулся к руке Тревора, и в его глазах промелькнули сомнения.

Тревор продолжал изучать его, и на секунду Марк подумал, что он не примет его предложение, но затем он сунул руку Марку. Кожа была прохладной, несмотря на то, что они были в огромных перчатках во время работы лопатой.

— Ты окончательно меня заедиши, — предупредил Тревор, но в его голосе была нотка предвкушения.

— Только самым лучшим образом, — выдохнул Марк, продолжая держать Тревора за руку, провел его внутрь, не останавливаясь, пока они не достигли ванной комнаты. Он наклонился, целуя и покусывая полные губы, к которым он уже так привык, и когда он приоткрыл рот, Тревор, не колеблясь, принял приглашение. Вкус Марка наполнял его желанием и мечтами. Мечтами, которые он откладывал, на которые у него не было времени.

Тревор откинулся назад, просовывая руки под футболку Марка и скользя по его телу, поднимая руки, чтобы снять мешающий кусок одежды, но, вдруг, ставшие такими горячими, ласкающие руки замерли на его коже.

— Я не могу поверить, как легко ты меня возбуждаешь, — сказал Тревор хриплым голосом, который дрожью прошелся вверх и вниз по спине Марка. — Такого никогда не было.

— Это чувство взаимно, — прошептал Марк, быстро помогая Тревору снять одежду, в то время как Тревор стягивал спортивные штаны Марка на пол. Затем рот Тревора снова обрушился на него. Поцелуй, покусывания, прикосновения зубов, скольжение языка внутри — горячий, страстный и требовательный — и не разрывая поцелуя, Марк подтолкнул Тревора в душ.

Наклонившись, чтобы включить воду, он целовал подбородок Тревора, верхнюю часть шеи, ключицу, поверх твердой грудной клетки. Они оба подпрыгнули от холодной воды из душа над ними, и, смеясь, Марк вытащил Тревора из-под льющегося на них потока, пока вода не прогрелась.

Марк скользил ладонями по плечам Тревора, по его крепким рукам, но два комочека под кожей его левого бицепса, который был обернут повязкой, привлекли внимание Марка. Его кожа вокруг комочеков была окружена чем-то похожим на следы от уколов.

— Что это такое?

Тревор напрягся, убирай руку назад, но Марк держал его, позволяя своим рукам скользить по рукам Тревора с такой нежностью, которую, надеялся, тот почувствует. Что бы это ни было, это не уменьшило того, как сильно он хотел этого человека.

— Прости, я не хотел вмешиваться. Просто любопытно, — Марк подошел ближе, переплетая их пальцы вместе, и нежно поцеловал Тревора.

— Нет, все в порядке. Это просто... — Тревор опустил глаза и пожал плечами, прежде чем снова встретиться с ним взглядом, выражение лица было нечитаемым. — Не о чем беспокоиться.

Марк кивнул. Это могло быть его собственное восприятие, окрашивающее ситуацию, но, если он не ошибся, он увидел вспышку страха в этих ярко-синих глазах. Что бы ни вызвало эти отметины, Тревор сказал бы ему, если бы захотел. Марк не давил, но какая-то часть его хотела, чтобы Тревор доверял ему настолько, чтобы захотел поговорить об этом.

— Вода теплая, — сказал Тревор, его голос дрожал. Он прошел мимо Марка, чтобы встать под душ и взять мыло.

Марк обнял Тревора за талию, притягивая к себе вплотную, прижимаясь грудью к спине, и поцеловал его в затылок. Тревор застонал и откинулся голову на плечо Марка.

— Такое приятное ощущение.

— Правда?

— Ты знаешь это.

Марк двигал бедрами, пока его член удобно не разместился между ягодицами Тревора. Тревор откинулся назад, одной рукой придерживая ягодицу Марка и притягивая его ближе, второй рукой направляя руку Марка вниз по животу к паху. Это было руководство, которое Марк с радостью принял. Правой рукой Марк обхватил яички Тревора, а левой начал ласкать его наливающийся член. Тревор пошевелился, меняя угол, чтобы сжать ноги вместе, и жесткий, ноющий член Марка оказался полностью в ловушке между ними, в идеальном, гладком захвате.

— Боже. Серьезно, — Марк застонал, сладкое давление, влажное и горячее трение его члена, с трудом заставляли его связно мыслить. — Почему мы раньше не встречались?

Почему мы не принимали души как сейчас, в течение многих лет?

Тревор ответил, повернув голову назад, чтобы захватить рот Марка в безумном поцелуе, и все, что Марк мог сделать, — крепко держаться. Ноги подкашивались, тело дрожало, кровь пела, пока они вместе в унисон качались. Синхронное движение и прерывистое дыхание увеличивались до тех пор, пока их переплетенные тела и голоса не достигли крещендо, соперничая с шумом горячей воды, бьющей по их еще более горячей коже.

Марк оставил след из поцелуев на плече Тревора, на шее, а затем втянул мочку уха к себе в рот.

— Самое лучшее Рождество на свете.

Тревор усмехнулся низко и глубоко, и это был один из самых эротических звуков, которые Марк когда-либо слышал. Он крепко обнял Тревора, притягивая как можно ближе, и положил подбородок на его плечо. Они стояли так на мгновение, прижатые телами друг к другу, и никто и никогда для Марка не чувствовался таким более подходящим.

Но он не был готов к такой «правде» в своей жизни.

— Давай, — Марк отпустил Тревора и, отступив,shalovliivo шлепнул Тревора по заднице. — Думаю, мы достаточно чистые для ужина.

Но после того, как они вытерлись и оделись, Тревор сел на край кровати, выглядя измученным. Марк был так взволнован идеей провести как можно больше времени с Тревором, что не хотел осознавать, как мало они спали прошлой ночью, и не заметил темных кругов под этими яркими глазами, которые теперь стали тусклыми и далекими.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил он.

Тревор дернулся назад, где бы он сейчас ни был, свет вернулся, но улыбка на его лице не совсем соответствовала его глазам.

— Да, — слишком быстро ответил он и покачал головой. Он издал вздох, который, казалось, был задержан слишком долго. — Честно говоря, я чувствую себя немного усталым.

— Почему бы тебе не вздремнуть, а я пока приготовлю для нас ужин? — Марк шагнул вперед и положил руку Тревору на плечо.

Тревор с сомнением посмотрел на него.

— Я думал, ты не готовишь?

— То, что я *не готовлю*, не значит, что я *не могу*, — подмигнул Марк. Он потянулся, чтобы приласкать щеку Тревора, даже не задумываясь об этом. Он убрал назад свою руку.

— Кроме того, ты завтра ответственный за Рождественский ужин.

— Окей, — Тревор улыбнулся. — Спасибо. Я собирался сделать курицу с клюковой, белым рисом и зеленой фасолью, но ты можешь приготовить еще что-нибудь, если хочешь.

— Нет, это звучит идеально.

Кивнув и улыбнувшись, Марк повернулся, чтобы собрать их мокрые полотенца и бросить в корзину в ванной. Когда он вернулся в спальню, Тревор уже заполз под одеяло и свернулся калачиком. Должно быть, он сильно устал, раз так быстро отключился. Марк

подошел и приподнял одеяло еще немнога, чувствуя необходимость поправить его под подбородком Тревора, а затем отступил. Он выглядел естественно в постели Марка. В доме Марка. Как будто он принадлежал этому месту. Все в Треворе казалось правильным.

Марк убрал прядь волос со лба Тревора и оставил его дремать. Ему пришлось встряхнуть все свои заржавевшие кулинарные навыки и посмотреть, сможет ли он приготовить еду, которой намеревался накормить Тревора, и не заставить человека бежать в горы.

Он *не* будет анализировать, почему это имеет для него такое значение.

Глава 11

Настойчивый утренний солнечный свет дразнил закрытые глаза Тревора, и за этим тут же последовала дезориентация. Вместо густого соснового леса, который обычно встречал его через окно спальни, его видение было наполнено величественным видом на белоснежные сельскохозяйственные угодья и бесконечное голубое небо. Он сел и оглядел большую комнату, от пола до потолка, и вспомнил, где он был. Вопреки здравому смыслу, он поехал домой к человеку, которого встретил, застряв в отеле во время метели.

И он проспал ужин, который этот мужчина готовил для него. *Черт.*

Он опустил ноги с кровати и оглянулся через плечо. Простыни на другой стороне были смяты. Мало того, что он проспал ужин и всю ночь, но Марк, видимо, спал рядом с ним, и он даже не пошевелился.

Со вздохом он приложил ухо к левому бицепсу, слушая волнение крови, когда она текла через точку доступа диализа фистулы в его руке. Все звучало в пределах нормы, что было хорошо, учитывая, что он напрочь забыл проверить вчера. Последнее, что ему сейчас было нужно, чтобы образовался тромб.

Поднявшись, чтобы взять свою сумку — где были десять различных лекарств, связующих веществ и витаминов — он заметил на прикроватной тумбочке тарелку с клубникой и сыром, украшенную веточкой свежей мяты. Его желудок урчал. Рядом с утренним перекусом стоял стакан воды, а также стакан апельсинового сока.

Проклятие. Почему Марк должен быть таким внимательным?

Снова сев на кровать, он взял апельсиновый сок, выбрав его вместо воды, и проглотил таблетки — калий, который он принимал всегда, пытаясь оставаться уравновешенным, был им отброшен. Потом он посмотрел на сыр. Как бы он не избегал этого, но он слишком любил сыр. Кроме того, почечный диетолог сказал, что его «следует» избегать, но не «всегда». Осталось всего пару маленьких кубиков. Небольшое отклонение не убьет его. По крайней мере, пока нет. И если, в конце концов, он решит прекратить диализ, он съест все и сразу, чего не мог себе позволить последние семь лет.

Когда он покончил с сырно-ягодной тарелкой, он натянул джинсы и футболку. Он собрал посуду и направился на кухню, и с каждым шагом его охватывало чувство предвкушения, которое начинало его раздражать. Ему не следовало приезжать сюда. Он был слишком увлечен Марком с самого начала, слишком наслаждался его компанией и вчерашним душем... Часть его понимала, что он был опасно близок к игнорированию своего положения и наслаждению тем, что Марк мог предложить. Он не мог этого допустить. То, что он должен делать, это схватить свою сумку и вернуться в отель, пока он не сможет вылететь или отправиться домой, если дорога вверх по каньону стала доступна.

Он завернул за угол и увидел Марка, сидящего за обеденным столом перед ноутбуком, папки с файлами и документами, были разложены рядом. Он поднял глаза, и улыбка, украшенная посланной волной тепла, хлынула по его венам и заструилась по коже Тревора. За которым тут же последовала холодная боль потери и невозможности желаний. Каким же жестоким может быть Бог, чтобы привести такого мужчину, как Марк,

в его жизнь, когда она подходит к концу?

— Ну наконец-то, — сказал Марк, вставая из-за стола и проходя через комнату. — Я хотел тебе дать еще полчаса, прежде чем пойти и удостовериться, что ты все еще жив.

— По крайней мере, сейчас я точно жив. Мне так жаль, что я вот так вырубился. Марк отмахнулся.

— Не беспокойся об этом. Очевидно, тебе это было нужно.

— Да, — сказал Тревор, поворачиваясь, чтобы поставить тарелку и стакан сока на столешницу. Сильные руки обвились вокруг его тела. Он знал, что не должен этого делать, но он не мог выйти из объятий Марка. Просто объятие. Простое человеческое прикосновение. Вот и все. Не должно было быть ничего большего. Он неохотно позволил Марку повернуть его, пока они не соприкоснулись.

— Марк... — он хотел напомнить ему, что это все лишнее, хотел отступить и оставить между ними безопасное пространство, но только тихий вздох пронесся мимо его губ, а затем рот Марка накрыл их. Он дышал этим человеком, все больше погружаясь в чувственный поцелуй, пытаясь остановиться, но в то же время жалея, что он не мог дать ему большего.

— Черт, ты такой вкусный, — прошептал Марк серьезным голосом, когда они разорвали поцелуй.

— Ягода. Даже зимой... — сказал Тревор, пытаясь не показать, насколько он был выбит из равновесия. — Кстати, спасибо за утренний перекус.

— Пожалуйста, — сказал Марк, еще сильнее прижимая к себе Тревора. Похоже, он не хотел его отпускать, и Тревор обнаружил, что он не в состоянии отстраниться, поскольку его эмоции взяли бразды правления над его мозгом. Он позволил своим рукам бродить по спине Марка, опускаясь вниз к изгибам его твердых ягодиц, чувствуя даже через ткань плотной рубашки его горячую кожу. Тревор не знал, кто из них начал первым, но они стали медленно раскачиваться там, где стояли — не совсем танец, но это было так приятно.

— Как насчет того, что я заставлю нас прерваться...

— Может, я приготовлю нам завтрак, — перебил Тревор и смущенно улыбнулся. — Так как я отключился и проспал ужин и всю ночь. А после мы будем развлекать себя, делая что-то с серьезной нехваткой праздничного настроения в этом доме, — всем, что могло бы занять их и не завести в спальню или душ.

Марк улыбнулся и снова поцеловал его.

— Звучит отлично.

Он сидел на другой стороне кухонного островка, поставив локти на столешницу и сложив руки под подбородком, пока Тревор собирал ингредиенты для омлета с овощами. Он отчаянно нуждался в отвлечении от представлений о том, чего не мог иметь, но, в любом случае, очень хотел.

Тревор наклонил голову к брошенному на столе ноутбуку, вытащил нож из стойки на столе и начал нарезать грибы.

— Пожалуйста, не говори мне, что ты работал в праздник?

Марк поднял руки, сдаваясь.

— Виноват, но теперь, когда ты проснулся, больше нет, — румянец окрасил его щеки. — И по правде говоря, я... эээ... Я пытался погуглить тебя, пока ты спал.

— Неудивительно, что я чувствую себя таким грязным, — сказал Тревор, стараясь, чтобы интонации голоса звучали легко и дразняще, когда сквозь него прошлась нежелательная волна восторга.

— Тьфу, — Марк опустил голову. — Прости. Это, наверно, прозвучало жутко.

— Нет! Нисколько, — засмеялся Тревор, отодвинул нарезанные грибы в сторону и взял зеленый перец. — Ну, немного. Но на самом деле я польщен.

Марк поднял голову. Когда их взгляды встретились, Тревор мог поклясться, что между ними вспыхнули искры.

— Я хотел увидеть твои работы.

— И ты нашел меня?

— В художественной галерее Боулдера есть только один художник по имени Тревор. Тревор Моррисон. Это же ты, да?

Тревор кивнул.

— Значит, да, — сказал он с улыбкой. — Твои работы удивительны.

Теперь Тревору настала очередь краснеть. Он повернулся, чтобы бросить грибы и перец в сковороду и принял за брокколи.

— Спасибо.

— Мне нравится, как ты используешь мастихин (*прим. мастихин — специальный инструмент, использующийся в масляной живописи для смешивания красок или нанесения густой краски на холст*) вместо кистей, и твой выбор ярких цветов завораживает. О, и настроение, которое вызвала у меня картина «Час одиночества»...

Тревор оглянулся, когда Марк замолчал. Он смотрел в окно, его взгляд снова был отдаленным, потерявшимся в каких-то своих мыслях, которые картина растревожила в нем. Тревор надеялся, что это хорошие мысли.

— Пустая скамейка на этой картине — это тихое место, чтобы сидеть и размышлять, искать ответы, приветствовать что-то новое в жизни, — сказал Тревор, вспоминая, каким молодым он был, когда он писал эту картину, как он чувствовал, что весь мир его ждет. Менее чем через год его почки начали отказывать. — Я сам сидел на той самой скамейке. Это прямо у входа в парк в Париже.

Марк встретил его взгляд, улыбнулся, но Тревор мог видеть, как колесики вращаются за этими глазами, растапливающими его сердце. Внезапно почувствовав себя на своем месте, Тревор вернулся к приготовлению завтрака, разбив яйца на сковороде и смешивая их с овощами. Он вздрогнул, когда руки обхватили его талию сзади, но затем, не задумываясь, прижался к теплому телу за спиной. Влажное дыхание на коже и поцелуй мягких губ щекотали затылок и шею.

— Ты прекрасный человек, — голос Марка был хриплым, едва слышимым, и в то же время кричал с такой явной тоской, что Тревор вынужден был схватиться за край стола, чтобы удержать себя в вертикальном положении. — Я рад, что встретил тебя, и для меня большая честь, что ты принял решение провести этот день со мной. Я знаю, мы договорились, что все будет так, как есть, но скажи, что у нас может быть больше, чем это.

Тревор закрыл глаза, крепко сжал их и сглотнул, пытаясь избавиться от кома, который образовался у него в горле. Часть его так сильно хотела сказать да — да, Господи, это он — но он никак не мог этого сделать.

— Я не могу... — его голос дрогнул. — Большего у нас быть не может. Прости.

Марк был неподвижен в течение долгого времени, его руки свободно обвились вокруг талии Тревора, а затем он кивнул.

— Я понимаю, — эти мягкие губы снова слегка прижались к шее Тревора, а затем Марк отпустил его и отступил назад. Тревор боролся с дрожью, которая от потери объятий Марка пробегала по его коже. Он поступал правильно и знал это, так почему же ему так плохо?

Глава 12

Марк ничего не замечая вокруг себя, пробирался сквозь глубокий, порошкообразный снег. Тревор шел рядом с ним. Их общение за завтраком все еще прокручивалось в голове Марка. Он не собирался просить большего, даже сам пока не понимая, чего хочет, но сейчас он жалел об этом. Да, он сказал Тревору, что он с ним на одной волне, что это было всего лишь на одну ночь, хотя, по веской причине, и продлено до нескольких дней. В

противном случае, Тревор сидел бы один в вестибюле отеля или на переполненных этажах аэропорта.

Он ничего не искал и ничего не хотел, но в течение двух дней его мир перевернулся. Он вдруг понял, что имела в виду Кейт, когда утверждала, что в жизни есть нечто большее, чем работа.

И Марк был абсолютно уверен, что и для Тревора все изменилось. Он сказал, что *не может* позволить этому перерости во что-то большее, но это не значит, что он этого *не хотел*. Все проявления были в языке его тела, в свете его глаз, в интонациях его голоса. Любой достойный адвоката мог это увидеть. Так что же удерживало Тревора? Что заставило его сказать, что большего и быть не может? Разве Тревор не говорил, что ты должен уделять время важным вещам?

— Вот! Она самая!

Вскрик вырвал Марка из размышлений, он оглянулся и увидел Тревора, указывающего на маленькую пондерозу (*прим. — желтая Орегонская сосна*). Крошечное дерево было не намного выше Чарли Брауна (*прим. герой ежедневного американского комикса «Мелочь пузатая»*), может быть, сантиметров девяносто высотой, с истонченными ветвями, но заразительный восторг Тревора сделал его самым красивым деревом, которое когда-либо видел Марк. Он не собирался рисковать приглушить его искорки, не соглашаясь с этим.

— Значит это, — сказал Марк, смеясь, пока Тревор тащился впереди него по снегу.

Марк догнал его и остановился рядом с Тревором, его дыхание вылетало облачками пара. Тревор встретил его глаза, улыбка растянулась от уха до уха, и он постучал лопатой пушистый снег и твердую землю.

Марк нахмурился.

— Скажи мне еще раз, почему мы просто не можем срубить его?

— Поймал и выпустил, — сказал Тревор серьезным голосом.

— Что? — засмеялся Марк. — Это тебе не рыба!

— Нет, но оно живое. Зачем убивать его ради удовольствия на несколько дней, когда можно пересадить и наслаждаться им всю оставшуюся жизнь? Через двадцать лет эта худенькая малышка будет ростом около десяти метров.

— Думаю, в этом есть смысл, — сказал Марк, загоняя лопату в землю с другой стороны.

— Что?

— Представляю, как художник обнимается с деревом, — дразнил Марк, не в силах удержать улыбку на лице.

Тревор, смеясь, швырнул в него полную лопату снега.

— Приступай к работе.

Марк отряхнулся, и они оба начали выкапывать дерево, как будто искали золото.

Освободив дерево от замерзшей земли, они положили его на огромную мешковину, которую Тревор нашел в гараже Марка, и потащили обратно в дом. Марк улыбался всю дорогу, и впервые за много лет, радость и удивление, чувства, которые, как он думал, потерял навсегда, пузырились внутри него. Он посмотрел на Тревора, который повернулся к нему с широкой улыбкой, и мир осветил еще одну грань. Он ничего не сказал и Тревор тоже. Момент не нуждался в словах, потому что эта грань была прямо там, в голубых глазах, как небо над головой.

Марк все еще улыбался, когда они притащили дерево в дом и посадили его в вазон возле камина в большой комнате с фронтальным видом на горы. Он разогнул спину и положил руки на бедра.

— Есть только одна проблема.

Стоя рядом с ним, Тревор отразил его позу.

— Что такое?

Марк посмотрел на своего гостя.

— У меня нет ничего, чтобы украсить ее.

Тревор толкнул плечом Марка.

— У тебя есть краска внизу. И у тебя есть попкорн и нитки, не так ли?

— Конечно.

— Тогда это именно то, с чего мы начнем, — Тревор поцеловал его в щеку, а затем игриво толкнул на кухню. — Ты включаешь музыку и запускаешь попкорн. Я подготовлю индейку и поставлю ее в духовку, а потом мы вместе украсим елку.

* * *

Это то, что он мог сделать для Марка. Это было не так много, и он, возможно, даже не догадается о мотивах Тревора, но это может быть та самая маленькая искорка, которая необходима Марку, чтобы он заново открыл свою страсть к творчеству.

Убедившись, что маленькая индейка будет готова к обеду через несколько часов, он отправился за своим блокнотом, графитом и цветными карандашами. Было бы легко сделать украшения из его припасов. Марк, вернувшись на кухню, набросал попкорн в миску, а рядом на стол положил маленький клубок из трехцветных ниток. Он отвел взгляд от своей работы и улыбнулся.

— Хочешь сделать это внизу? — спросил Тревор, и улыбка Марка сползла. — Твоя студия идеальная. Не нужно рисовать краской здесь на хорошей мебели, рискуя ее испачкать.

Марк не выглядел решительным. На самом деле, он выглядел совершенно растерянным.

— Что именно мы делаем?

— Украшаем твою елку.

— Елка находится здесь.

— Просто доверься мне, — усмехнулся Тревор и, кивнув головой, показал на лестницу. — Хватай попкорн и поехали.

Марк вздохнул, но не стал спорить. Принимая предложение, хотя ему явно не понравилась эта идея, он последовал за Тревором в заброшенную художественную студию. Беспокойство исходило от мужчины густыми волнами, и злость поднялась в груди Тревора, поражая его тем, как быстро и как сильно она вышла на поверхность. Он никогда не был тем, у кого был взрывной характер, но беспомощность в его собственной ситуации была сейчас проигнорирована, и, возможно, у него была причина для этого, которая не включала в себя вопросы «должен ли я прекратить диализ и когда?». В этот момент он направил всю свою бессильную ярость на мать Марка. Какой родитель вот так мог разрушить мечты родного сына, его душу? Или отвергнуть какую-то его часть по какой-то причине и заставить его чувствовать себя таким незначительным? У него в голове не укладывалось, как вообще человек может сделать что-то подобное.

Если бы мама Тревора могла усыновить Марка, она бы это сделала в одно мгновение. Она бы любила его, поощряла, следовала за каждой его мечтой и была бы рядом с ним всю дорогу. Непреодолимое желание забрать Марка домой, чтобы встретиться с мамой охватило его. Он попытался это свернуть.

Если бы только у него было время.

Но Марк никогда не встретится с его мамой. И он никогда не будет с ним больше, чем эти пару дней. Хуже того, теперь, когда он встретил этого мужчину, провел с ним время — он всегда будет знать, чего эти чертовы почки и его чертова группа крови стоили ему.

Тревор указал на кресла и стол в конце комнаты.

— Давай устроимся там, — сказал он, нуждаясь в том, чтобы уйти от темного пути, по которому шли его мысли, и сосредоточиться на том, чтобы вернуть Марка к радостям творчества. Даже если это было только для того, чтобы сделать рождественские

украшения.

Марк оставался спокойным, пока Тревор раскладывал свои художественные принадлежности и собирал акварели и акриловые краски с полок. За день до этого он не заметил, что за стеллажом была небольшая комната, оборудованная средствами для чистки краски, контейнерами для воды и различными палитрами. Он покачал головой, снова удивляясь, как он мог создать такую идеальную художественную студию, и никогда не входить в нее и не пользоваться ею.

Убедившись, что у них есть все необходимое, Тревор сел напротив Марка.

— Готов?

Но Марк явно не был готов. Он сидел и смотрел на Тревора, выражение его лица было таким ранимым, таким потерянным, что потребность наполнить все его пустые пространства светом, счастьем и причастностью стянула грудь Тревора.

— С чего бы ты хотел начать? — прошептал Тревор. Ему, определенно, нужен был выбор Марка, чтобы выманить душу художника из темницы, в которой он ее запер.

Марк посмотрел на стол, нахмурившись и скривив рот. Он протянул руку и провел дрожащим пальцем по ручке кисти, затем по графитовому карандашу, а затем по набору цветных карандашей, кончиками пальцев касаясь каждого цвета, как будто они держали секретные сообщения. Он вернулся к кистям для рисования и потрогал наконечник филберта (*прим. укороченная синтетическая кисть для рисования гуашью, акрилом*), держа ее в руке, как будто он только что обнаружил потерянное сокровище. Что, по мнению Тревора, он и сделал.

Тревор улыбнулся, когда их взгляды встретились.

— Давай рисовать. А потом мы будем нанизывать попкорн.

Марк кивнул, и они в дружеской тишине вместе начали рисовать праздничные узоры на бумаге из альбома Тревора. Первая попытка Марка была... абстракция. Мазки и брызги зеленого, красного, синего и умбры — это получилось красиво. Казалось, очень медленно, но все же настроение Марка поднималось. Он уже не хмурился, и на лице появился намек на улыбку. Он жевал нижнюю губу, когда сосредотачивался, и абстрактные рисунки превращались в крошечные зимние сцены. Последним был смеющийся снеговик — темно-синее небо и кружящийся снег вокруг пухлого снеговика с длинным морковным носом и шляпой, сдвинутой на бок и маргариткой в ленте. Марк откинулся на спину и засмеялся.

— Вот. Кейт будет в восторге, когда я скажу ей, что на самом деле сделал снеговика.

— Кто такая Кейт?

— Наш помощник юриста, — сказал Марк, не поднимая головы, полностью сосредоточившись на своем художественном проекте. Он добавил. — Друг с работы.

— О? — Тревор мягко подталкивал к большему, но, когда понял, что не получит историю в красках, он сказал. — Хорошо.

Но в тот момент это не имело значения. Марк выглядел так, будто нашел свой рай, его настроение теперь было веселым, что было именно тем, на что надеялся Тревор. Может быть, после того, как он уедет, Марк спустится сюда один и нанесет что-то на этот большой чистый холст, стоящий там, как слон посреди комнаты.

— Давай нанижем попкорн, пока все это сохнет, а затем сложим рисунки бантиками, — предложил Тревор. Он схватил клубок и разделил нитку на три части, отрезая и протягивая один конец Марку. Они продели нитку в две иголки, и у них получилось нанизывать попкорн от середины к концам нитки.

— Конечно, — сказал Марк, но его взгляд все еще был на снеговике. Тревор не мог понять, о чем думал Марк, но у него сложилось впечатление, что Марк захочет продолжать рисовать. Если он был прав, дверь была взломана, и Марк захочет открыть ее полностью. *Отлично.*

— Как ты развлекаешься? — спросил Тревор, хватая горсть попкорна.

Марк поднял удивленные глаза, встречаясь взглядом с Тревором, и сказал.

— Мне сейчас весело.

Тревор улыбнулся и толкнул Марка коленом.

— Мне тоже, но есть же что-то еще кроме работы?

Марк нахмурился и снова бросил взгляд на свое попкорновое задание.

— У меня нет времени на что-либо помимо работы.

— После того, как ты станешь партнером. Чем бы ты *хотел* заниматься в свободное время?

Марк пожал плечами. Он оглядел комнату, как будто увидел ее в первый раз.

— Может быть, я буду рисовать.

Музыка для ушей Тревора.

— Надеюсь, что да, — сказал он. — Но я бы не стал ждать. Не позволяй себе так углубляться в дела, хотя бы по чуть-чуть в день тратить на то, что заставит тебя улыбаться или удовлетворит твою душу.

— Говоришь, как настоящий художник, — сказал Марк и усмехнулся.

Нет. Говорю, как человек, знающий цену времени.

Глава 13

— Пойдем, насладимся елкой, — позвал Марк из гостиной, где он разводил огонь в каменном камине от пола до потолка.

Тревор закрыл дверцу посудомоечной машины, включил ее и еще раз осмотрелся на кухне. Марк сказал оставить уборку после ужина на потом, но его мама воспитала его лучше. Он не мог оставить кухню в беспорядке, но, в то же время, не позволил Марку помочь ему. Этот человек был достаточно любезен, предложив ему свой дом. Убедившись, что у него получился отличный Рождественский ужин — это меньшее, что он мог сделать, чтобы выразить свою благодарность.

Он направился к дивану, но в последнюю минуту решил сесть в одно из больших кожаных кресел, которые стояли рядом с ним. Не то, чтобы он не хотел делить диван с Марком, но он знал, что просто не должен этого делать. Даже после одного проведенного дня в этом месте, он чувствовал себя комфортно, как дома. *Ирония.*

Затопив камина, Марк повернулся, короткий хмурый взгляд изменил его красивое лицо, но он ничего не сказал, сел на диван в том месте, которое было ближе всего к креслу, где сидел Тревор.

— Елка получилась прекрасной, — сказал Марк мягким и глубоким голосом, пристально глядя на огонь. Тревор почувствовал вибрацию, как будто они сидели бок о бок.

После того, как они закончили нанизывать попкорн, они сложили свои рисунки в бантики, воткнули в них скрепки для бумаги и повесили на ветви. Это была полностью ручная работа, но именно это сделало ее самой красивой елкой, которую Тревор когда-либо видел.

— Не так уж и плохо для встречи Рождества, — сказал он, внезапно скучая по семье. Дети сделали бы что-то подобное, сделав свои собственные украшения и бусы из попкорна, и он был бы сейчас там с ними. Он ранее позвонил родителям, когда Марк принимал душ перед ужином, но это только усилило его тоску по дому.

— Спасибо, — сказал Марк далеким задумчивым голосом, который Тревор начал понимать, — тоскующим по тому, что-все-могло-быть иначе голосом.

— За что?

— За то, что забрел в тот вечер в отель. За то, что вчера приехал со мной домой. За сегодняшний день. Это было лучшее Рождество в моей жизни, — Марк посмотрел на него, свет от огня мерцал золотом в теплых глубинах его глаз. — Благодаря тебе.

Сердце Тревора затрепыхалось, а затем разбухло в груди, когда Марк стал

зарываться глубже внутрь, заполняя комнаты и занимая без разрешения для себя угол. Почему он должен был встретиться с Марком сейчас? Зачем ему вообще было с ним встречаться? Как будто предстоящие месяцы не будут достаточно трудными и без встречи с кем-то, с кем у него могла бы сложиться жизнь.

Марк наклонился на небольшом расстоянии между креслом и диваном, упираясь локтями в подлокотник кресла, и прижался ртом к губам Тревора. Тревор хотел сопротивляться, но внутри него было слишком много вещей — тоска, скорбь и желание. Губы Марка были словно огонь и дом, всем, о чем он когда-либо мечтал, и он сдался. Марк поднял руку и убаюкал затылок Тревора, углубляя и без того страстный поцелуй, и в этот момент он хотел представить, что здоров, что между ними может быть большее, что его мама все-таки сможет быть материю-жениха-на-высоких-каблуках.

Они целовались до тех пор, пока в легких не оставалось воздуха, и им пришлось разорвать поцелуй, чтобы не задохнуться. Реальность ворвалась обратно, как волна прилива, смывая короткую фантазию.

— Я сейчас скажу об этом еще раз, последний, — начал Марк, — я обещаю. Когда ты вернешься из Коннектикута, после того как навестишь свою семью, я хотел бы увидеть тебя снова, — его глаза были мечтательными и полными надежды, когда он посмотрел на Тревора. — Скажи, что ты этого тоже хочешь... пожалуйста.

Тревор разорвал взгляд и направил его на потрескивающий огонь. Он не мог разрушить это спокойное выражение лица. И надежда, которую он видел, нашла поддержку в его собственном сердце, но другого выбора не было.

— Марк, я...

Марк встал с дивана и опустился перед ним на колени, взяв одну из рук Тревора.

— Между нами что-то есть. Я чувствую, ты тоже должен это чувствовать. Это не может быть только в моей голове. Давай посмотрим, куда это нас приведет.

Тревор зажмурил глаза, его сердце болело о том, чего он хотел, но не мог себе позволить. В любом случае, ненадолго. Он заставил себя посмотреть Марку в глаза. Он должен был попытаться объяснить ему свою ситуацию.

— Марк, я не могу этого сделать.

Марк открыл рот, вдыхая воздух, но Тревор поднял свободную руку, чтобы задержать его.

— Пожалуйста, выслушай меня.

Марк кивнул и откинулся на пятки, но его хватка на руке Тревора усилилась.

— Я чувствую связь с тобой, и я чувствую, что у нас может быть что-то... но, если бы все было иначе... если бы время было на нашей стороне.

Марк наклонил голову.

— Я ничего не понимаю.

— Я... — он сделал глубокий вдох. *Лучше всего просто сорвать пластырь и выложить все карты.* — У меня конечная стадия заболевания почек. Я в очереди на трансплантацию и уже семь лет на диализе, но все еще жду.

Цвет сошел с лица Марка, адамово яблоко резко двигалось вверх и вниз, но он не отрывал глаз от лица Тревора.

— В наши дни люди могут долго жить на диализе, но около десяти лет все еще является нормой. Помнишь день, когда мы познакомились? В тот день утром я видел своего врача, и она сказала мне, что функция почек снова снизилась. Это значит, что у меня сейчас не много свободного времени, — из его груди вырвался глухой смех, и ему пришлось отвернуться. Он сосредоточился на огне, на том, как пламя танцевало и пело, поднимаясь все выше и выше. — Я уже жил на взятое в долг время, так как я начал диализ, но теперь похоже, что мой конец приближается. Если трансплантация не пройдет в ближайшее время, есть реальная вероятность, что я не доживу до следующего Рождества. Я не могу вступать в отношения, зная это. Это несправедливо по отношению ко всем. Особенно по отношению к тебе.

Он рискнул взглянуть на Марка, который так и не сдвинулся с места. Тревор не был уверен, моргал ли он вообще. Его пристальный взгляд был настолько напряженным и прозрачным, что Тревор мог практически видеть каждое слово, входящее в мозг Марка, и как он обрабатывал то, что ему только что сказали. Без сомнения, получая эту информацию, он тут же пытался найти способ это изменить, но не было никакого способа обойти это.

— Никто в вашей семье не может пожертвовать почку? — голос Марка был хриплым, как будто ему потребовалось много усилий, чтобы заговорить, и кусочек сердца Тревора оборвался, падая и болезненно царапаясь о его ребра.

Тревор покачал головой.

— Я усыновлен, помнишь? Никто из них не совпадает со мной.

— А как насчет твоих биологических родителей? Ты пытался их найти?

— Да, но ничего хорошего, — Тревору снова пришлось отвернуться. Боль, страх и решимость в глазах Марка были слишком сильными. — Мы нашли мою мать, но она была наркоманкой, которая заразилась ВИЧ, пользуясь грязными иглами. Даже если бы у нас было совпадение крови, она не была бы подходящим кандидатом. А моего отца никогда не было в списке, она даже не могла вспомнить, кто он, — он еще раз мысленно прошептал благодарность семье, которая приняла его и назвала своим.

Между ними воцарилась тишина, но Тревор чувствовал, как в голове Марка на огромной скорости крутятся колесики.

— У меня две отличные почки, — сказал Марк. Он кивнул, и решимость зажглась в его глазах. — Я хочу, чтобы одна была у тебя. Мы пойдем завтра, и я начну обследование.

Тревору сдавило грудь, он пытался сдержать слезы. Он не мог этого вынести. Улыбаясь сквозь слезы, он повернулся к Марку и погладил его лицо, его яркие глаза также сверкали непролитыми слезами.

— Мне приятно, что ты готов сделать это для меня, даже больше, чем я могу выразить словами, но...

— Пожалуйста, Тревор. Позвольте мне сделать это. Даже если между нами ничего не получится, мне нужно знать, что ты живешь. Счастливой, здоровой и полноценной жизнью, — Марк положил обе руки Тревору на колени и крепко сжал. — Пожалуйста, позволь мне спасти тебя, если смогу.

Тревор больше не мог сдерживаться. Слезы, с которыми он боролся, прорвались и прочертили влажные дорожки вниз по его щекам. Он отрицательно покачал головой.

— Это не так просто.

— Конечно, это так.

Тревор вдохнул. Он мог влюбиться в этого человека.

— Адвокат-идеалист. Так вот в чем дело?

— В этом нет ничего смешного.

— Нет. Нет, это не так, но скажи мне, какая у тебя группа крови?

— Ммм... — нахмурился Марк. — На самом деле, я не знаю.

Тревор поднял брови.

— Как ты можешь не знать?

Марк пожал плечами.

— Наверное, у меня никогда не было причин это выяснить, но я пройду тест. Завтра первым делом я найду лабораторию и проткну свой палец.

— Тут вот еще в чем дело, — Тревор накрыл руки Марка своими. — Я так долго был в списке ожидания трансплантата еще и потому что у меня очень редкая группа крови — первая отрицательная. Такая кровь у чуть больше шести процентов населения. Знаешь, что самое интересное? Несмотря на то, что моя группа крови делает меня универсальным донором, но я могу получать кровь и, следовательно, трансплантат только от кого-то, кто также с первой отрицательной кровью. У большинства людей она первая положительная или вторая положительная, поэтому шансы на то, что мы будем соответствовать,

невероятно малы.

— Но у меня тоже может быть первая отрицательная, — сказал Марк, с неприкрытой надеждой в голосе, душераздирающей, чтобы ее услышали. — Не сбрасывай меня со счетов, пока мы не убедимся.

Тревор покачал головой.

— Шансы у нас с тобой ноль отрицательных... У нас обоих больше шансов попасть под удар молнии.

— Поверить в это не могу, — сказал Марк с достаточной убежденностью, чем озадачил Тревора. — И не буду.

— Я не могу позволить себе надеяться, — тихо сказал он, желая, чтобы Марк его понял. — Даже если у нас совпадет кровь, это не значит, что мы совпадем тканями. И скажут, что мы не подходим друг другу? Тогда что? Мне повезет, если у меня останется еще год, в том положении, в котором я сейчас нахожусь, — он посмотрел на их соединенные руки, качая головой. — Нет. Надежду у меня отнимали уже много раз.

— А что, если мы совпадем?

— Мое тело может отторгнуть орган, и я вернусь туда, где и был. На диализ, но с еще меньшим временем. И, вероятно, с более высоким риском осложнений.

Марк протянул руку и зажал пальцами подбородок Тревора, нежно прося его посмотреть ему в глаза. Когда они встретились взглядами, сердце Тревора разбилось еще больше.

— Если мы не совпадем, значит не совпадем, — сказал Марк, низким и прерывающимся, но все еще командующим голосом. — Но это не должно мешать нам быть вместе. Разве один год полноценной жизни не дает шансов?

— Но на этом все и закончится. Разве ты не понимаешь, Марк? У нас *нет* такой возможности, — утверждал Тревор. — Пойми, это больше, чем каждый день просто наблюдать за моей диетой, больше, чем сидеть три часа подключенным к аппарату, которая очищает мою кровь каждые три или четыре дня всю оставшуюся часть моей жизни. Сколько бы мне ни осталось. Есть еще и качество жизни.

Тревор остановился и провел рукой по волосам. Он должен был объяснить Марку. Он заслуживал кого-то, кто мог бы дать ему все, с тем, у кого на самом деле была вся жизнь впереди.

— Я очень быстро устаю, вот почему мне нужно было вчера вздрогнуть. Мой желудок почти всегда беспокоит меня. Мое сексуальное влечение снижено — как тебе удалось меня так возбудить за последние пару дней, это что-то невероятное, и я никогда за последние годы не был таким активным, но это не продлится долго. В конце концов, ты будешь разочарован партнером, который не может полностью удовлетворить тебя в спальне или где-либо еще, — Тревор поднял руку, предвосхищая аргумент, который он видел в распахнутых глазах Марка. — Приступы депрессии заводят меня так далеко, что иногда я даже не могу покинуть свою кровать, не говоря уже о доме. Я не могу никуда поехать без предварительного планирования лечения в местных центрах диализа. Любая непредвиденная ситуация как выстрел из окна. Скоро мне, вероятно, придется увеличить лечение диализом, а затем... — его горло сжалось, и ему пришлось отвернуться, прежде чем он смог продолжить. — И потом я все равно умру, потому что моя кровь слишком редкая, чтобы найти хотя бы одного донора для трансплантации. Единственное, что у меня на горизонте, это осложнения, которые приходят с этой болезнью, которые в конечном итоге убьют меня, прежде чем мои почки окончательно откажут.

Но я прекращу диализ до того, как это произойдет.

— Но каждая минута каждого прожитого дня стоила бы того, — сказал Марк хриплым шепотом, а затем встал на колени и обнял Тревора.

Разум Тревора сопротивлялся, но его сердце не хотело бороться с объятиями. И именно тогда его сердце стало сильнее. Он хотел использовать этот момент для того, что это осталось прекрасным воспоминанием, которым он был одарен. Он обнял Марка,

отчаянно цеплялся за него, пытался прижаться поближе, спрятаться в его безопасной гавани.

— В другой жизни, — пробормотал он Марку в плечо, ткань рубашки под щекой Тревора становилась влажной от слез.

— Я не могу тебя отпустить, — сказал Марк. — Не тогда, когда я только встретил тебя, и у нас может быть гораздо больше.

— Пожалуйста. Больше никаких разговоров, — Тревор вырвался из объятий Марка и встал. — Это так — поэтому не может быть больше. Мне больше нечего тебе предложить.

Глава 14

— Вот тут ты ошибаешься. У тебя есть все, что ты можешь мне дать, — Марк встал на ноги и взял руку Тревора, прежде чем тот успел отвернуться.

Разве может этот мужчина, стоящий перед ним, умереть? Именно сейчас? Он не мог это принять. Конечно, Тревор вчера был довольно измотанным, но и Марк тоже устал после испытаний метели и ночи страсти. Но в остальном Тревор выглядел здоровым, как конь. И рассказывая ему о таком страшном диагнозе, он старался изо всех сил, чтобы сделать для Марка отличное Рождество... Нет. Марк сделает все, что в его силах, чтобы спасти человека, в котором он как никогда нуждался.

— Пойдем со мной. Пожалуйста, — Марк дернул его за руку, но Тревор удержался.

— Марк...

Он прервал его нежным поцелуем.

— Пожалуйста, — он должен был знать, прямо сейчас, убедить себя, что Тревор был живым и здоровым, и, если бы у него было какое-либо право голоса в этом вопросе, он остался бы таким. — Ты сам сказал больше никаких разговоров, так что позволь мне просто показать тебе.

Он повел Тревора в спальню и остановился у подножия кровати, повернувшись к нему лицом. Тревор кивнул и опустил руки, в его глазах отражался калейдоскоп эмоций — боль, печаль, тоска — его разум кружился за этими синими глубинами. Но под всем этим была страсть. Это было то, что Марк хотел прямо сейчас, чтобы все, о чем он думал, подняло на поверхность желание и полностью перенесло Тревора в ощущения и чистые эмоции — жизнь в ее чистом проявлении.

Он поцеловал еще одним сладким поцелуем бархатистые губы Тревора. Отрешенность парила в воздухе вокруг Тревора, когда Марк медленно начал расстегивать рубашку, как будто он был за невидимым барьером.

— Позволь мне любить тебя, — прошептал Марк в губы Тревора. — Прямо здесь, прямо сейчас. Позволь мне любить тебя.

Тревор закрыл глаза и застонал.

— Марк... — его голос был хриплым, рваным.

— Пожалуйста, — Марк снова поцеловал его, мягко, благоговейно, надеясь, что Тревор поймет слова, которые он, казалось, не в состоянии произнести.

Несколько секунд спустя всхлип Тревора сменился стоном, и он подался вперед к поцелую, пытаясь углубить его, но Марк отступил, смягчая его, пока Тревор не согласился. Он не собирался торопить события. Так же, как в первую ночь в отеле с Тревором — желание убедиться в том, что он отдал этому человеку все, что имел. Сейчас это имело значение больше, чем когда-либо, как будто это был его последний шанс испытать что-то волшебное. Что-то, что он никогда не найдет в своей жизни снова. Неважно, что говорил Тревор, если бы у них был только год вместе, это был бы год на всю жизнь.

С каждой освобожденной Марком пуговицей Тревор распалялся еще больше, но

Марк контролировал темп, пока их рты танцевали в чувственном танце. Он освободил последнюю пуговицу на рубашке Тревора и медленно стянул ткань с его подтянутых плеч. Он провел руками по гладким мышцам груди Тревора, его животу, бокам, по плечам, запоминая каждый сантиметр этого великолепного тела. Все это время он продолжал томно целовать, раздвигая и дразня языком губы Тревора, смакуя его вкус.

Его пальцы коснулись выпуклостей на бицепсе Тревора. Тревор напрягся, но не прервал их поцелуй.

— Это? — прошептал Марк.

— Прямой доступ к венам для диализа, — Тревор, казалось, задержал дыхание, его пристальный взгляд ловил взгляд Марка. Для чего, Марк не знал, но он не собирался останавливаться. Он вернулся к губам Тревора, пытаясь хоть как-то себя сдерживать.

Он снова прервал поцелуй и отошел, качая головой, когда Тревор попытался последовать за ним. От их пронзительных взглядов, воздух между ними искрился, как электрическая буря. Тем временем Марк медленно стянул рубашку через голову, позволяя ей небрежно упасть на пол. Он вернулся к Тревору, обхватывая одной рукой его спину, а другой голову. Прижимаясь кожей к коже, он снова набросился на губы Тревора, но на этот раз, когда он углубил поцелуй, Тревор ответил неконтролируемым огнем, с которым Марк боролся, чтобы продержаться еще немного. Он хотел, чтобы этот момент, эта ночь, это занятие любовью длились как можно дольше. Он хотел вдыхать, выдыхать и чувствовать. Упиваться им, завернуться в него, пока он не пропитает каждую пору и не станет частью его.

Он снова прервал поцелуй, на этот раз ему пришлось положить руку на середину груди Тревора, останавливая его. Его дыхание прерывалось короткими и неглубокими вздохами. Уверенный в том, что Тревор останется на месте, Марк увеличил расстояние, достаточное для того, чтобы расстегнуть штаны Тревора, удерживая его взгляд, молча говоря ему, что он никуда не денется и что никуда не отпустит Тревора тоже. Они получат больше чем год, потому что у Марка не будет другого выхода. Он не знал, сможет ли он стать донором, но, может быть, если он достаточно сильно захочет, умоляя вселенную, он найдет его.

— Останься, — сказал Марк, имея в виду оба значения.

Тревор покачал головой.

— Я не могу.

Штаны Тревора упали на пол, и Марк провел рукой по голому торсу и ниже пупка. Он улыбнулся резкому вдоху, когда обхватил возбужденный член Тревора и скользнул по его растущей длине. Ресницы Тревора трепетали, губы приоткрылись, но он не двигался, позволяя Марку командовать собой.

Другой рукой Марк расстегнул пуговицы на собственной ширинке и выскользнул из джинсов и нижнего белья. Выйдя из кучи денима и хлопка, он притянул к себе Тревора, соединяя их тела и наслаждаясь таким приятным контактом. На этот раз, когда он поцеловал Тревора, он не сдерживался. Он больше не мог. Сдержанность, которую он пытался сохранить, быстро заканчивалась. Тревор ответил с пылом, обхватив руками лицо Марка и повернув голову, чтобы еще больше углубить поцелуй.

Марк пошел назад, прижимая Тревора к себе, пока они не добрались до кровати.

— Останься, — прерывая поцелуй, снова прохрипел Марк.

— Не могу, — Тревор на четвереньках заполз на кровать. Он посмотрел через плечо на Марка, который стоял с краю, наблюдая за ним со страстью и желанием и более глубокими эмоциями, которые он не знал, как назвать. Вместо этого он впитывал вид перед собой: этот великолепный, щедрый человек, который вошел в его жизнь, либо по сценарию, либо по совпадению, и опрокинул его навзничь. У него никогда не было времени ни на что, кроме работы, но теперь он умолял бы любого в этом мире, кто мог бы услышать, чтобы ему дали возможность провести с Тревором все осталное время.

Тревор протянул за спиной руку, протягивая ее и приглашая. Марк забрался на

кровать позади Тревора, переплел их пальцы вместе и поднес руку Тревора к губам. Он целовал костяшки пальцев Тревора, повернул руку и поцеловал его ладонь, а затем втянул указательный палец в рот.

В глазах Тревора вспыхнул синий огонь, и он прошептал:

— Займись со мной любовью.

Тепло от этих слов распространилось по груди Марка, он кивнул, потому что слова, казалось, покинули его. Тревор улыбнулся и положил голову на подушку, одну руку — с доступом для диализа — вытянув вперед, как будто он сознательно держал ее в стороне, а другую оставляя под собой. Марк накрыл собой тело Тревора, руки скользили по твердым плечам и рукам. Он прижался поцелуем к его затылку, к лопаткам, затем сантиметр за сантиметром вниз по спине. Все ниже и ниже, пробуя, облизывая, любя...

Тревор вздрогнул и застонал, когда Марк скользнул языком по дырочке, покружила вокруг, начал погружаться внутрь, дразня и умоляя его раскрыться. Тело Марка дрожало, его кожа горела, его самообладание ломалось, и, возможно сейчас, он и Тревор могли создать свою собственную молнию. Тревор снова застонал и подался на язык Марка.

Марку нравилось то, как он заставлял тело этого мужчины петь от возбуждения и кричать в экстазе, но он никак не мог понять, как могло быть с Тревором все так окончательно непоправимо. В его голове не укладывалось, что все это может быть реальным. Через день или два Тревор поедет к своей семье, чтобы отпраздновать отложенный праздник, а потом он вернется, и они смогут начать с того места, на котором остановились.

На самом деле, ты его большие никогда не увидишь.

Марк подавил голос, который говорил ему то, что он прекрасно понимал, и, вероятно, было правдой, как бы он не отказывался в это поверить. Он обеими руками ласкал крепкие ягодицы Тревора, мял, раздвигал, нежил, растягивал пальцами и языком, пока приглушенные всхлипы и вздохи не сказали Марку, что Тревор был на грани мольбы.

— Готов, — простонал Тревор. — Марк. Я готов.

Слюннув на большой палец, Марк использовал его, чтобы растягивать дырочку Тревора, скользя туда-сюда, не желая отрываться от Тревора даже ни на секунду, чтобы наклониться к прикованной тумбе другой рукой. Но он все же, сделал это, достав одной рукой пакетик фольги и разрывая его, раскатал на себе латекс, а затем смазал свой болезненный от возбуждения член и дырочку Тревора прохладной смазкой. Он прижал член к входу и остановился.

— Останься.

— Боже, Марк, — заскулил Тревор, покачиваясь. — Пожалуйста.

— Да, — Марк крепко сжал бедра Тревора, проталкиваясь внутрь, растягивая, медленно погружаясь все глубже и глубже, пока все его тело не начало дрожать, внутри и снаружи, от того, как тело Тревора сжималось и расслаблялось вокруг его члена.

— Господи, Трев, — прорычал Марк. — Мне с тобой так хорошо.

Но если Тревор и отвечал, его слова не фиксировались в его мозгу, так как все внимание было сосредоточено на месте, где их тела соединялись, где они физически становились одним целым. Тревор всхлипывал, когда Марк отступал, полностью выходя из его тела, а затем удовлетворенно стонал, когда Марк глубоко толкался внутрь.

— Да. Еще. Глубже, сильнее, быстрее, — задыхался Тревор, захлебываясь, выкрикивал это снова и снова, и Марк никогда бы не сделал ничего из того, что могло бы разочаровать этого невероятного мужчину, стонущего и извивающегося под ним.

Он давал Тревору то, что ему было нужно, — входил и выходил, быстро и жестко — и мир исчез, когда Марк стал центром бури. Тревор был вращающейся массой энергии, электричества и огня, окружающей его, вращающейся все быстрее и быстрее, становящейся слишком большой, чтобы помещаться в кинетических облаках. Оргазм был мощным и ослепительным как удар молнии. Первый, второй, и еще раз. Пот скользил по

коже Марка, уши заложило, глаза закрылись, когда Тревор крепко сжал его. Они вместе рухнули на матрас, и Марк накрыл тело Тревора своим, как будто хотел стать щитом, защищающим Тревора от мира, от смерти, которая хотела так рано забрать его.

Буря прошла и оставила после себя два сброшенных на землю тела, обессиленных и дрожащих. Марк скатился с Тревора, обнял его и обвил своим телом. Тревор зарылся в объятия, врастая еще глубже под кожу Марка, и Марк знал, что этот идеальный момент насыщенного блаженства был тем, что он никогда не испытывал ни с кем другим.

Марк прижал свои губы ко лбу Тревора.

— Останься, — сказал он. — Пожалуйста.

Но Тревор уже погрузился в сон и не слышал его. Или слышал, но решил не отвечать. Прежде чем Марк смог просить еще раз, послеоргазменная дремота накрыла его, и он последовал за Тревором в сон, где не было ничего плохого с его здоровьем.

* * *

Не открывая глаз, Марк протянул руку на другую половину кровати, зная, что найдет пустое место, где должно было быть тело Тревора. Он оказался прав, но ничего не мог сделать, чтобы уменьшить горькое разочарование, которое ударило его ледяным кулаком. Он перевернулся на спину и уставился на сводчатый деревянный потолок, наблюдая за утренними лучами солнца в комнате. Не было никакого тепла в золотом свете, ничего, что могло бы заполнить тяжелую пустоту, которая висела в воздухе. Всегда ли будет так, как сейчас? Может сейчас он это чувствует потому, что блестящее дыхание жизни заполнило все его уголки?

Он прислушивался ко всем звукам, которые могли указать ему, что Тревор все еще там. Что прямо сейчас он был на кухне с приготовленным завтраком, ожидая, когда Марк проснеться. Но он знал, что это всего лишь принятие желаемого за действительное. Дом был так же безлюден, как и его сердце. Он сел и посмотрел на стул у окна, где еще вчера лежала сумка Тревора, но теперь это было всего лишь пустое место.

Тревор покинул его. Не попрощавшись.

Когда он уже больше не мог лежать в постели, он встал и автоматически выполнил весь утренний ритуал — душ, бритье, одевание. Он уже наполовину надел свой костюм, прежде чем вспомнил о том, что сегодня суббота, всего лишь следующий день после Рождества и офис будет закрыт до понедельника. Хотя это не редкость для него, чтобы отправиться в офис в выходные или даже праздничные дни, прямо сейчас он просто не мог думать об этом.

Поменяв костюм для работы на повседневные брюки и вязаный крупными косами свитер цвета пушечной бронзы (*прим. глубокий, черный цвет*), в соответствии его настроению — он прошел на кухню. Марк все еще надеялся, что повернет за угол и увидит там Тревора — яркие голубые глаза, мерцающие от восторга, и соблазнительная улыбка, обещающая все, что Марк игнорировал в своих поисках неоспоримого успеха — но разочарование от пустого пространства обрушилось на него.

Он заметил на островке тарелку с клубникой и кубиками сыра, а рядом стакан апельсинового сока. Увиденное заставило Марка улыбнуться, но в то же время усилило потерю, которая струилась по его венам. Как сон, из которого он не хотел выплывать. Чем быстрее возвращалось сознание, тем быстрее сон просачивался сквозь пальцы.

Только когда он полностью вошел в кухню, он заметил листок бумаги рядом с тарелкой. Одним пальцем он подтащил лист ближе к краю стола. Затем осторожно поднял его.

Марк,

Мне жаль уезжать вот так, но так будет лучше. Ты заслуживаешь цельного и здорового человека, того, кто может предложить тебе полноценную жизнь вместе. Этот человек — не я, но я хочу, чтобы ты знал, как я дорожу нашей встречей. С тобой у меня был один из лучших праздников в моей жизни. Ты подарил мне волшебство, которое я пронесу через столько дней, сколько мне осталось.

Я понял, что есть кое-что, что ты можешь сделать для меня, что-то, что сделает меня счастливее, даже больше, чем ты можешь себе представить. Будь честен перед самим собой. Следуй за своим сердцем и мечтами. Начни с того, что зайди в свою художественную студию и нарисуй что-нибудь на этом чистом холсте. Нарисуй что-нибудь для меня. Пожалуйста.

Всегда,

Тревор

P.S. Посади наше дерево.

Марк дрожащим пальцем провел по имени Тревора, но его зрение расплывалось. «*Наше дерево*». Рыдания вырвались у него. Пытаясь сесть на стул, он споткнулся об островок, и ему пришлось схватиться за столешницу, чтобы не упасть на пол.

Этого не может быть, не так ли? Нет. Этого не может быть. Он сказал Тревору, что не отпустит его, и, будь это огненный ад или вода, он сдержит свое слово.

Он встал и шагнул через комнату к буфету, где он положил свой ноутбук, когда расчищал стол для ужина прошлым вечером. Он задумался. Как мог этот человек прорваться сквозь его ограниченное поле зрения и за такой короткий промежуток времени так сильно повлиять на его жизнь?

Взяв ноутбук и мобильный телефон, он сначала искал в интернете местные медицинские лаборатории, но получал одно и то же сообщение после вызова каждого из них — закрыт на праздники.

Проклятие. Его плечи резко опустились. Что теперь?

Он посмотрел на свой телефон, как будто он каким-то образом мог дать ответы, которые он искал, и начал бессознательно прокручивать свой список контактов. Он сделал паузу, остановившись большим пальцем над именем матери, как делал это раньше бесчисленное количество раз. Только в этот раз все было по-другому. Она дала ему жизнь, обеспечила крышу над головой, одежду, еду и образование. Она исполнила свой родительский долг, и как только он достиг совершеннолетия, она, умыв руки, избавилась от него. Он провел всю свою жизнь, пытаясь стать тем, кем она могла бы гордиться, но где-то по пути он потерял из виду тот факт, что он никогда им не будет.

Ему потребовалась метель и встреча со случайным незнакомцем, чтобы понять, что он всю свою жизнь стремился к неправильной цели. И эта неправильное направление стоило ему много. Его мать ушла из его жизни навсегда — с того самого дня, как узнала, что он гей. Он просто не соответствовал ее действительности. Все те годы, что он потратил впустую, пытаясь быть достаточно хорошим для нее, он никогда не был достаточно хорошим для одного единственного человека, который все это время имел значение — самого себя. Пришло время ему сделать то, что он должен был сделать два десятилетия назад — тоже умыть руки. Он провел большим пальцем по ее номеру, открывая вкладку контакта, и с гораздо большей силой, чем было необходимо, нажал «удалить». Неожиданная волна облегчения и радости захлестнула его, забирая с собой всю тяжесть, которую, не осознавая, он носил слишком много лет.

Он бросил телефон на стол — даже это было приятно — и его взгляд снова упал на письмо Тревора. Облегчение от наконец-то сброшенного с плеч груза, которым была его мать, рассеялось, поскольку глубокое чувство потери заменило его. Тревору только что сказали, что он не переживет один год, но ему удалось показать Марку, сколько можно

испытать и сделать в жизни всего за несколько дней.

Расправив плечи назад, Марк выпрямил позвоночник и пошел к лестнице, ведущей в его художественную студию. Он замешкался на нижней ступеньке, рассматривая комнату. Она выглядела сейчас по-другому, как будто Тревор Моррисон оставил в ней небольшую часть себя. Взгляд Марка остановился на углу, где они сидели накануне, рисуя и смеясь. Все было просто идеально.

С новообретенной решимостью он прошел через комнату и открыл шкаф, чтобы вытащить складной столик. Он раздвинул ножки и поставил рядом с мольбертом, затем вернулся за красками, кистями и водой. Он хотел это сделать. Во всяком случае, ему казалось, это поможет каким-то странным образом приблизить его к Тревору.

Кисть в руке, желание в уме, огонь в сердце, и Марк сделал кистью первый мазок. Так начиналась его первая картина, когда ему было четырнадцать лет.

Глава 15

Каждый день давался Тревору с трудом. Два дня после Рождества, его утро началось с четырех часов обеспечения безопасности аэропорта, что почти привело к отмене его перебронированного рейса, и, прежде чем они были в воздухе, еще два часа ожидания, пока будет открыта единственная взлетно-посадочная полоса. Добавьте к этому стресс от того, что накануне пришлось сократить сеанс диализа, а затем провести еще одну ночь в отеле недалеко от аэропорта, размышляя о своем решении уйти от Марка. Ему потребовалось все, чтобы не вернуться, в надежде, что, может быть, на этот раз шансов будет больше, чем удар молнии, и их кровь и ткани совпадут. Он не мог отрицать, насколько сильно он чувствовал, что их с Марком души совпадали, но он слишком хорошо знал, насколько тонка эта надежда и насколько будет больно снова проиграть. Нет, уйти было правильным решением.

На самом ли деле это так?

Да. Да, это так.

Тогда почему ты продолжаешь сомневаться в себе?

Остановись!

Кто-нибудь воткните в него вилку. С ним все покончено.

Теплая рука на колене вернула его внимание к настоящему — обеду с семьей. Они уже отпраздновали Рождество с детьми, но запланировали для него второй праздник. Его племянницы и племянники даже перепаковали некоторые из своих подарков, чтобы они могли снова открыть их с дядей Тревором. Боже, он так любил свою семью.

— Ты в порядке, сынок?

Его горло сдавило, глаза щипало от вопроса и обеспокоенного выражения лица матери. Он положил руку на ее ладонь и сжал.

— Все хорошо. Просто устал. Это были долгие дни дороги домой, — он улыбнулся, надеясь, что это успокоит ее, что это было все, что на самом деле тревожило его. Она наблюдала за ним, хотя ее проницательный взгляд, вероятно, видел все, что он не хотел озвучивать. Пока. Затем кивнула и снова принялась за еду. Он пока не мог поднять эту тему. Не сегодня. Не тогда, когда все были в приподнятом настроении и наслаждались обществом друг друга.

Как только ужин закончился, Тревор извинился перед тем как уйти отдохнуть. Хотя это заняло почти полчаса, чтобы обнять всех его братьев и сестер, племянниц и племянников. К тому времени, как он, наконец, добрался до своей спальни, у него едва хватило сил переодеться в пижаму.

Он просто заполз под одеяло, когда в его дверь постучали. Он знал, кому принадлежала эта тихая просьба о разрешении войти. Его мама никогда не врывалась в его спальню — или в комнаты его братьев и сестер — без предварительного разрешения.

Это был один из многих небольших способов, которыми она научила их уважению и манерам собственным примером.

— Входи, мам, — сказал он, приподнимая подушки за спиной и садясь.

Дверь открылась, она заглянула в комнату и улыбнулась. Ее темные глаза мерцали беспокойством, когда она вошла и села рядом с ним на кровать.

— Ты что-то мне не договариваешь? — ее голос был мягким, но намек на испанский акцент оставался явным.

Тревор посмотрел ей в глаза, которые всегда были такими знающими, такими чуткими. Она была kleem, который связывал эту великолепную разношерстную семью. Семью, которую он никогда бы не променял на весь мир.

Вместо того, чтобы ответить ей вслух, он указал на дорожную сумку на полу.

— Там внутри есть карман на молнии.

Она подняла бровь, но ничего не сказала, затем встала, открыла карман и вытащила буклет, который доктор Уэйван дала ему перед Рождеством. Когда она прочитала название, ее плечи опустились, и она положила руку на грудь, как будто пыталась удержаться от обморока. Или чтобы ее сердце не выпрыгнуло наружу. Не глядя на него, она снова села на кровать и порыв воздуха, который, возможно, должен был быть словом, вырвался из ее легких.

Когда она, наконец, снова посмотрела на него, ее глаза были полны слез.

— Нет, *mí cariño* (прим. мой милый), — прошептала она.

— Я еще не принял решения. Доктор Уэйван сказала, что я могу еще подумать над этим, обсудить это с тобой, семьей, но у меня не так уж много времени. Функция почек снижается, и в скором времени даже диализ не поможет.

— О, Тревор, — она всхлипнула и бросилась к нему в объятия. — Я люблю тебя, мой милый.

Он крепко прижал ее к себе, ее маленькое, хрупкое, но очень сильное тело.

— Я тоже тебя люблю, мама.

— Мне так жаль, что я не могу спасти тебя от этого. Прости меня, сынок.

— Нет, мама. Нет... — он ослабил объятия, чтобы посмотреть ей в глаза, чтобы убедиться, что она слышит и понимает его. — Ничего подобного. Ты дала мне *все*. Лучшую жизнь, о которой я только мог мечтать.

Она провела рукой по его щеке и сквозь слезы улыбнулась.

— Ты такой хороший, сильный мальчик, — затем она посмотрела на буклет, скомканный в ее кулаке. Нахмурившись, она ослабила хватку и выпрямилась.

— Расскажешь мне об этом?

Следующие полчаса он рассказывал ей все, что говорила доктор Уэйван, что это только его выбор, и каким этот выбор ни будет, он требует уважения. Что он, скорее всего, проживет еще год без пересадки. Что вскоре бремя диализа станет слишком тяжелым, и одним из факторов станут осложнения, и если он прекратит лечение, то, скорее всего, проживет неделю, что вызвало у его мамы рыдания.

— Она сказала, что это на самом деле очень спокойная и безболезненная смерть, — сказал он, надеясь, что это может дать ей уверенность, если он решит прекратить диализ.

— Я просто буду очень сонным, и... Разве мы все не хотим спокойно уснуть, зная, что прожили хорошую, полноценную жизнь? Я не хочу быть подключенным к машинам, пытающимся выжить еще один день, который только причинит боль.

Она кивнула.

— Но ты ведь еще так молод. Ты еще так много не сделал на этой земле.

— Мне почти сорок, — мягко сказал он, пытаясь выдавить улыбку, которая казалась немного кривой. — Ты подарила мне прекрасную жизнь, потрясающую семью, где меня все безоговорочно любили. У меня было больше достижений и успехов, чем я мог себе представить, и я даже вдохновил несколько душ на этот путь. Чего еще можно желать?

— Любовь, — сказала она, и ее сердце, сшитое из кусочков, снова угрожало

разорваться на части.

— У меня есть любовь, которая мне нужна, — за исключением Марка. Тревору удалось удержать свой голос, но слова натирали его голосовые связки, как грубая наждачная бумага. Даже если Марк полюбит его, со стороны Тревора было бы эгоистично принять эту любовь, зная, что он сможет отвечать взаимностью только короткое время.

— Любовь мужчины, сынок. Человека твоего сердца.

Тревор покачал головой, пытаясь не думать о решении, которое он действительно не хотел использовать.

— Я не могу так с ним поступить.

Ее брови поднялись, и свет загорелся в ее темно-карих глазах.

— С ним?

Тревор вздохнул и провел рукой по волосам.

— Я кое-кого встретил.

Она повернулась, подтягивая одну ногу под себя, и села к нему лицом.

— Расскажи мне о нем.

Он улыбнулся, совершенно не в силах сдержаться, думая о прекрасном человеке, которого он случайно встретил, но от которого он был без ума, о его росте, темных волосах, невероятных зеленых глазах и самой заразительной улыбке, которую когда-либо видел.

— Он адвокат, но мне кажется, что он предпочел бы быть художником. Думаю, его семья была слишком строга с ним. У него не было той любви и поддержки, что есть у меня. И он остался один, мама. Он так одинок.

— Тогда ты должен дать ему дом. Мы дадим ему семью, — она кивнула, вопрос решился и зацепился в ее голове.

Тревор протянул ей руку.

— Он бы тебе понравился.

Марк был из тех людей, которых она брала под свое крыло и выполняла миссию, заставляя сиять, показывая ему, насколько он важен. Она была одним из тех людей, которые заставляли каждого человека, с которым она сталкивалась, чувствовать себя особенным, и он так хотел привести Марка к себе в дом, чтобы познакомить его с ней.

Если бы только моя жизнь не заканчивалась.

Он горько засмеялся.

— Парадокс, не правда ли? Что я в конечном итоге встречу кого-то, с кем я мог бы разделить будущее, именно в тот же день, когда мне говорят, как мало времени у меня на самом деле осталось.

— Может быть, у тебя больше времени, чем ты думаешь? Может, доктор ошибается.

— Мама...

— Неправильно родителям хоронить своего ребенка, — сказала она, ее голос звучал надтреснуто, как будто слова, которые она говорила, требовали больших усилий. — Но... Я не могу указывать тебе, что делать, сынок. Решение должно быть за тобой. Что бы это ни было, мы будем поддерживать каждый твой шаг. Прежде всего, я хочу, чтобы ты был здоров и счастлив. Если ты останешься только для того, чтобы сделать свою маму счастливой, это разобьет мое сердце, видеть, как ты страдаешь.

Она замолчала, выпустив свои слова, но они продолжали преследовать друг друга по кругу. Он наклонился, чтобы взять свой альбом из ящика прикроватной тумбы, и пролистал страницы. Он остановился на своем последнем наброске и повернулся альбомом к ней.

— Это он?

Он кивнул, его горло сжалось.

Она потянулась, позволив кончику пальца парить прямо над поверхностью листа.

— Он красивый мужчина, — она встретилась с Тревором взглядом, и он улыбнулся, со слезами в глазах, готовых в любую секунду выплеснуться. — Ты его рисовал?

Кивнув, он повернул альбом к себе, чтобы посмотреть на набросок. Перед тем, как уйти от Марка утром, он стоял и смотрел, как тот спит, запоминая каждый мускул, угол наклона каждой части тела, гладкую поверхность кожи, которая так приятно скользила под его руками. Он брал все это, все, что Марк давал ему чувствовать, и все, что он чувствовал к Марку, и воплотил это в жизнь на бумаге. Вытирая скатившуюся слезу со щеки, он закрыл альбом, пряча набросок, и вернул его в тумбу.

— Мама? — он набрался смелости задать ей вопрос, который мучил его с тех пор, как он впервые прочитал буклет, который дала ему доктор Уэйвен. — Как ты думаешь, прекращение диализа... — самоубийство?

— О, дорогой, — она обняла его, сильнее, чем могло ее хрупкое телосложение, и он прижался к ней, сворачиваясь калачиком. — Нет, остановка диализа — естественная смерть. Некоторые могут так думать, но твоя жизнь не принадлежит им.

Он кивнул, закрывая глаза.

— Я не хочу, чтобы ты думала, что я сдаюсь. Нет. Это просто... — он сглотнул мяч для гольфа, внезапно застрявшего в его горле. — Через несколько месяцев я больше не смогу претендовать на пересадку. Я не хочу прожить дни на аппаратах, накачанный наркотиками, чтобы притупить боль. Я не могу заставить тебя, папу и всех остальных пройти через это.

— Я знаю, cariño. Я знаю, — она убрала длинную челку с его глаз и прижала его голову к груди. — У нас будут лучшие в истории праздники. Мы будем любить, радоваться и смеяться, и, сколько останется, жить.

Глава 16

— Ты брал больничный. Все дни на прошлой неделе, — Кейт проследовала за ним в его кабинет, обвинительный тон в ее голосе заставил Марка стиснуть зубы.

— Очень проницательно, — огрызнулся он и сразу же пожалел об этом. Не только потому, что Тревор ушел на следующий день после Рождества — десять дней назад, не то чтобы он считал — сообщение об уходе дорогого Джона, внезапно заставившего Марка чувствовать себя неуправляемым (*прим. отсылка к книге и фильму «Дорогой Джон»*), не означало, что Кейт заслужила, чтобы на ней срывались. Злясь на себя, он сел за свой стол и развязал галстук.

— Не будь таким засранцем, — Кейт посмотрела на него, положив руки на бедра.
— Мыслями сегодня ты можешь даже не быть здесь. Но теперь ты проигрываешь дело?

— Это ничего не значит.

— Бред.

Хотел бы он ей рассказать? Да, это так. Кейт была единственным человеком в его жизни, кому он мог рассказать. Единственный, кому он мог позвонить как другу, несмотря на то, что они никогда не дружили дольше чем с девяти до пяти с понедельника по пятницу. Но кто в этом виноват?

Он.

— Пора положить этому конец, — сказала Кейт, воспринимая его молчание как отказ ввести ее в курс дела. — Что с тобой происходит? Сначала ты берешь отгулы, потом возвращаешься рассеянным и отстраненным, а теперь ты ведешь себя как капризный ребенок. И в зале суда сегодня днем... Я не знаю, кто был в твоем костюме, но это точно не Маркус Робертс, которого я знала все эти годы, — она наклонила голову, задумчивое выражение смягчило ее черты. — Если бы я не знала тебя лучше, я бы сказала, что у тебя разбито сердце.

Марк открыл рот от удивления, что ее догадка была частью того, чем он хотел с ней поделиться. Затем он быстро закрыл его. С чего бы начать? Он откинулся на спинку стула и уставился в потолок, потирая ладонью затылок.

— Я не смог слепить снеговика.

— Что?

— Ты оказалась права, — он посмотрел на нее, пытаясь улыбнуться, но усилия были тщетны. — В жизни есть нечто большее, чем работа и восхождение по карьерной лестнице, моменты, которые имеют большее значение, чем твое имя на табличке.

Кейт приподняла брови.

— У тебя разбито сердце, — она села в кресло по другую сторону его стола и наклонилась вперед. — Расскажи мне, что случилось.

Сначала он колебался, но быстро обнаружил, что слова вылетают из его рта быстрее, чем он этого хотел. Он рассказал ей о том, как застрял на трассе, встретился с Тревором в отеле и провел с ним ночь. О совместном проведении Рождества — «охоте» на елку, украшении, ужине. Он даже рассказал ей об удалении номера телефона своей матери раз и навсегда.

Чем больше он говорил, тем больше ему хотелось говорить, и он продолжал и продолжал, вплоть до того, как в понедельник нашел открытую после Рождества медицинскую лабораторию. Он вспомнил, как сильно надеялся, когда ехал в клинику. Он думал, что сможет что-то изменить, уже мечтая о том, что скажет, когда будет делиться с Тревором хорошими новостями. Только новости были не так хороши, как он ожидал.

— Я был таким дураком, — сказал он и посмотрел на свой стол, наблюдая за своим пальцем, который взад-вперед скользил по поверхности листа бумаги. Чувство неудачи не позволяло ему смотреть в глаза Кейт. — Я был *настолько* уверен, что буду соответствовать.

Прошла целая неделя с тех пор, как у него был результат анализа крови, но даже сейчас вес этого разочарования как пресс давил на него — замкнутый круг — будто он все еще был там, в офисе лаборанта, слыша результаты. Когда медсестра сказала ему, что у него вторая положительная, которая часто встречается, она коснулась его груди и вырвала его сердце голыми руками. Он не мог вспомнить, как в тот день ехал домой, или сколько часов он сидел в своем кресле в гостиной, глядя на фронтальный вид на горы и ничего не вида. Он подвел Тревора, и теперь человек, в котором он как никогда нуждался, навсегда исчезнет из его жизни.

— Но первая отрицательная вообще очень редкая группа, — напомнила ему Кейт, вытаскивая его из своих мыслей своим мягким, понимающим голосом. — Ваши шансы были слишком минимальными.

— Я знаю, но я все равно думал...

Что? Что его жизнь будет похожа на какой-то роман, и он волшебным образом станет «тем самым»? Конечно, он так думал.

Безумец.

— Ты думал, что ты рыцарь в сияющих доспехах и прискакешь верхом на своем большом белом коне, чтобы спасти его?

Именно.

Марк сглотнул.

— Что-то вроде того.

— Тебе не обязательно быть рыцарем, Марк.

— Отлично. Потому, что очевидно, что я ничего не могу сделать, — пробормотал он. Он не мог вспомнить, что когда-либо чувствовал себя настолько беспомощным. Даже когда ему пришлось уйти из дома и самому заботиться о себе, у него было твердое намерение доказать свою ценность. Но сейчас... никакая решимость в мире не изменит того факта, что его кровь не подходит. Все — успех, престиж и все богатство в мире ничего не значили, если он не мог их использовать, чтобы спасти жизнь Тревора.

— Я ничего не могу сделать, — отрезал он, — и я ненавижу себя за это.

Кейт нахмурилась, но он увидел, как колесики врачаются у нее в голове. Без сомнения, она под любым углом искала то, что он мог упустить, но это было совсем

другое дело, для которого она никогда не найдет проклятую часть доказательств за тринадцать часов.

Наверняка, прия к какому-то решению, она встала.

— Собирайся, — она подошла к вешалке и взяла свою куртку и перчатки. — Я угощу тебя выпивкой.

— В алкоголе тоже нет ответов, — сказал он, но все же вышел из-за своего стола и встретился с ней у двери своего офиса. Он не хотел возвращаться домой в пустой дом, в каждой комнате вспоминая присутствие Тревора, и совершенно точно, не сможет сосредоточиться на работе.

— Нет, — она протянула ему пальто. — Но именно там мы объединим усилия и придумаем план.

* * *

Десять минут спустя Кейт привела его в паб, располагающийся в нескольких кварталах от их офиса. Он никогда раньше за всю свою карьеру не был в этом заведении, отклоняя каждое предложение своих коллег выпить после работы. Теперь он не мог понять, почему. Неужели, час или два, разделяя выпивку и разговоры с людьми, помешали бы его шансу стать партнером в их фирме?

Интерьер паба был гостеприимным своим теплым освещением, удобно выглядящими креслами и стенами из обработанного дерева. Тихое пение Джека Джонсона плыло из динамиков, небольшие группы занимали столики и кабинки — рукава рубашек закатаны, галстуки ослаблены, волосы распущены. Большая часть людей была из корпоративного сектора района. Он узнал несколько человек из спортзала в своем офисном здании, но когда он последовал за Кейт к задней части помещения, он заметил одно единственное сходство между всеми людьми — каждый человек здесь явно расслаблялся в процессе общения, люди смеялись и выпивали. Теперь он понимал, как такая среда может помочь расслабиться после напряженного рабочего дня. Может теперь он будет соглашаться на приглашение Кейт. Возможно, он бы даже сделал ставку на то, что сам предложит это.

Она привела его к креслам, стоящим полукругом вокруг стола в современном кантри-стиле, где уже сидели несколько его коллег, общались и смеялись, попивая свои напитки. Все они за эти годы несколько раз приглашали его, и удивление отразилось на их лицах, когда они его увидели. Честно говоря, если бы все так не поменялось, он бы тоже был шокирован, увидев себя там.

— Погоди, — сказал помощник юриста Брайан, залезая в карман и вытаскивая очки. Он надел их и откинулся назад в удивлении, его глаза загорелись от радости. — Действительно ли это ты?

Джиллиан, адвокат, улыбнулась.

— У кого-нибудь есть переносной календарь? — спросила она. — Мы должны отметить этот день.

Другой адвокат за столом, Патрик, ничего не сказал, просто встал, дал Кейт пять и демонстративно вытащил кресло из-за соседнего стола, чтобы Марк мог присоединиться к ним.

Все засмеялись, и тепло распространилось по щекам Марка. Но такое приветствие согрело его так, как он себе даже не мог представить. Часть его хотела погрязнуть во всем том, что он потерял, но он не позволил этому взять верх. У него никогда не было ничего лучшего, чем знакомство с Тревором, память о прекрасном Рождестве, которое они разделили в следствии случайных обстоятельств, и этого должно быть достаточно. Тревор сказал ему жить, чтобы *найти* время для того, что действительно важно. Может быть, это было его новым началом.

Люди, с которыми он работал годами, были больше, чем просто коллеги. Они всегда

были — друзья, доверенные лица, люди, которые *хотели* его компании, потому что *он* им нравился таким, каким он был, — но он был настолько зашоренным, чтобы видеть это. Ему не нужно было быть самым успешным; ему не нужно было быть самым молодым партнером. Ему нужно было быть, всего лишь, самим собой.

Столько лет он потратил впустую.

Его захлестнула волна печали — холодной, гнетущей и угрожающей затянуть его под землю.

— Что сегодня пьешь, Марк? — спросил Патрик, возвращая Марка в настоящее.

Марк сел и потянулся за кошельком.

— Э... бренди.

— О нет! Предоставь это мне, — Патрик поднял руки, его улыбка достигла голубых глаз, которые напомнили Марку о Треворе. Еще один приступ тоски и боли ударил его настолько сильно, что мог сбить его с ног, если бы он все еще стоял.

— Спасибо, — сказал он.

— Я буду как обычно, — добавила Кейт, и, кивнув головой, Патрик отправился заказывать им напитки. Марк глянул через стол, чтобы увидеть две пары любопытных глаз, и его накрыла паника. Это было большой ошибкой.

Кейт положила руку ему на предплечье, и его сердце вновь забилось. Он встретил ее голубые глаза, не такие блестящие, как у Тревора. Он еле сдерживал стон. Почему вдруг ему показалось, что у всех, кого он знал, были голубые глаза, и как долго они неосознанно будут заставлять его думать о Треворе?

— Ты в порядке? — спросила она, достаточно тихо, чтобы ее не услышали люди за столом.

Пока нет.

— Все хорошо, — он заставил себя улыбнуться, но по морщинке на лбу Кейт он понял, что она не купилась.

— Я должна узнать, — начала Джиллиан, и, Господи, у нее тоже были голубые глаза. — Как Кейт удалось затащить тебя сюда, когда мы в течение стольких лет пытались, и нам это так и не удалось?

Он взглянул на Кейт и пожал плечами.

— Решил, что пришло время выпить.

— Ой, да ладно, — сказал Брайан с красивыми карими глазами. — Должно быть что-то большее, чем это.

К счастью, Патрик вернулся с напитками, прежде чем Марку пришлось бы ответить. Он оглядел всех сидящих за столом и поставил бренди перед собой и Марком, а перед Кейт — что-то похожее на ром с колой.

— Я что-то пропустил?

— Мы пытаемся выяснить, что есть у Кейт на Марка, что она доставила его сюда, — сказала Джиллиан, с ожиданием новых офисных сплетен в голосе.

Марк взглянул на Кейт, которая смотрела на него с вопросом в глазах. Она подняла бровь, и он кивнул головой в ответ. Она поблагодарила его теплой улыбкой, прежде чем обратиться к своим коллегам.

— Марк встретил кое-кого в ночь, когда была метель, — начала она, и Марк, сделав глоток бренди отключился, его глаза остановились на основании пустого стакана посередине стола. Он не хотел видеть чье-либо выражение лица, когда Кейт рассказывала его историю. Он не мог повторить это снова, и никто из них не мог ничего с этим поделать. Тем не менее, часть его испытывала странное облегчение от понимания, что теперь они знают, что происходит.

— Поэтому нам нужно решить, что мы можем сделать, чтобы помочь, — сказала Кейт, слух Марка оживился.

— Если вы не можете волшебным образом изменить свою группу крови, мы ничего не можем сделать, — сказал он.

Стол погрузился в тихие коллективные размышления, голоса звучали чуть тише хриплого, проникновенного голоса Рэя Ламондейна, который пел о «лучшем». Если бы кто-то мог найти хоть какой-то выход из этой ситуации, это была бы команда блестящих умов, но Марк уже пытался. Неоднократно.

Брайан щелкнул пальцами.

— Я придумал! — он наклонился вперед, и все последовали его примеру. — Мы организуем кампанию регистрации доноров. Мы с женой организовывали много подобных кампаний, а также у нас есть обязательства по сбору средств на различные пожертвования. Почему бы не сделать нечто подобное?

— Это отличная идея, — сказала Джиллиан. Патрик и Кейт кивнули в знак согласия.

Марк тоже должен был признать, что это хорошая идея, даже когда на него обрушилась новая волна вины. Он был так зациклен на своей неспособности помочь Тревору, но мысль активно искать кого-то, кто мог бы соответствовать, не посещала его.

— Такие мероприятия требуют большой подготовки и беготни, хотя, как я понимаю, осталось не так много времени, — сказал Патрик, глядя на Марка для подтверждения.

Марк откашлялся.

— Нет. Тревор сказал, что ему понадобится пересадка в течение нескольких месяцев, — он может позволить себе надеяться, что это сработает? Боже, как он этого хотел.

— Это означает, что нам нужно что-то такое, что может охватить много людей за короткий промежуток времени. Своего рода благотворительная акция, — заключил Патрик.

— Давайте организуем бесплатный концерт! — Кейт села прямо, игриво танцуя глазами. — Если я не найду более известного имени, моя группа сможет стать хэдлайнером (*прим. «гвоздь программы», наиболее ожидаемый участник представления, концерта*). Посмотрим, может у меня получится собрать еще несколько групп. Люди могут прийти послушать музыку, потанцевать, хорошо провести время, позволить проткнуть им палец и записаться в доноры, — она повернулась к Марку, ее улыбка была широкой и заразительной, и Марк почувствовал шевеление в груди, и темная завеса поднялась с его разума. — Если повезет, мы найдем донора для твоего мужчины.

Впервые с Рождества улыбка Марка была искренней. Был реальный шанс, что они смогут найти Тревору новую почку. Они должны это сделать.

— Спасибо, — сказал Марк, сглатывая ком в горле и устанавливая зрительный контакт с каждым из своих коллег по отдельности.

Кейт коснулась его руки и сжала ее.

— Мы найдем донора, — сказала она, и он искренне поверил ей.

Но...

Марк нахмурился.

— Подожди. Ты играешь в музыкальной группе?

Кейт посмотрела на него.

— Теперь ты понимаешь, что я имела в виду, Марк? Если бы ты когда-нибудь покидал свой офис или говорил о чем-то, кроме работы, ты бы это знал. Ты был бы в курсе, что Патрик имеет диплом мастера спорта по бейсболу.

Марк посмотрел на Патрика и поднял брови.

— Ты правда собирался стать профессионалом?

— Правда, — подхватил Патрик разговор. — Стать адвокатом было моим запасным вариантом после участия в Главной лиге бейсбола, но я повредил плечо, прежде чем это произошло. Теперь я тренирую женский софтбол (*прим. командная спортивная игра с мячом, разновидность бейсбола на площадке меньших размеров*).

— А Брайан — хардкорный спортсмен (*прим. человек-кремень, который имеет прочный внутренний стержень*), который участвовал в триатлоне Айронмен со своей женой (*прим. триатлон Айронмен — серия соревнований по триатлону на длинную*

дистанцию, проводимая Всемирной корпорацией триатлона), — продолжала Кейт. — И они оба победили! Ты бы знал, что Джиллиан — актриса театра и играет в арт-клубе Денвера. Она получила множество наград.

— Ты все пропустил, чувак, — сказал Брайан, качая головой, но одновременно улыбаясь. — Кейт — офигенная певица, и ее группа устраивает убийственное шоу. Мы все были на нем, чтобы увидеть их.

— И ты бы все это знал, если бы не был полностью увлечен работой, — с уверенностью сказала Кейт.

Марк прикусил губу, жар поднялся к щекам. Таким образом, он был наказан и не мог придумать, что на это ответить. Но что он мог сказать? Кейт была права. Все были правы.

— Чем ты занимаешься, кроме работы в офисе? — спросил Брайан. — Например, по выходным?

— Я, эмм... — пытаясь справиться с эмоциями, Марк на мгновение замолчал, но затем продолжил. — Хожу в спортзал.

Его ответ был встречен четырьмя парами поднятых бровей.

— А потом? — нажимал Брайан.

Марк откашлялся.

— Работаю над своими делами.

Кейт откинулась на спинку стула в классической позе «я-умываю-руки».

— Угу.

— Хорошо, хорошо. Я понял, — сказал Марк, поднимая руки, сдаваясь. — Я, действительно, позволил жизни пройти мимо себя.

— И что ты собираешься с этим делать? — спросила Кейт.

Он посмотрел на всех людей, сидящих за столом, его коллег, друзей, но, к сожалению, для того, чтобы понять то, что они все это время были рядом с ним, он был слишком занят. Все с ожиданием смотрели на него.

— Я думаю, организуем концерт, — сказал Марк.

Глава 17

— Можешь ли ты поверить в такую явку? — хлопая Марка по плечу, говорил Патрик, пытаясь перекричать громкую музыку.

Марк просканировал толпу зрителей в павильоне городского парка Денвера, где на маленькой сцене выступала группа Кейт.

— У меня были сомнения по поводу того, что у нас это получится.

Последние две недели были бурными. На следующий день после того, как они впятером провели мозговой штурм идеи создания регистра донорства органов, они начали воплощать свой план в жизнь. К счастью, поскольку это была глубокая зима, и многие события были отменены из-за повторяющихся метелей, павильон не пользовался большим спросом, и первая доступная дата для проведения мероприятия была намного раньше, чем они ожидали. Кейт потребовалось всего несколько дней, чтобы собрать пять групп в дополнение к своей. Привлечь представителей крупного центра донорства органов и лаборантов для сбора анализов крови тоже было легко. У них получилось все, что они запланировали. Марк разослал пресс-релизы местным новостям и радиостанциям, и они впятером оклеили район листовками и вместе обзвонили всех людей в их объединенном списке контактов. После этого они могли только надеяться, что люди придут. И что более важно, один из них станет героем, который спасет жизнь Тревору.

— Ну, это то, что сделала наша решительность, — сказал Патрик, ухмыляясь.

Марк усмехнулся.

— Хочешь золотую звезду? — шутил он, повышая голос, чтобы его услышали сквозь удары барабанов и вой гитары.

Патрик засмеялся и, качая головой, игриво ткнул Марка локтем в бок.

— Ты можешь принять мое предложение и присоединиться ко мне тренировать софтбол.

— Я все еще думаю, — Марк не мог не улыбнуться, по крайней мере, в этом случае. Патрик пригласил его помочь тренировать весной команду своих девочек по софтболу, хотя Марк понятия не имел, как играть в эту игру. Патрик обещал научить. — Но тебе, вероятно, придется взять надо мной шефство.

После сегодняшней кампании по созданию регистра доноров и после того, как он надеялся, они найдут подходящего донора для Тревора.

— Хорошо! — Патрик снова обратил все внимание на сцену.

Марк сделал глубокий, рваный вдох. Утрата и неудача непрерывно гудели в его венах, но обновленное стремление к цели, облегчение от приобретения новых дружеских отношений, удерживало его от сползания в депрессию. Он взглянул на Патрика. Он действительно упускал гораздо больше, чем только романтические отношения.

За последние пару недель он также стал лучшим другом для Джиллиан и Брайана. И Брайан, и его жена Грейс пытались убедить его попробовать свои силы в триатлоне Айронмен. Марк не мог представить себя участником гонки, которая по времени занимала от восьми до семнадцати часов, но, возможно, он попробует этим летом спринтерский триатлон на короткие дистанции. Джиллиан, с другой стороны, тонко пыталась заставить его пройти кастинг на предстоящую театральную постановку, но это было еще страшнее, чем триатлон Айронмен.

Все эти люди сплотились вокруг него именно тогда, когда он больше всего нуждался в поддержке — без вопросов или колебаний, без повестки дня или каких-либо условий. Они пригласили его в свою жизнь и ничего не требовали взамен, кроме его дружбы. Такова была жизнь, и он, наконец, ее получил. Единственное, чего не хватало, это Тревора.

Брайан материализовался из толпы, стратегически неся три дымящихся стаканчика с горячим шоколадом. Он остановился перед ними, протягивая напитки. Патрик осторожно взял один и передал его Марку, прежде чем забрать другой для себя.

— Спасибо, — сказал Марк, коротко отдавая честь и делая глоток.

Брайан кивнул, а затем присоединился к Марку и Патрику смотреть шоу.

— Тяжелый рок, не так ли? — сказал Брайан, качая головой под музыку.

— Да, — согласился Марк. Он не знал, чего ожидать, но Кейт и ее группа взорвали его с первой песни в их части концерта. Наблюдая за ней сейчас на сцене, он не мог поверить, что она была тем же самым человеком. На работе она была консервативной, застегнутой на все пуговицы профессионалом, но там, на сцене, одетая в черную кожаную куртку, майку, короткую черную юбку и трехпротекторные байкерские сапоги с серебряными пряжками по бокам, а ее темные волосы были распущены и развивались, она была шквалом энергии, с легкостью подчиняя себе аудиторию. Он сделал мысленную заметку, чтобы запомнить, что с этого момента он никогда не пропустит ни одного шоу. Он задавался вопросом, понравится ли Тревору ее музыка — мысль, которая привела к тому, что его внутренний кинотеатр сыграл предварительный просмотр. Тревор стоит прижатым спиной к груди Марка, руки Марка обвиваются вокруг его талии, а подбородок покойится на плече Тревора, и они двое покачиваются в такт музыки.

— Марк! Марк! — звук выкрикиваемого имени выдернул его из фантазий, и он повернулся, чтобы увидеть, как Грейс проталкивается к нему сквозь толпу.

— Иди скорее! — кричала она, и когда она достигла его, ее голос выбирал от волнения. Она схватила его за руку и потянула за собой. Он растерянно посмотрел на Брайана и Патрика, которые пожали плечами, а затем последовали за ним.

Грейс вывела его на улицу, провела через парковку к одному из двух мобильных лабораторий по сбору анализов крови, которые тут же тестировались и вносились в регистр. Они вчетвером ввалились внутрь, где спиной к двери, напротив лаборанта сидела

женщина.

— Встречайте — совпадение по крови с Тревором! — радостно объявила Грейс.

Глаза Марка расширились.

— С-совпадение? — секунду он ни о чем не мог думать, слова в его голове прыгали, как попкорн в аэродинамической трубе, его рот был открыт. Женщина повернулась и посмотрела на него теплыми темными глазами. Знакомые глаза.

Он хорошо помнил Марию Йохенс. Он пару лет назад представлял ее в суде по делу о противозаконных действиях.

— Миссис Йохенс? — сказал он, все еще пребывая в шоке.

— Пожалуйста, зовите меня Марией, — сказала она и встала перед ним.

Шум в его голове немного стих, чтобы что-то понимать, но речь все еще отставала на мгновение или два.

Они выиграли.

— Я... Мария...

Она улыбнулась.

— Когда я услышала об этом мероприятии и увидела, что это такое и кто организатор, я должна была прийти. Вы помогли мне вернуть мою жизнь, мистер Робертс. Если бы не вы, я бы потеряла все. Теперь моя очередь сделать кое-что для вас.

Марк бросился вперед и обнял ее. Она секунду казалась пораженной, но быстро преодолела замешательство и крепко обняла его в ответ.

— Марк, — пробормотал он ей в волосы, хриплым от волнения голосом. — Зовите меня просто Марк.

Она кивнула ему головой.

— Спасибо, Мария, — он задыхался от радости и восторга, взрывающихся у него внутри. Слезы туманили его зрение, угрожая пролиться по щекам, но ему было все равно. — Я никогда не смогу отблагодарить вас.

— Просто знайте, что я могу помочь вашему другу продолжать жить, больше, чем кто-либо другой из обследованных.

Им все равно необходимо было убедиться, что у Марии еще и совпадение тканей с Тревором, но первым большим достижением было найти соответствующую кровь. И они уже сделали это.

И, прежде чем его ноги окончательно не отказали, Марк отпустил Марию и упал, приземляясь на задницу в кресло возле стола, где брали кровь. Он уставился на своих друзей, стоявших в мобильной лаборатории рядом с ним, и дал волю слезам. *Его друзья*. Люди, которые не судили о его ценности на основе успеха, положения или статуса, но которые заботились о нем, потому что они просто любили *его*.

— Я не смог бы это сделать без вас, — Марк смотрел на окружающих его людей — Патрика, Брайана, Грейс, Джиллиан и Кейт, которые чуть позже присоединились к ним. И, конечно же, Марии. — Без каждого из вас.

— Мы сделали это вместе, — со слезами в глазах и улыбаясь, тихо сказала Кейт. — Это то, что должны делать друзья.

Он кивнул, вытирая рукавом рубашки мокрые щеки. Впервые за несколько недель мир вокруг него казался ярче, словно солнечный свет освещал его изнутри. Они были на полпути.

Теперь ему просто нужно найти Тревора.

Глава 18

Марк вздохнул, отключил звонок, не оставляя голосового сообщения, и уронил телефон на подушку рядом с собой. Если на первые полдюжины сообщений, которые он оставил, не было ответов, на этот тоже не будет. Он не смог найти ни номер телефона, ни адреса электронной почты Тревора, но ему все же удалось разыскать агента Тревора. Но это не принесло ни капли пользы хоть и прошло уже несколько дней.

Он откинулся на спинку дивана и уставился на единственную стену в гостиной, которая не была стеклянной от пола до потолка. Сейчас там, в центре, висел красочный элемент — оригинал картины Тревора «Час одиночества». Рождественским утром, пока Тревор еще спал, Марк наткнулся на картину в галерее искусств Боулдера во время своего гугл-квеста. Он рассказал Тревору, как сильно его поразила эта картина, но не поделился с ним тем, что напрямую написал в галерею, выражая заинтересованность в покупке картины. С момента ее приобретения, он провел бесчисленные часы, сидя прямо здесь, на диване, погружаясь в картину, представляя, как они двое сидят на этой самой скамейке, взявшись за руки, Тревор смотрит на него, улыбаясь своими очаровательными голубыми глазами...

Марк оторвал взгляд от картины, схватил ноутбук и положил его на колени. Он открыл браузер, набрал в поисковой строке «Тревор Моррисон, художник» и нажал «Enter». В действительности, он не был уверен, что надеялся найти на этот раз — он уже искал, набирая миллион разных способов, но чувство тревоги, что время истекает, становилось сильнее с каждой минутой. Он должен был связаться с Тревором. Независимо от того, будут ли они вместе в будущем, у Тревора все еще может быть *его* будущее.

Прокручивая список ссылок на сайты, которые он посещал так часто, что мог читать их по памяти, он почти пропустил новую. Он выпрямился и щелкнул по ссылке, его пульс бился в ушах, как бас-барабан. В разделе «предстоящие события» в галерее изобразительных искусств Флэтайрон (*прим. название в честь скальных образований в западной части Соединенных Штатов, недалеко от Боулдера*) было объявлено о новой и последней выставке Тревора под названием «Последний час».

— Последний? — волна страха мурашками пробежала по его коже. Он просмотрел объявление еще раз, медленнее, так как был слишком взвинчен, чтобы внимательно прочитать его. Все, что имело для него значение, это дата открытия — в следующую пятницу вечером — и то, что Тревор будет присутствовать. Как и Марк.

* * *

К черту эти нервы! Спустя три дня, Марк стоял перед центральными дверями, ведущими в галерею изобразительных искусств Флэтайрон, дергая галстук, запонки, волосы... делая все, что угодно, лишь бы оттянуть время и не заходить внутрь. Даже холодный ночной воздух, наполненный танцующим снегом, не мог пробить его нервы или протолкнуть через двери.

Тревор уже однажды отверг его, но тогда все было по-другому. Речь шла не о том, чтобы просить Тревора дать им шанс быть вместе, а о том, чтобы дать Тревору шанс жить, независимо от того, будут ли они вместе или нет.

С глубоким вдохом и долгим медленным выдохом, он встряхнул руки и открыл дверь. В галерее, наряду с низким шумом приглушенных голосов, звучал легкий джаз. Он просканировал толпу, но не увидел Тревора. Может, его там еще не было. Или, может быть, он был и просто на время вышел.

Боже, надо собраться.

Проходя глубже в галерею, взгляд Марка остановился на большой картине,

предположительно, около двух метров в ширину, в дальнем конце огромного зала. Она занимала центральное место на стене и висела одна. Картина привлекла его внимание по двум причинам. Во-первых, потому что была написана не в обычном блестящем и смелом импрессионистическом стиле Тревора, а в реалистическом, а во-вторых, он узнал модель. Это был он.

Он обнаружил, что стоит перед картиной, не понимая даже, как прошел через весь зал, как будто его тянуло к ней какой-то невообразимой силой. Он сразу же узнал сцену из их первой ночи, которую он и Тревор провели вместе в гостиничном номере. Первой ночи, когда они занимались любовью. Марк знал, что с самого начала все было правильным. Это никогда не было просто временной связью.

Он не мог пошевелиться.

Эмоций было больше, чем он мог идентифицировать, больше, чем он мог сдержать, они накрывали его, дергая и сжимая его плоть и кости, сердце и душу. Тревор сделал это. Какой-то момент Марк даже не мог подобрать правильных слов, чтобы описать то, что он чувствовал. Он мог только молча смотреть.

На картине была изображена затемненная комната, освещенная только уличными фонарями. Полоска света расположилась на кровати рядом с обнаженным телом Марка. Кремовые простыни были задрапированы на талии мягкими складками, а его лицо скрыто в тени. По большей части. Любой, кто видел его и, кто смотрел на картину достаточно близко, могли понять, что это он. Он видел, как в ту ночь в темноте Тревор рисовал, прежде чем он признался в тех вещах, которые он не озвучивал десятилетиями.

— Время, — сказал Тревор, когда Марк спросил, что он рисует. Марк только сейчас понял, что он имел в виду.

Боже, ему нужно было увидеть Тревора.

На периферии сбоку Марк заметил человека, стоящего рядом с ним. Он пытался игнорировать, кто бы это ни был, но человек не двигался, что только увеличивало его осознание и дискомфорт. Он бросил быстрый взгляд и увидел рядом с ним пожилую испанку, на полголовы ниже Марка, наблюдавшую и изучающую его. Она узнала его как модель? Женщина перевела взгляд на картину, а затем вернулась к нему. Она улыбнулась, и он не мог удержаться от мысли, что это была грустная улыбка, или, может быть, это была печаль, скрывающаяся в глубине ее темно-карих глаз — глаз, которые, как он чувствовал, всегда искрились.

Она повернулась, снова рассматривая картину.

— Он заставил меня пообещать, что эта картина не будет продана... после.

Ее слова звучали странно... Затем его сердце затрепыхалось, и во рту пронеслась пыльная буря. Его горло было настолько сухим, что он едва мог выдавать слова.

— После чего?

На этот раз ее улыбка определенно была печальной, а подбородок слегка дрожал. Даже не представившись должным образом, он не сомневался, кто эта женщина. Он не знал, как, но он не мог быть более уверен ни в чем в своей жизни, как в этом.

— Вы ведь его мать.

Она кивнула.

— Он хочет, чтобы эта картина была у тебя, — ее глаза начали слезиться, но спина и плечи расправились, и ее осанка рассказала ему все, что ему нужно было знать об этой женщине. Она была сильной и столкнется с чем угодно, что жизнь, с изяществом, бросит ей в лоб.

— Он... — слова путались на его языке, и ему пришло глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть, качая головой. Это было бессмысленно. — Я ничего не понимаю.

— Это его последняя выставка. Его последние картины, — она обвела взглядом галерею, но он не был уверен, что она действительно видела работы Тревора перед собой. Ее взгляд был невидящим и отстраненным, а затем ее глаза остановились на нем.

Трепет просочился в его грудь.

— Мне нужно его увидеть, — умолял Марк.

— Он вышел на террасу подышать свежим воздухом, — она потянулась к нему и нежно взяла его за локоть. — Пойдем со мной.

* * *

Тревор задрал воротник куртки повыше, прячась от холода. Он должен был надеть шапку, но ему срочно нужно было выйти из галереи. Он получил невероятные отзывы на портрет Марка, чего он и хотел, но воспоминания, переполнявшие его мысли, становились слишком тяжелыми. Сожаление о том, что могло бы быть, если бы не его ограниченное время, делало невозможным сохранять лицо. Никто больше не последует за ним, потому что было слишком холодно, и ему нужно несколько минут уединения, чтобы прийти в себя.

— Тревор, — тихо позвала его мама сзади. Он закрыл глаза и сделал вдох. Он еще не был готов вернуться, но был вечер открытия, и он не мог долго прятаться от своих почитателей.

— Я буду через минуту, — сказал он, его дыхание вырвалось в морозный воздух и разметало крупные снежинки, которые плавно падали с небес.

— Кое-кто хочет тебя видеть.

Он вздохнул. Ему не хотелось сейчас ни с кем разговаривать, поэтому он и пришел сюда. Но даже не хотел выяснить, кого она привела с собой, хотя это было очень грубо.

Сунув руки в карманы, он повернулся и на полпути застыл. Стоя рядом с матерью, выглядя так же трогательно и великолепно, как в первый раз, когда он зацепился за него взглядом, стоял мужчина, которого он никогда не ожидал увидеть снова. Его сердце увеличилось в груди, вечернее небо стало ярче, и все его тело вдруг стало легким. В тот момент он полностью понял фразу: «ангелы поют».

— Марк.

Его мама отпустила локоть Марка и подошла к нему. Она прижала ладонь к его щеке, а другую руку положила ему на грудь.

— Он великолепный мужчина. Пусть он принесет тебе радость.

— Мама, — сказал он, вливая в свой шепот предупреждение и мольбу. Он бросил быстрый взгляд на Марка, и когда он оглянулся на маму, ее глаза сияли надеждой. То, что Марк был здесь, что она встретила его, ничего не изменит. — Ты же знаешь, почему я не могу.

— Клянусь, я не знаю, откуда у тебя все это упрямство, — она втянула воздух и провела руками по блузке, разглаживая ее. — Похоже, он отчаянно хочет поговорить с тобой, так что послушай его, сынок. Сделаешь это для меня?

Когда он кивнул, она повернулась к Марку, взяла его руки в свои и сказала что-то очень тихо, чтобы Тревор не смог это услышать. Марк в ответ наклонил голову, но его взгляд не отрывался от Тревора. Быстро взглянув через плечо, улыбаясь, его мама проскользнула в дверь и оставила Тревора наедине с Марком на заснеженной террасе.

Перенося вес с ноги на ногу, Тревор провел рукой по волосам, не зная, что сказать, какие подобрать слова. Он уже говорил Марку, почему не может быть с ним, и это было правдой, а сейчас еще больше, чем когда-либо. Он только отлежал неделю в больнице из-за осложнений в его состоянии. Это не настолько было серьезным, так как осложнения появлялись, они и должны быть, а дальше их будет еще больше — и они будут еще серьезнее. Он принял свое решение.

Но сейчас он смотрел на Марка... Почему этот человек пришел сюда? Он просто хотел все усложнить. Именно то, чего Тревор не хотел и надеялся избежать.

— Боже, я так скучал по тебе, — сказал Марк, его голос был низким и хриплым, и в груди Тревора все сжалось.

Он закрыл глаза.

— Не надо, — он до сих пор не осознавал, как сильно скучал по Марку. Как, черт возьми, он собирается осуществить свои планы сейчас? Он знал, что, увидев Марка снова, это разобьет его так, как никогда не смогут сделать его почки.

— Тревор, — теплый выдох дуновением прошелся по его холодной щеке, и он открыл глаза. Марк стоял прямо перед ним, и он даже не слышал движения. — Почему ты меня бросил?

Тревор сглотнул.

— Мне пришлось, — его взгляд остановился на пленительном зеленом взгляде Марка. Такой напряженный, полный надежд и желаний, всего, чего он когда-либо хотел. — Если бы я этого не сделал, я бы не нашел достаточно сил, чтобы не стать эгоистом.

— Как, черт возьми, стать эгоистом?

— Потому что я умираю, Марк, — Тревор умолял его понять. Все, что было между ними, было обречено. — Это пик эгоизма и жестокости, чтобы начинать что-то, зная, что я всего лишь пытаюсь урвать момент. Я не хочу причинять тебе боль.

— Но ты и не можешь этого сделать, — Марк подошел ближе, протянул руку и провел ладонью вверх и вниз по руке Тревора. Его кожу покалывало.

— Ты не можешь этого знать.

— Я могу, — другая рука Марка опустилась на бедро Тревора, и от места прикосновения растеклось тепло — вниз, в пах, и вверх, в живот и грудь. — Я же говорил тебе, что пройду тестирование, и я это сделал.

Челость Тревора отвисла, а глаза стали огромные как блюдца. После всех этих лет молитв, после всех разочарований... Может ли это действительно случиться...?

Рука Марка опустилась на затылок, большой палец ласкал челость Тревора, и все это время зеленые глаза держали его в пленау.

— У меня вторая положительная, — прошептал Марк, и сердце Тревора упало.

— Марк...

— Но... — Марк подошел еще ближе, выталкивая холод из маленького пространства между их телами. Снежинка приземлилась на длинные ресницы Марка, зацепившись на секунду, прежде чем упасть и исчезнуть в крошечной капельке на его покрасневшей от мороза щеке. — С помощью друзей мы нашли совпадение крови. Но не только это..., этот человек хочет пожертвовать для тебя почку.

— Я... — Тревор захлопнул свой рот на замок. *Что только что сказал Марк?* Он услышал слова, но их обработка была похожа на попытку протолкнуть старую, ржавую газонокосилку через сенокосное поле. Семь лет он ждал, чтобы услышать эти слова. Семь лет надежды и оптимизма, которые постепенно угасли. Семь лет, и человек, которого он встретил всего месяц назад, совершенно случайно, нашел единственное, что могло спасти его жизнь.

— Я не знаю, сможем ли мы, — продолжил Марк. — Я готов подняться на небеса и вернуться обратно, чтобы у нас все получилось. Я бы свернул горы ради тебя, Тревор. Но что бы не случилось или не случится с нами, больше всего я хочу знать, что ты живешь, смеешься и любишь, и с удовольствием рисуешь мир. Главное, что ты будешь жив.

Глаза Тревора защипало, и сердце радостно забилось в его наполненной эмоциями груди. Он поднес руку к щеке Марка, и Марк наклонился к нему, его глаза на мгновение закрылись, как будто он слишком долго смотрел на Тревора, боясь упустить его из вида, а затем Марк поцеловал его ладонь.

Тревор не хотел ничего, кроме как упасть в объятия Марка, поддаваться своим эгоистичным желаниям, но...

— Нет гарантии, что мы будем совпадать по тканям.

— Я знаю. У них есть образец, ожидающий тебя.

— Даже если донор и я совпадаем по тканям...

— Мария.

— Что?

— Ее зовут Мария. Я представлял ее дело в суде несколько лет назад.
Тревор покачал головой и повторил.

— Даже если у нас с Марией совпадение тканей, это не значит, что мое тело примет ее почку. Организм может отвергнуть ее, и тогда я вернусь туда, где был — вероятно, даже будет еще хуже — и совсем без шансов.

— Девяносто семь процентов трансплантированных почек начинают работать через месяц.

— Итак. Ты провел исследование, — сказал Тревор, впечатленный и тронутый тем, что Марк проявил такую инициативу. — А как насчет семнадцати процентов, когда почки выходят из строя через три года? Даже если трансплантация пройдет хорошо, я все равно, во избежание отторжения, буду на препаратах всю оставшуюся жизнь. Я...

— Прекрати, — рявкнул Марк, останавливая спор. Он поднял руку, открывая пространство между ними, и Тревор задрожал от холода, который нырнулся, заполняя его. — Все, что я сейчас слышу, — это отговорки. А что, если что-то пойдет не так, а что, если станет плохо. Как насчет того, а что, *если это сработает?* Как насчет человека, которого я встретил в метель, который говорил мне уделять время важным *вещам*? Кто сказал мне жить и следовать за мечтой? О чем ты мечтаешь, Тревор? Что заставит тебя жить?

Он отвернулся.

— Я больше не могу надеяться только на свои мечты.

— Да. Можешь, — Марк снова сократил промежуток между их телами, окружая Тревора теплом.

Тревор встретил напряженный, умоляющий взгляд Марка. Может он сможет.

— Жизнь непредсказуема и несправедлива, но она также прекрасна и предназначена для того, чтобы жить полноценно, насколько мы можем, — сказал Марк, глубоким мягким голосом. — Если трансплантация пройдет успешно, у тебя будут годы впереди. Разве этого недостаточно?

Тревор заглянул в эти темно-зеленые глаза и понял, что его душа уже знала — любовником ли, другом, но этот человек всегда будет с ним рядом, несмотря ни на что.

— Если.

— Если, — улыбка, озарившая лицо Марка, как солнце ослепила Тревора. Он крепко прижал Марка к своему телу, так близко, что даже волосок не мог протиснуться между ними. Их губы встретились в обжигающем и страстном поцелуе, который ощущался как истинная любовь и прожигал каждый нерв, каждую клеточку. Как будто в любую секунду ударит молния.

В конце концов, Тревору понадобился кислород больше, чем желание целовать Марка вечно, и он оторвался, чтобы вздохнуть. Их лбы упирались друг в друга, лица соприкасаясь носами, медленно двигались из стороны в сторону, когда они вдыхали морозный воздух.

— Итак, давай сосредоточимся на здесь и сейчас, — сказал Марк. — Пойдешь ко мне домой?

Тревор закрыл глаза. Сколько раз он думал об этом человеке с тех пор, как они расстались? Сколько раз ему хотелось, чтобы все было по-другому? Может быть... его молитвы были услышаны. Но все же... Он отклонился, пристально глядываясь в искренние глаза Марка.

— Как насчет того, чтобы сначала посмотреть, как пройдет трансплантация, а затем, может быть, начать со знакомства?

— Я могу жить с этим, — сказал Марк, приправляя его маленькими поцелуями. — Но скажи, что придешь ко мне домой сегодня вечером... не свидание.

— Марк... — Тревор улыбнулся первой с Рождества искренней улыбкой. А потом он не смог сдержаться и сказал то, что хотел сказать, как только повернулся, увидев Марка в дверях террасы. — Да.

Эпилог

— Почему ты так нервничаешь? — Тревор поймал руки Марка в ловушку и прижал их к своей груди, когда они ехали на заднем сидении такси по дороге в дом родителей Тревора.

— Понятия не имею, — Марк посмотрел на Тревора, который улыбался ему, уверяя, что никогда не сделает ему ничего плохого. Марк понимал это чувство, потому что он чувствовал то же самое. Их первое «не свидание» после выставки Тревора стало длительным, и теперь, год спустя, удивление и радость от того, что каждый день он просыпался рядом с этим прекрасным человеком, не уменьшались. На самом деле, они только увеличивались.

— Ты уже их всех видел, — сказал Тревор, когда они проезжали мимо уличных фонарей, которые мерцали в его глазах, как синие бриллианты.

Да, это так. Мама и папа Тревора оставались в Боулдере на время операций Тревора и Марии и на всем протяжении их выздоровления. Все братья и сестры Тревора тоже приезжали, и Марк, наконец, смог воспользоваться гостевыми комнатами в своем слишком-большом-для-одного-человека доме. Дом, который Моррисоны, начиная с Тревора, превратили в настоящий семейный дом.

— Может быть, потому что это первый раз, когда я встречаюсь со всей семьей вместе. Или... потому что я вступаю на территорию Моррисонов.

Тревор засмеялся и поднял руки, чтобы поцеловать костяшки пальцев Марка.

— Ты понимаешь, что больше ты ничего уже не сможешь сделать, чтобы произвести на них впечатление, верно? Ты спас мне жизнь.

— Это сделала Мария.

— Благодаря тебе.

— Потому что я люблю тебя, — мягко сказал Марк.

Тревор наклонился к нему, рука скользнула опасно близко к его внезапно слишком заинтересовавшемуся члену, и прошептал:

— Я тоже тебя люблю.

Горячее дыхание пробежало по уху Марка, посылая дрожь возбуждения по его венам.

— Ты втянешь нас в неприятности, — с улыбкой на губах предупредил Марк.

— Все в порядке. Я знаю отличного адвоката.

Марк покачал головой и усмехнулся.

— Ты неисправим.

— Да. И ты любишь меня таким, какой я есть, — Тревор быстро поцеловал его в губы.

Марк позволил своей голове откинуться на подголовник и всмотрелся в мужчину, который стал для него всем.

— Да. Я люблю тебя больше, чем могу выразить это словами.

— Мы на месте, — сказал Тревор, наклоняя голову к окну рядом с ним.

Такси замедлилось перед большим домом в колониальном стиле, расположенным на огромном участке, окруженного заснеженными деревьями.

Входная дверь открылась, и, прежде чем их такси остановилось, половина клана Моррисонов, во главе с мамой Тревора, вывалилась на большую террасу.

Тревор снова поцеловал его в губы.

— Готов?

Марк кивнул.

— Готов.

Тревор заплатил таксисту, и они достали свои вещи из багажника, когда шквал голосов поспешил к ним. Их ждали добрые полчаса приветственных объятий и поцелуев в

щеки, позже, они отнесли свой багаж в гостевую комнату, которая с детства была спальней Тревора. Быстро освежившись и переодевшись, они направились обратно вниз.

Марк помогал накрывать на стол, но каждый раз, когда он пытался помочь на кухне, миссис Моррисон — которая настаивала, чтобы он называл ее Натальей — выгоняла его. Столовая размещалась в открытом алькове, который был частью большой гостины, и только тогда, когда все сели за стол и приступили к еде, Марк заметил, что чего-то не хватает в этом огромном пространстве.

— А где ваша елка? — он никого особо не спрашивал, но посмотрел на миссис Моррисон — Наталью.

Она улыбнулась и взглянула на Тревора, приподнимая бровь.

Марк тоже перевел взгляд на Тревора, который сидел рядом с ним.

— Это должно было быть *сюрпризом*, — насмешливо сказал Тревор, посмотрев на Наталью, прежде чем одарить Марка улыбкой, которую он никогда не устанет видеть. Каждая улыбка была обещанием, и каждое обещание еще больше освещало его жизнь. — Я хотел взять тебя завтра на плантацию, где выращивают ели. Я думал, мы могли бы выбрать елку и выкопать ее вместе. Как в прошлом году. Это будет нашей с тобой семейной традицией.

Наша семейная традиция...

Марк потянулся к руке Тревора и переплел их пальцы. Его голос дрожал, когда он сказал:

— Каждый раз, когда я думаю, что не могу любить тебя больше, чем уже люблю, ты доказываешь, что я неправ.

Тревор нежно поцеловал его в лоб.

— Я люблю тебя.

— Боже мой, — Исаак, брат Тревора, рассмеялся за столом. — Ты сейчас заставишь всех женщин плакать.

Все присоединились к смеху, но Марк не пропустил темные, повлажневшие от слез глаза Исаака. Зная, что его поймали, Исаак подмигнул ему.

— Вы, мальчики, постараитесь уйти пораньше, — сказала Наталья. — Метеорологи говорят, что завтра днем будет метель. Я не хочу, чтобы вы оказались застигнутыми врасплох и застряли там.

Марк встретил взгляд Тревора, и они оба улыбнулись. Случались вещи и похуже.

Конец